Наша цель — организовать литературу как единую, культурно-революционную силу.

М. Горький

50 ЛЕТ НАЗАД, 17 АВГУСТА 1934 ГОДА, ОТКРЫЛСЯ ПЕРВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Передовики уборки хлеба — отец и сын Носенко. Владимир Елисеевич — комбайнер; сын Анатолий Владимирович, директор местной средней школы, не первый год помогает отцу на уборке в свой отпуск.

Горячая пора на колхозном току.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

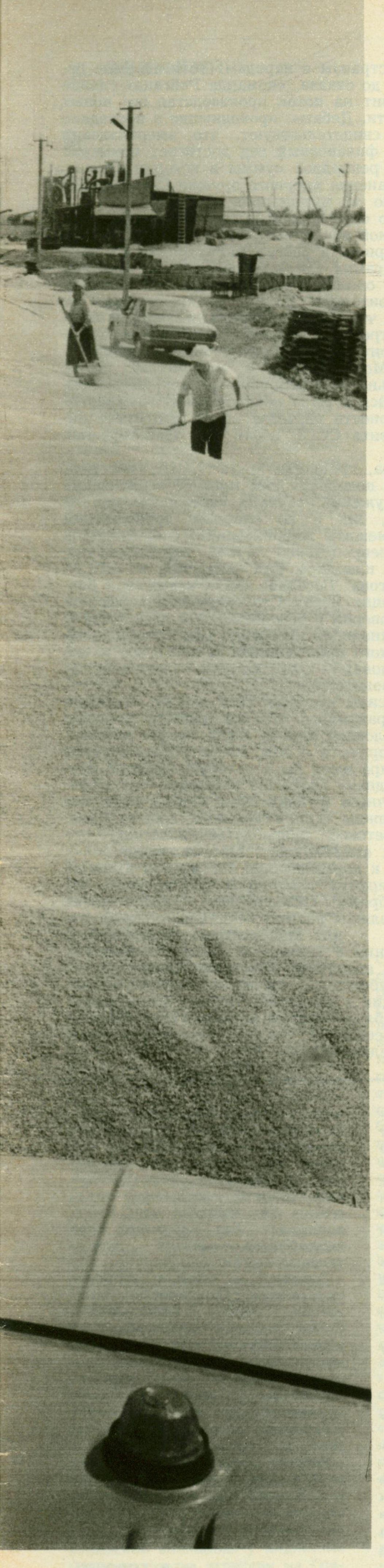
Основан 1 апреля 1923 года

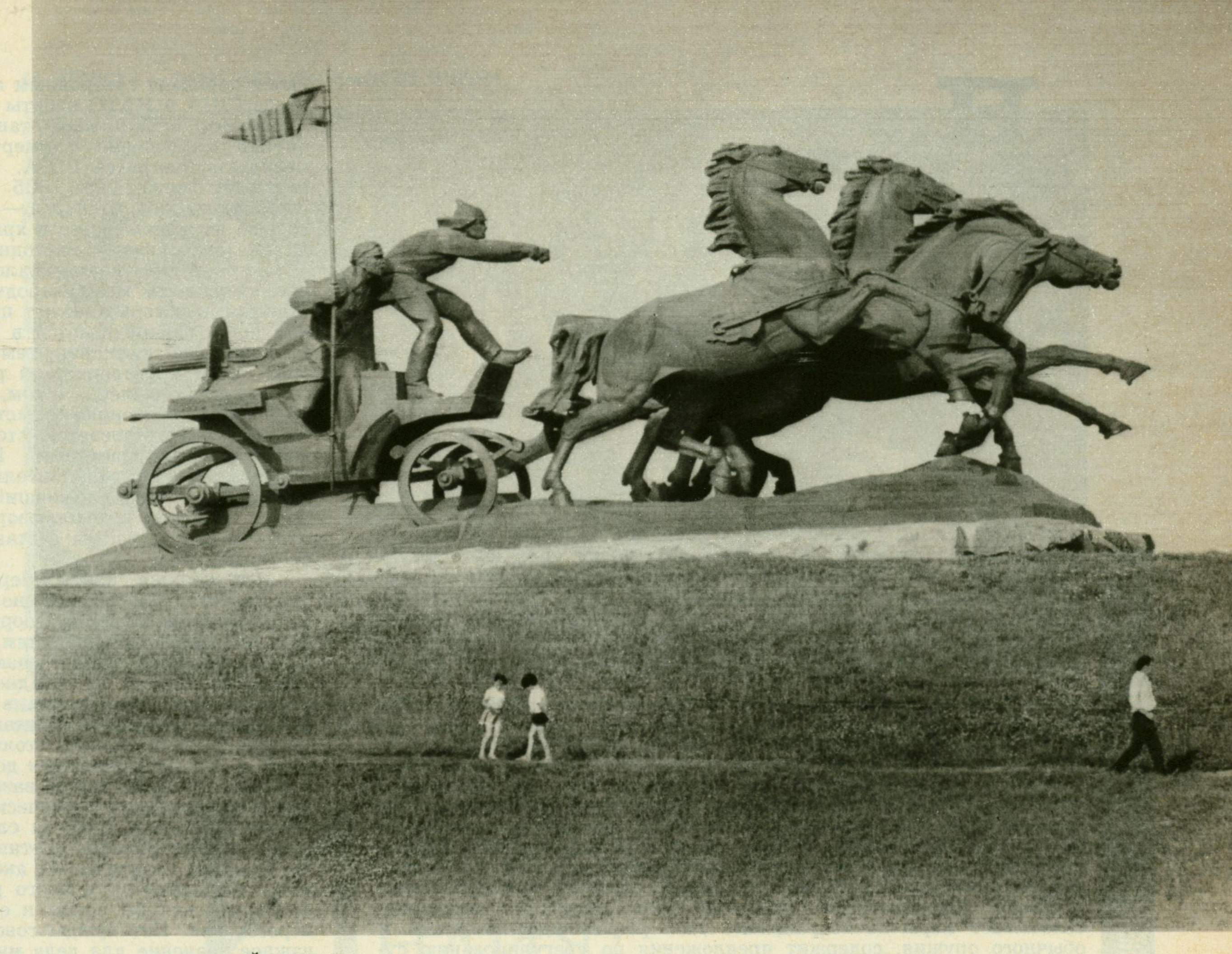
№ 34 (2979)

18 АВГУСТА 1984

поле-84

В СТЕП

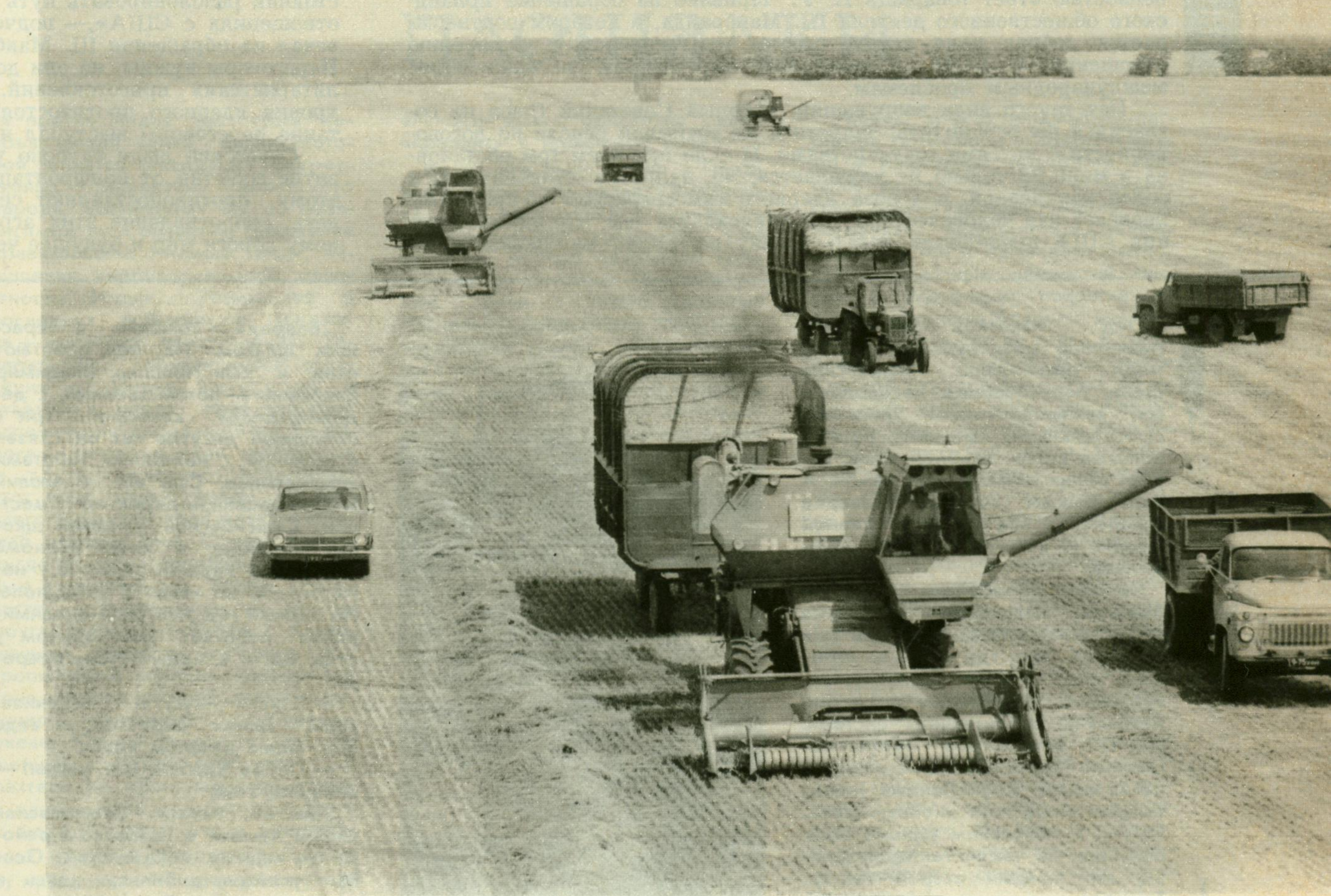

Монумент легендарной тачанке.

Идет подборка валков.

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

И, ПОД КАХОВКОЙ!

ОТСТОЯТЬ МИР

Юрий КОРНИЛОВ

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Тревожные, очень тревожные ветры бушуют над планетой! Непрекращающееся обострение международной обстановки вызвано и подогревается политикой империалистических кругов США и блока НАТО, которые задались целью доминировать в мире, «переиграть историю». Ныне для каждого мыслящего человека очевидно, что дальнейшее наращивание ядерных арсеналов и тем более стремление распространить гонку вооружений даже на космос ставят человечество перед угрозой всеобщей ядерной катастрофы.

В этих условиях сегодня, как никогда ранее, нужны неотложные действенные меры, способные упрочить мир, остановить и повернуть вспять развязанную империализмом форсированную материальную подготовку к войне. Именно на достижение этой кардинальной цели направлена активная, динамичная внешнеполитическая деятельность СССР, которую международная общественность с полным основанием характеризует как «советское мирное наступление». Выдвинутый нашей страной комплекс масштабных, реалистичных, подлинно конструктивных инициатив охватывает меры по сокращению как ракетно-ядерного, так и обычного оружия, содержит предложения по урегулированию существующих и предотвращению новых конфликтов и кризисных ситуаций, он проникнут стремлением к разрядке, к развитию мирного сотрудничества между государствами с различным социальным строем. Как новое убедительное подтверждение глубокого и искреннего миролюбия СССР расценен международной общественностью ответ товарища К. У. Черненко на обращение ирландского общественного деятеля Ш. Макбрайда, в котором подтверждается добрая воля нашей страны, ее готовность к улучшению отношений с США, к серьезным переговорам по важнейшим международным проблемам.

Нет такого вида вооружений, который Советский Союз не согласился бы ограничить, запретить на взаимной основе по договоренности с другими государствами. И если при всем том обстановка в мире не только не улучшается, но, напротив, становится все более накаленной, а угроза ядерного самосожжения по-прежнему нависает над человечеством, это объясняется тем, что администрация США продолжает делать ставку на силу, на навязывание своих порядков суверенным странам и народам. Хотя ядерные погреба США и НАТО набиты до отказа, «команда Рейгана» словно в каком-то исступлении ставит на поток производство все новых орудий разрушения и смерти. Дебаты, проходившие в последние месяцы в конгрессе США, свидетельствуют, что американский военный бюджет на 1985 финансовый год достигнет примерно 300 миллиардов долларов — рекордной суммы в истории страны. Только на производство и хранение ядерного оружия Соединенные Штаты затрачивают ежегодно 45 миллиардов долларов!

В последнее время стало своего рода правилом: чем сильнее обеспокоенность международной общественности опасными последствиями, к которым может привести разгул милитаризма в США, чем шире раскручивается в самих Соединенных Штатах маховик предвыборной кампании, тем обильней изливающийся из Вашингтона поток миротворческой риторики. Вашингтонские «верхи» не скупятся на заявления о том, что США-де «заинтересованы в контроле над вооружениями», «стремятся к возобновлению диалога»,— но что же, спрашивается, стоит за этими велеречивыми пропагандистскими фейерверками? Может быть, в Вашингтоне, пусть и с запозданием, действительно осознали наконец всю тщетность попыток взломать сложившийся в мире военно-стратегический паритет, осознали всю иллюзорность расчетов на то, что путем нажима и угроз удастся заставить СССР пойти на односторонние уступки?

Нет, сегодня, как и вчера, правящие круги США, которые, как известно, преднамеренно подорвали сам процесс ограничения и сокращения ядерных вооружений, сорвали переговоры как по стратегическим вооружениям, так и по ядерным вооружениям в Европе, продолжают размещать американские «першинги» и крылатые ракеты на западноевропейской земле, превращая западную часть континента в плацдарм для нападения на СССР, в ядерного заложника Пентагона. Сегодня, как и вчера, они блокируют решение задач, стоящих перед Стокгольмской конференцией по мерам укрепления доверия и безопасности и разоружения в Европе. А взять такую важнейшую проблему, как предотвращение милитаризации космического пространства. И здесь все та же нечистая двойная игра: на словах — одно, на деле — нечто совершенно другое, полярно противоположное...

Одна из политических аксиом ядерного века гласит, что ныне нет и не может быть иного разумного способа решать спорные проблемы, как бы остры и сложны они ни были, кроме диалога, переговоров. Нет нужды говорить и о том, какое исключительно важное значение для дела мира имел бы серьезный, деловой диалог между СССР и США. Однако столь же очевидно, что обязательным, по-настоящему прочным фундаментом любых переговоров Москва — Вашингтон должны быть искренние, добрые намерения обеих сторон. «Советское руководство полагает, что конкретные дела, а не слова американской администрации в состоянии разблокировать путь к нормализации обстановки в наших отношениях с США»,— подчеркнул товарищ К. У. Черненко, отвечая на обращение Ш. Макбрайда. Сказано ясно, сказано четко! Переговоры нужны, но они должны вестись не для прикрытия милитаристских приготовлений, а для действительного понижения уровня ядерного противостояния в Европе и в мире. Именно за такие переговоры выступал и выступает Советский Союз.

Советские люди глубоко убеждены, что можно повернуть развитие событий от конфронтации к разрядке. Те, кто препятствует этому, противопоставляют себя интересам всех народов. Преодолеть сопротивление этих агрессивных сил — задача и долг всех, кому дороги мир и будущее человечества.

Под Каховкой — бескрайнее равнинное раздолье. До самого моря раскинулись таврические степи, пересеченные лесополосами, высоковольтными линиями, оросительными каналами. Катятся золотые волны хлебной нивы. Радует облик обновленной земли. А ведь совсем недавно безводье изматывало все живое в степной Таврии. И высыхало все на солнцепеке.

Человек преобразил степь. На бывшем Каховском плацдарме продолжается подвиг. Теперь уже трудовой. Там, где когда-то «гремела атака и пули звенели», сооружается крупнейшая в Европе Каховская оросительная система. На 130 километров протянулся главный Каховский магистральный канал имени В. И. Ленина. Живительная влага поит знойную степь. Только в Каховском районе воду получили 50 тысяч гектаров земли, это каждый второй гектар. Там, где еще недавно снимали по 12—13 центнеров зерна с гектара, сегодня получают по 50—60 центнеров пшеницы, как, например, в колхозе «Украина» Каховского района Херсонской области.

Сварщик вызван в поле...

...Впереди — комбайн с красным флагом. На нем работают отец и сын Носенко. Владимир Елисеевич — потомственный, с дедов-прадедов, хлебороб. Три с половиной десятка лет он связан с техникой, с нелегкими заботами земледельца. Сын его, Анатолий Владимирович,— директор местной, Семеновской средней школы, кандидат в члены горкома Компартии Украины. Сейчас у него отпуск, но тянет к себе поле. Не первый год Анатолий Владимирович работает помощником у отца. Вот и в жатву-84 они впереди.

— Елисеич,— шутят механизаторы,— сын-то директор, а ведь под твоим началом ходит.

— Перед хлебом все равны! — отвечает отец.

Заметим, кстати: Семеновская школа лучшая в Каховском районе по многим показателям. Особых успехов добились здесь в профессиональной ориентации учащихся. Не случайно большинство выпускников связывают свою жизнь с землей.

С приходом большой воды изменились и микроклимат, и флора, и фауна. Вдоль каналов встретишь теперь чаек, диких уток... А степной пейзаж стал по-современному индустриальным. Сегодня таврическую степь, где недавно властвовал безжалостный ветер-суховей, невозможно представить без ажурных мачт электропередач, без настоящих «рек плодородия» — каналов оросительных систем.

Гордятся в области агропромышленным садоводческим комплексом «Краса Херсонщины». Сотни гектаров карликовых деревьев получают воду по способу прогрессивного капельного орошения. Комплекс стал мощным поставщиком яблок, персиков, абрикосов, черешен. Разве могли мечтать об этом в безводной Таврии!

Каховка... Золотыми буквами вписано это слово в историю нашей Родины, как эстафета героического подвига и трудового созидания советского народа.

В. ГОРОБЕЦ,
корреспондент каховской районной газеты «Зоря комунізму»

Немедленной ликвидации американских военных баз в Индийском океане и прекращения поставок вооружений Пакистану потребовали участники демонстрации, состоявшейся у здания посольства США в Дели.
Фото С. Кармалито (ТАСС)

Индия: взгляд с исторической площадки

В Дели с небольшой возвышенной площадки в Красном форте хорошо виден фрагмент старого города. Притиснутые друг к другу дома, узкие улицы, крутые каменные лестницы, поток велосипедистов, автобусов, повозок. Виден отсюда и небольшой отрезок реки Джамны, люди на ее берегах. Вроде бы кадр из жизни одного лишь города, часть огромного — фрагмент Индии. Больше ничего отсюда, думается, и не увидишь. Так, однако, кажется, если не знать одного исторического обстоятельства. Именно здесь 15 августа 1947 года первым Премьер-Министром Республики Индии Джавахарлалом Неру был поднят трехцветный флаг независимой Индии. И именно отсюда обратился он ко всей огромной стране, в суровой борьбе обретшей свободу, независимость. С этой исторической площадки увидел Дж. Неру страну такой, какой она была отвоевана у английского колониализма, и с той исторической минуты народ ее прилагал титанические усилия, закладывая основы экономики, направляя ее развитие по независимому пути, укрепляя обороноспособность Индии, ее целостность.

37-летний путь независимой Индии не был легким для народа. На нем не раз встречались существенные препятствия, зачастую искусственно создаваемые теми империалистическими кругами, для которых избрание Индией независимого пути развития явилось сигналом к ожесточенной массированной атаке на завоевания индийского народа. В частности, на его монолитность, на территориальную целостность Индии...

Чанакьяпури — тихий район Дели. Постройки здесь поражают разнообразием стилей. Буйство архитектурной фантазии, для Дели, кстати, нехарактерное, объясняется просто. Перед каждым зданием, как стрелка гигантских солнечных часов, высится мачта флагштока. Чанакьяпури — район дипломатических представительств и миссий.

В последнее время тишину здесь все чаще нарушают демонстрации, собирающиеся перед массивной решеткой с тяжелыми воротами, за которыми виден звездно-полосатый флаг США. Я видел несколько десятков таких демонстраций. И, пожалуй, характерно, что не было ни одной в поддержку каких-либо акций американской администрации. Все, как одна, против. Всякий раз демонстранты несли разные плакаты, скандировали разные лозунги, но все это было «против»... Против американской ядерной, нейтронной, вакуумной и прочих бомб. Против милитаризации Соединенными Штатами Индийского океана, против превращения острова Диего-Гарсиа в бастион американской военщины у индийских берегов, против агрессии на Гренаде и в Ливане, против вооружения Пакистана, против подрывной деятельности ЦРУ в Индии.

Давно уже не секрет, что специальными службами США ведется против Индии настоящая необъявленная война, целью которой является ликвидация прогрессивных завоеваний индийского народа, достигнутых им на независимом пути развития, свержение правительства Индиры Ганди, нарушение территориальной целостности Индии... Размышляя о последних событиях в Пенджабе — кровавых преступлениях сепаратистов, добивающихся отделения от Индии этого штата, и ответных мерах правительства: ограничении передвижения по дорогам, закрытии ряда аэропортов и т. п., невольно вспоминаю этот штат таким, каким он был всего лишь три года назад. Пенджаб радовал глаз. Сочная зелень нигде почти не перебивалась ржавым неурожайным полем, столь часто встречающимся во многих других штатах. Буйволы с прилежанием, ценность которого под тропическим солнцем вдвойне высока, бороздили необъятные поля, точно маленькие кораблики — океан. Юркие экзотично раскрашенные тракторы озабоченно тарахтели по обочинам, переезжая с одного поля на другое. И было у меня чувство, что в пенджабских трудовых буднях много есть от праздника. Что штат жил полнокровно, по-трудовому. Что люди щедры на шутку, что дети смеются просто так, потому что им хорошо. И что не было это идиллической пасторалью, навеянной экзотикой, а была здоровая реальность штата, одного из самых «крепких» в индийской семье.

Но не все было ладно в Пенджабе и три года назад. Обстановка там, накалившаяся сейчас до взрывоопасного состояния, уже тогда по многим признакам вряд ли могла считаться благополучной. Зрели в штате ядовитые плевелы сепаратизма, заботливо «культивируемые» американскими спецслужбами и «удабриваемые» подрывной литературой и долларами. Уже тогда экстремистами была проведена серия террористических актов против тех, кто наиболее активно противостоял оголтелым поборникам отделения Пенджаба от Индии и создания на его территории государства Халистан. Уже тогда подло, из-за угла сепаратисты стреляли в патриотов, которые в целостности своей родины видели ее будущее.

...Перекресток небольшого пенджабского городка. Моторикши, воловьи упряжки, грузовики, автобусы идут сплошным потоком. Сирены автомобилей, звонки велосипедистов, уличная суета, шум. Три года назад этот мирный городской шум был расстрелян сепаратистами из обрезов и пистолетов. Убит Лал Джагат Нараин, широко известный и уважаемый в Индии журналист-патриот. В мае нынешнего года террористы убили и его сына Рамеша Чандера Чопру. И это не единственные жертвы террористов.

Убийцы многих пенджабцев-патриотов скрывались в Золотом храме в Амритсаре, превратив святыню сикхов, по сути, в бандитскую штаб-квартиру. Именно там, пользуясь традиционным уважением властей к неприкосновенности религиозных ценностей сикхов и чудовищно извратив их смысл, укрылось большое количество головорезов во главе с хладнокровным убийцей Джарналом Сингхом Бхиндранвале. Уже тогда, три года назад, когда мы бродили по сказочным чертогам храма — символа сикхской веры, окопавшиеся там бандиты молились «иностранным богам». Они прятали в тайники Золотого храма оружие, а в тайниках их черных душ гнездилась та же ненависть к индийскому народу, что и в секретных циркулярах ЦРУ. И связь между этими тайниками была прямая.

Гнездо заговорщиков в Амритсаре было разгромлено. Возмездие настигло Джарнала Бхиндранвале — убийцу, встретившего смерть с позорным свидетельством своего предательства — винтовкой западного образца в преступной руке. Из нее он убивал индийских полицейских, приступом бравших осиное гнездо заговорщиков.

Да, не в первый раз индийцев убивали из иностранного оружия, за американские доллары. И стрельбу «по-американски» в Амритсаре вполне можно считать прообразом той угрозы, ко-

торая исходит от бандитских отрядов сепаратистов, окопавшихся на территории США и проходящих там специальную подготовку. На деньги ЦРУ существуют в США и Канаде «халистанские консульства» — смехотворные подделки под дипломатические миссии, по сути, представляющие собой миссии терроризма. На те же деньги отпечатаны фальшивки — паспорта «граждан Халистана» и карты несуществующего государства. На «национальной» валюте Халистана выведено слово «доллар». Им и определяется суть подрывных стараний главарей сепаратистов.

Не только на Пенджаб распространяется активность ЦРУ. Дестабилизация северо-восточных штатов Индии была и остается одной из основных задач, поставленных американской администрацией перед своими спецслужбами. Районы Джамму и Кашмира также время от времени потрясают взрывы сепаратизма. И за ними всякий раз видна тень ЦРУ. Как, впрочем, и за всеми многочисленными акциями террористического и диверсионного характера, проводимыми американским империализмом в Индии. Активность эту справедливо будет определить как глобальный терроризм. Раньше речь шла о глобальном шпионаже, ибо, по свидетельству американской печати, практически каждый гражданин США, находившийся в Индии, выполнял то или иное задание ЦРУ или служил источником шпионской информации для этого ведомства. Теперь же можно говорить именно о глобальном терроризме. Ибо то, что происходит в Пенджабе, на северо-востоке, в Джамму и Кашмире с ведома и по прямому подстрекательству из-за океана, другим словом не назовешь. Кроме того, достоянием гласности стали сведения о готовящихся террористических акциях против индийских руководителей, в частности, против Премьер-Министра страны Индиры Ганди. Как сообщалось в индийской печати, к их исполнению привлекли нескольких международных террористов...

В своей самоотверженной борьбе против сил мировой реакции Индия не одна. Плечом к плечу с ней стоят дружественные страны, одной из которых является Советский Союз. Советский народ с симпатией и солидарностью следил за героической борьбой индийцев за освобождение от колониального рабства, а после обретения Индией независимости протянул ей руку дружбы и помощи, стал естественным союзником молодой республики в борьбе против колониализма, расизма, апартеида, против сил международной реакции. В отношениях с Индией СССР неизменно следовал долгу дружбы и всегда действовал в духе укрепления взаимопонимания и взаимовыгодного сотрудничества. Именно поэтому сейчас в Индии, где проходит месячник советско-индийской дружбы, говоря о Советском Союзе, называют его верным и испытанным другом индийского народа...

Вот уже 37 лет над Индией гордо реет флаг независимости. И попытки международного империализма сделать республику смиренным просителем в прихожей вашингтонских политиканов, слепым орудием чужой воли терпят позорный провал. Народ Индии уверенно смотрит в будущее.

Александр ПАЛЛАДИН

ПОД МАРКОЙ ОЛИМПИАДЫ

Накануне открытия летней Олимпиады-84 «Филадельфия инкуайрер» попыталась предугадать, какой она будет. Исходя из реалий Лос-Анджелеса, газета предложила на выбор читателям несколько вариантов: «Игры на мушке уголовников и террористов», «Олимпиада, задушенная смогом», «Соревнования, погрязшие в коррупции, хаосе и автомобильных пробках».

В проницательности оракулам из «Филадельфия инкуайрер» не откажешь. В дни Олимпиады Лос-Анджелес был похож на гигантскую военную базу. (Впрочем, газете «Нью-Йорк таймс» он показался увеличенной во сто крат площадкой, на которой снимался фильм «Апокалипсис». Стянутые в город двадцать тысяч полицейских, национальных гвардейцев, сотрудников ФБР и ЦРУ, военные самолеты и особенно десятки вертолетов действительно напомнили кадры кинокартины, живописавшей грязную войну американских «джи-ай» против народов Индокитая.) Кроме того, над Лос-Анджелесом барражировали дирижабли — с них вели наблюдение и передавали наставления, как избежать встреч с преступниками, а в акваторию города ввели военные корабли. Места проживания спортсменов и вовсе были наводнены синими беретами охранников, которые установили через каждую сотню метров живые заслоны. Общежития были обнесены тремя рядами проволочной ограды, для антуража украшенной разноцветными ленточками и полотнищами. Вдоль нее на случай отказа электронных сторожей бегали свирепые псы.

И все же без ЧП не обошлось. Хоть местные преступники, побоявшись невиданного в истории Лос-Анджелеса (да и всех США) нашествия блюстителей порядка, и ушли на две недели в подполье, были и убийства, включая массовое, и покушения, и ограбления, и воровство, которое в «городе ангелов» уж и не принимают в расчет. Из-за угроз в свой адрес гости Олимпиады из Турции, например, помышляли не столько о состязаниях, сколько о том, как бы дожить до закрытия Игр и подобру-поздорову вернуться домой. Вопреки преднамеренно распускавшимся инсинуациям о террористических актах, будто бы замышлявшихся «советскими агентами», как всегда, оказалось, что корень зла таится в самих США и здешнем обществе жестокости и насилия. Недаром задолго до Олимпиады охрану приставили и к шефу Оргкомитета летних Игр-84 Юберроту и к членам его семьи.

Впрочем, и те, кто вверял свою безопасность «синим беретам», шли на риск, ибо стражи закона нередко сами становились законарушителями: одни — обворовывая поднадзорных спортсменов, другие — грабя городские магазины, третьи—участвуя в контрабанде наркотиков, четвертые — сами употребляя подобный дурман...

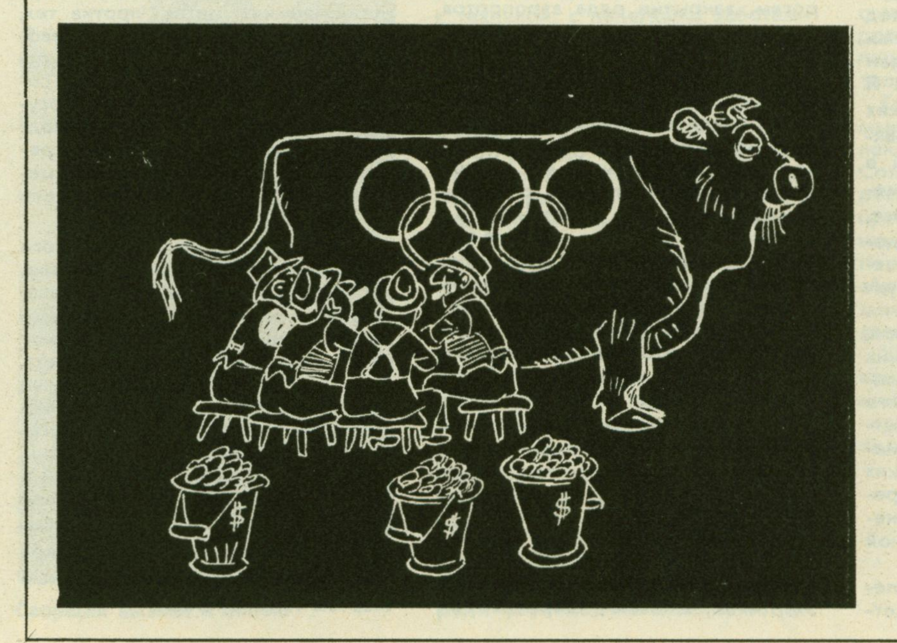
А ведь всех, кого наняли обслуживать Игры, подвергли тщательнейшей проверке, в том числе через ЦРУ и ФБР. Не в том ли дело, что проверяли прежде всего на политическую «благонадежность»?

Подошел под критерий устроителей Игр и главарь фашистско-террористической банды «Ангелы ада», за три тысячи долларов получивший право участвовать в эстафете олимпийского огня. Сменив фашистскую экипировку на форменные трусы и майку, он гаркнул в подставленные микрофоны: «Наша организация состоит из стопроцентных американцев, всецело одобряющих политику правительства»,— чем заслужил одобрение таких газет, как «Чикаго трибюн».

Факел со священным олимпийским пламенем хоть и попал в кабалу к торгашам, высветил суть лос-анджелесских Игр — их неслыханную эксплуатацию коммерсантами и политиканами. Недаром в знак возмущения решением устроителей Олимпиады распродать огненную эстафету прародители Игр — греки отказались участвовать в традиционной церемонии зажжения огня на горе Олимп. Организаторов соревнований в Лос-Анджелесе это, впрочем, ничуть не смутило. Переправив пламя через Атлантику, они понесли его через территорию США по замысловатому маршруту, вымощенному тридцатью миллионами долларов (во столько оценили огненную трассу). Как обычно, шелест ассигнаций старались заглушить пламенными речами и пылкими фразами. При этом, не обращая внимания на истину и олимпийскую хартию, предъявляли еще и моральные «права» на владение и помыкание древней традицией. «Факел — символ американской демократии»,— неслась вдоль маршрута наглая претензия на символ международного спорта.

Так же бесцеремонно, как с законным приобретением, в США обошлись с лос-анджелесской Олимпиадой в целом. Типично американская линия поведения, характерная и для внешней политики США: чуть где почувствуют слабинку, тут же стремятся переиначить на собственный лад неудобные им порядки, да еще и выдают корыстное самовольство за невиданное благодеяние. Вверив Лос-Анджелесу судьбу летних Игр-84, Международный Олимпийский комитет поплатился за свою короткую память: ведь другой американский город — Денвер едва не сорвал проведение Белой Олимпиады-76, тоже попытавшись сделать из крупнейших в мире состязаний заложника собственных прихотей.

В Лос-Анджелесе на Игры смотрели, как на дойную корову. Припасть к ее золотоносным соскам норовили дельцы всех калибров, но не всех к ним подпустили. «Устроители Олимпиады обещали вовлечь в ее проведение всех жителей города. На деле же это коснулось лишь тех, у кого крупные капиталы»,— возмущается Джон Уэбстер, тридцать лет проживший рядом с главным олимпийским стадионом и рассчитывавший, подобно многим соседям, подзаработать продажей сувениров. Ничего из их расчетов не вышло. Посетителей соревнований доставляли автобусами к самому стадиону, где их поджидали со своим товаром торговцы, уплатившие организаторам Игр специальный оброк. (Их территориальные права зорко охраняла полиция.) «Ловко придумано,— заметил Уэбстер.—

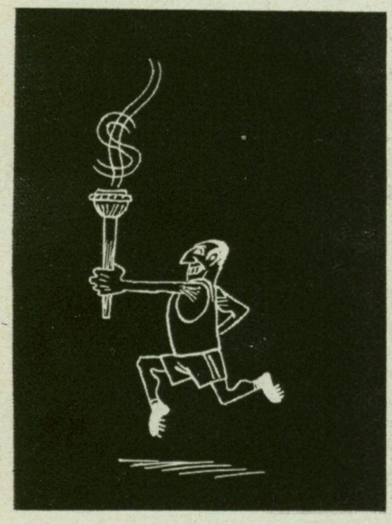

Оргкомитет таким образом убил сразу двух зайцев: обеспечил себе максимальную прибыль и предотвратил контакты приезжих с местной беднотой».

Даже надетая здешней пропагандой маска восторженности нет-нет, да сменялась кислой гримасой, и тогда на телеэкранах появлялись пустые — хоть шаром покати — автостоянки, а с газетных страниц горько плакали те, кому вскоре расплачиваться за чужие лжепрогнозы и собственную доверчивость.

Нажиться на Олимпиаде в той мере, как на это рассчитывали местные дельцы, они не смогли оттого, что многие жители олимпийской столицы смекнули: без представителей большинства ведущих спортивных держав Игры поблекнут. Гораздо меньше расчетного оказался и приток туристов из-за рубежа: предолимпийские репортажи показали «сказочный рай», каким изображали Лос-Анджелес в рекламных брошюрах, с изнанки.

Зато крупный бизнес не остался внакладе. На манер церемониймейстера вела себя телекомпания «Эй-би-си». Дабы восполнить отток наиболее сведущих зрителей, потерявших интерес к Играм из-за отсутствия множества сильных спортсменов и команд, она охотно включилась в кампанию, затеянную администрацией Рейгана по завоеванию на второй срок Белого дома. Переняв от нее эстафет-

ную палочку, «Эй-би-си» принялась раздувать в стране шовинизм, норовя заставить всю нацию поголовно размахивать звездно-полосатыми флагами и горланить ура-патриотические лозунги. Спортивные комментаторы «Эй-би-си» вели репортажи с Олимпиады в синих пиджаках, красных галстуках и белых сорочках — ни дать ни взять национальный флаг, только без звезд и полос. Своей предвзятостью и пренебрежением к тысячам гостей — спортсменов из других стран компания заслужила сравнение с радиодиверсантами из «Свободной Европы».

Однако в глазах рекламодателей «Эй-би-си» со своей задачей справилась на «отлично». Тому доказательство — неслыханное даже по здешним меркам обилие рекламных заставок. В общей сложности телерепортажи с Олимпиады длились 180 часов. Из них 37,5 были отданы под восхваление различных сортов пива, авиакомпаний, отечественных и импортных автомобилей, кока-колы, бутербродов с котлетой, жареного картофеля.

На роль зазывал наняли многих известных в прошлом спортсменов. Рекордсмен мира по прыжкам в длину Боб Бимон чокался с телезрителями пивной кружкой, четырехкратный чемпион Олимпиад по метанию диска Эл Ортер превозносил достоинства ножовок и рубанков. Спортивных комментаторов то и дело перебивали и сеятели ненависти к СССР. «Эй-би-си» за четверть миллиона долларов дала им возможность припугнуть аудиторию «советской угрозой», которой, дескать, необходимо противопоставить навязанный Рейганом новый раунд гонки вооружений...

Местные ура-патриоты принялись размалевывать физиономии на манер американского флага, выбегать со знаменами на спортивные поля и площадки, требовать от судей поблажек «своим» и мешать выступлениям «чужаков». «Олимпиада 1936 года в Берлине, да и только»,— не сговариваясь, отозвались об Играх канадская газета «Глоб энд мейл» и шведская «Арбетет».

Царившая в Лос-Анджелесе вакханалия шовинизма преследовала еще одну цель: сделать так, чтобы отблеск полученных соотечественниками медалей застил американцам глаза, отвлекал их от серьезных раздумий о спортивном уровне Олимпиады. А уровень, как показывает самый несложный анализ, был весьма и весьма невысок. Десять мировых рекордов в плавании да один в легкой атлетике — вот и весь багаж летних Игр-84; к тому же надо учесть, что в плавании высшие достижения обновляются чуть ли не каждый год. Но других результатов ждать было трудно: из двухсот двадцати чемпионов мира по различным видам спорта, входившим в программу Игр, в Лос-Анджелес приехали лишь 93.

Западногерманский пловец Михаэль Гросс, который был награжден в Лос-Анджелесе двумя золотыми и двумя серебряными медалями, поступил принципиальнее других: отказался стартовать на дистанциях, где бесспорным фаворитом считается наш Владимир Сальников. Нечто подобное попробовал сделать американец Рик Кэри. Победив в заплыве на 100 метров на спине, он не стал, подобно товарищам по команде, колотить по воде руками, испускать истерические вопли и душить всех подряд в объятиях, ибо, одолев соперников, уступил мировому рекорду. За это его стали травить: дескать, не умеет, как все, радоваться удаче, не все ли ему равно, как досталась золотая медаль?! И чемпион был вынужден принести публичное покаяние...

«Америка юбер аллес!»— так, на манер нацистского лозунга, выразил суть завершившейся Олимпиады лос-анджелесский журналист Говард Розенберг. «Не Олимпиада, а американиада»,— слегка иначе сформулировал ту же мысль сотрудник журнала «Спортс иллюстрейтед» Фрэнк Дифорд. А побывавший на Играх швейцарец Альфред Клингер суммировал увиденное в письме в редакцию «Лос-Анджелес таймс»: «Даже те из нас, кто поначалу не понимал причин отказа ряда социалистических стран участвовать в Олимпиаде, теперь убедились в их правоте».

Вашингтон.
По телефону.

Новостройки столицы КНДР. **Фото В. Садчикова (ТАСС)**

ТРУДОВЫЕ БУДНИ РЕСПУБЛИКИ

В истории Корейской Народно-Демократической Республики 15 августа 1945 года — дата особая. Советская Армия, разгромив отборные войска милитаристской Японии, принесла корейскому народу долгожданное освобождение. На земле Северной Кореи создались благоприятные условия для победы народно-демократической революции, развития страны по социалистическому пути.

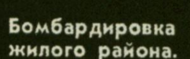
Республике, провозглашенной 9 сентября 1948 года, в наследство от колониального прошлого достались неисчислимые трудности. Тем значительнее успехи в строительстве новой жизни, которыми ныне по праву гордятся труженики КНДР. Красив и наряден Пхеньян, буквально утопающий в зелени. Многоэтажные корпуса жилых домов гармонично соседствуют с беседками и пагодами, построенными несколько веков назад на скалах Горы пионов. В столице и других городах установлены монументы в честь советских воинов, принесших на эту многострадальную землю освобождение от почти полувекового иноземного гнета.

Советско-корейская дружба, зародившаяся в августе 1945 года, с честью выдержала испытание временем. Повсюду в КНДР видны плоды совместного труда специалистов двух стран. При участии советских инженеров и рабочих построено и реконструировано около 60 важных промышленных и других объектов, составляющих костяк национальной экономики. Сунхунская ГЭС, металлургический комбинат в Чхонджине, сталелитейный завод в Ким-Чхэке, Нампхоский завод цветных металлов — вот далеко не полный перечень строек дружбы. Братское сотрудничество народов наших двух стран продолжает развиваться и совершенствоваться, приносить плодотворные результаты.

В. МИШИН

Продукция птицефабрики, построенной недалеко от Пхеньяна.

Бомбардировка жилого района.

Фото автора

МЫ ПРЕДЛАГАЕМ ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ «ЛИВАНСКИЙ ДНЕВНИК». ЕЕ АВТОР, ВЛАДИМИР КОВНАТ, В ТЕЧЕНИЕ РЯДА ЛЕТ РАБОТАЛ КОРРЕСПОНДЕНТОМ - КИНООПЕРАТОРОМ СОВЕТСКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ. ЕГО РЕПОРТАЖИ НЕ РАЗ ПУБЛИКОВАЛИСЬ НА СТРАНИЦАХ НАШЕГО ЖУРНАЛА. В ПУБЛИКУЕМОМ ОТРЫВКЕ АВТОР ВОЗВРАЩАЕТСЯ К АВГУСТОВСКИМ ДНЯМ 1982 ГОДА, КОГДА ИЗРАИЛЬ, ВТОРГШИЙСЯ НА ТЕРРИТОРИЮ СУВЕРЕННОГО ЛИВАНА, ВЕЛ НАИБОЛЕЕ ОЖЕСТОЧЕННЫЕ БОМБАРДИРОВКИ БЕЙРУТА.

Владимир
КОВНАТ

БЕЙРУТ, АВГУС

1

...Весь город был тогда фронтом. На жилые кварталы падало не меньше бомб и снарядов, чем на передовую линии обороны. Бойцы отрядов ПДС — НПС, отбившие много танковых атак, говорили нам, что им страшны не израильские танки, а то методичное зверство, с которым сионистские интервенты крушат знаменитый и прекрасный город. Пока мы здесь с нашими верными противотанковыми ракетами, говорил молодой боец, внимательно наблюдавший за дорогой, сионисты в Бейрут не пройдут.

— Посмотрите, сколько там их тяжелых танков,— сказал тридцатилетний, однако уже совершенно седой командир отряда.— Но они не смеют приблизиться на расстояние прицельного выстрела из ручного гранатомета. Час назад завалили нас авиабомбами, чуть продвинулись и тут же откатились назад. А мы научились укрываться от бомбежки в бетонных развалинах. Ваши герои Сталинграда — лучший для нас пример...

Нам далеко не всегда разрешали снимать боевые позиции, поскольку телеэкран или страницы журнала открыты для всех — и враг может это увидеть. Многие бойцы просили нас не снимать их лица. Они не без оснований опасались, что их близкие в захваченных израильтянами южных лагерях беженцев могут быть подвергнуты дополнительным репрессиям.

Не проявляя особого желания положить свои жизни на алтарь «Великого Израиля», оккупанты рассчитывали на первых порах сбить защитников Бейрута с позиций круговой обороны, загнать их в центр города и там уничтожить, свалив им на головы весь запас авиабомб, которые только есть в Израиле и Америке. Правда, в этом случае от Бейрута осталась бы дымящаяся каменная пустыня. Но сионистскую верхушку, это, видимо, не смущало.

Однако шли дни, недели, месяцы, а защитники города оставались на своих позициях и наносили агрессорам весьма ощутимый урон. От метода «непрерывного огненного вала» израильтянам пришлось отказаться, и вовсе не потому, что не хватало боеприпасов — Америка была готова переправить в Израиль сколько угодно снарядов, ракет и авиабомб. Но узкие участки, на которых тяжелые бомбы рвались одна вплотную к другой, оказывались в результате непроходимыми для танков и других боевых машин. Охоты идти в пешую атаку у оккупантов явно не было, это означало неизбежную гибель. Практика этой войны лишний раз подтвердила, что полностью сравнять с землей большой город теоретически можно, но это требует времени. А время работало не в пользу Израиля.

Прокрутить эту гнусную военную операцию максимум за неделю, как обещали своим согражданам израильские лидеры, переловить всех палестинских бойцов во главе с руководством ООП и преподнести Израилю покоренный Ливан — ничего из этого у сионистов не вышло. Вооруженная по последнему слову военной техники армия надолго завязла под Бейрутом, и уверенность в быстром захвате ливанской столицы сменилась слабой надеждой овладеть городом лишь тогда, когда от него уже ничего не останется.

Линия круговой обороны проходила от пригорода Хальде на берегу моря у международного аэропорта к большому и густонаселенному мусульманской беднотой району Бурж Баражна, по краю лагеря беженцев с тем же названием и району Шиях, где жили мусульмане-шииты, дальше через совершенно разрушенную часть Бейрута к площади Музея неподалеку от крупнейших лагерей палестинских беженцев Сабра и Шатила, через руины Старого Коммерческого центра к морю и замыкалась длинной береговой полосой.

Позже оккупантам удалось занять аэропорт — благодаря активности сионистской агентуры и продажности ее трусливых пособников.

Теперь израильские танки оказались в непосредственной близости от лагерей палестинских беженцев и расстреливали их из орудий в упор. Заодно они вели обстрел района Арабского университета. Западное телевидение показало, как расчеты израильских орудий вгоняют в жилые дома снаряд за снарядом — в перерывах между игрой в шашки. Одновременно тяжелые орудия и минометы вели огонь по городу с окружающих Бейрут возвышенностей, а со стороны моря корабли под бело-голубым флагом беспорядочно засыпали столицу сериями ракет.

Стоящее неподалеку от площади Музея здание посольства Чехословакии светилось на фоне неба сотнями пробоин, как, впрочем, и другие дома в этом районе. Множество посольств, дипломатических миссий, торговых представительств и жилых домов дипломатов было или разрушено полностью, или изрешечено огнем интервентов. Учитывая малые расстояния и прекрасную видимость, ни у кого не вызывало сомнений, что израильтяне громят эти здания совершенно намеренно. Очередное наглое нарушение элементарных международных норм вызвало новую волну всеобщего возмущения. Тогда генерал Ариэл Шарон заявил на пресс-конференции, что его солдаты стреляют только по военным объектам, то есть по зданиям, где засели «террористы». Это было обычным враньем. На наших глазах жилой дом дипломатов ГДР, в котором, по счастью, не оказалось ни души, рухнул от взрыва прицельно выпущенной с бомбардировщика ракеты. В дом посольства Франции вкатили шесть снарядов — а ведь, кроме нескольких сотрудников, там никого не могло быть; здания посольств арабских стран, расположенные вдоль побережья, покинули даже сторожа, но израильтяне обращались с этими домами, бывшими зачастую произведениями архитектурного искусства, как с учебными мишенями: их просто разбили снарядами и ракетами. Посольство Кубы, находящееся в многоэтажном здании, было разнесено прямыми попаданиями. Этот перечень можно продолжать бесконечно. Лишь посольства, расположенные близко к американскому, избежали артиллерийских или бомбовых ударов. Это лишь малая часть гнусных преступных дел израильской военщины, совершенных на 82-м году двадцатого века и названных операцией «Мир для Галилеи».

Галилея — это северная область Израиля, примыкающая к израильско-ливанской границе. К июню 1982-го Ливан был единственным соседом Израиля, у которого тот еще не отнял порядочного куска территории. Когда израильтяне со скрежетом зубовным вернули Египту в обмен на предательское кэмп-дэвидское соглашение Синайский полуостров, тогдашний премьер Менахем Бегин заверил свой «избранный богом» народ, что эта территориальная «уступка» необходима, но она последняя — других не будет. Многие специалисты по ближневосточным проблемам писали в ту пору, что теперь Израиль обязательно кинется на север — так и было. Вся эта кровавая операция проходила под прикрытием Шестого флота США, пришедшего для поддержки партнера к восточным берегам Средиземного моря. Там, у бейрутских пляжей, американская «великая армада» крейсирует и по сей день. А Белый дом недвусмысленно дал понять, что не позволит и пальцем тронуть своего милого израильского дружка: Америка взяла на себя ответственность за широкомасштабный израильский военный терроризм. Партнеры действуют рука об руку. Только Израилю нужна чужая земля, а Америке — новые военные базы на этой земле.

Так стоит ли удивляться тому, что Бейрут бомбили американские самолеты, а подавляющая часть нескончаемого потока взрывчатки и стали, уничтожавших город и людей, была американского производства.

Отряды защитников Бейрута успешно отбивали атаки израильских танков. Но помешать жестокому врагу взрывать город авиабомбами — это было невозможно. Расчеты зенитных пулеметов и автоматических пушек вели огонь с открытых мест, ежесекундно подвергаясь смертельной опасности. А у партизан, тем более у палестинцев, сражавшихся с агрессором на земле чужой страны, давшей им, беженцам, приют, не могло быть по понятным причинам ни мощной истребительной авиации, ни современных ракетных средств ПВО, которые можно было бы противопоставить новейшим американским бомбардировщикам. Не было такого оружия и у ливанцев — раздираемая междоусобицами страна не имела сколько-нибудь боеспособной армии.

Израильские воздушные и морские пираты безраздельно господствовали в воздухе и на море. Практически они безнаказанно крушили, жгли и убивали, оставаясь за пределами досягаемости огня обороны. В самом начале войны израильский самолет, летящий слишком низко, был немедленно сбит ручной зенитной ракетой — и пилоты получили приказ держаться выше. Они снижались до небольших высот только тогда, когда были уверены, что их не встретит поток зенитных снарядов и пуль. Особенно в случаях, когда они всаживали в одно и то же место третью, четвертую, пятую бомбу.

Так, например, они проломили мощное бетонное перекрытие бомбоубежища под Технологическим корпусом Арабского университета. Снимая эту бомбардировку, мы не могли сначала понять, почему самолеты пикируют на одну точку. Последняя ракета была выпущена под острым углом — она взорвалась в подвале, и в этой страшной вспышке погибли все, кто там был. Приехав туда через час, мы увидели огромную пробоину и потрескавшиеся бетонные стены убежища. Ничего, способного гореть, там не осталось. Только пепел.

Пилот, разом спаливший живьем двести человек, видимо, получил награду за «доблесть».

Кукла, найденная 12-го августа 1982 г. в руинах дома.

Т 82-го

Выступает М. Горький.

К 50-ЛЕТИЮ ПЕРВОГО ВСЕСОЮЗНОГО СЪЕЗДА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ЮБИЛЕЙ

Сергей САРТАКОВ, секретарь правления Союза писателей СССР

— Юбилей Союза писателей СССР — праздник всей многонациональной советской литературы. Путь, пройденный писательской организацией за полвека, отразил исторический путь страны. Каким видится этот путь вам?

— Отсчет начала полувековой деятельности Союза писателей СССР, на мой взгляд, следует вести с 1 сентября 1934 года, когда великий писатель и общественный деятель А. М. Горький в своей заключительной речи на Первом Всесоюзном съезде советских писателей под бурю аплодисментов произнес знаменательные слова: «За работу, товарищи! Дружно, стройно, пламенно — за работу! Да здравствует дружеское, крепкое единение работников и бойцов словом, да здравствует всесоюзная красная армия литераторов!»

И «всесоюзная красная армия литераторов», твердо ступив, по Маяковскому, «левой» в едином строю, с тех пор, не сбиваясь с ноги, вместе с народом-читателем, с народом-строителем полвека шагает к общим высоким целям.

Творчество писателей неотделимо от общественного труда, оно его составная часть. И потому по добротности своей не может уступать тому, что создается народом в целом. Негоже, если писатель будет работать лишь «на себя», пренебрегая интеллектуальными потребностями общества. Претендующим быть у людей на виду надо знать силу своих слов и их действие.

А. М. Горький на одном из заседаний съезда отметил: «Товарищ Соболев — автор «Капитального ремонта» — сегодня сказал очень веские и верные правде слова: «Партия и правительство дали писателю все, отняв у него только одно — право писать плохо». Отлично сказано! К этому следует прибавить, что партия и правительство отнимают у нас и право командовать друг другом, предоставляя право учить друг друга. Учить — значит взаимно делиться опытом. Только это. Только это, и не больше этого».

Путь многонационального отряда писателей Страны Советов за полвека — в создании новых значительных произведений, в совместной борьбе с народом, под водительством партии Ленина, за осуществление величественных планов социального и экономического развития Родины.

Он, этот путь, определяется и широким участием писателей в идейно-эстетическом, профессиональном воспитании новых и новых поколений молодых литераторов, именно «не командуя ими», а делясь с ними своим опытом. Через Литературный институт и Высшие литературные курсы, через систематически проводимые совместно с комсомолом всесоюзные совещания-семинары молодых писателей, через специальные издания учебной литературы для молодых, а для «старой гвардии» через многочисленные творческие комиссии и советы и через научно-теоретические и научно-практические конференции.

Все это путь в гору. А в гору идти всегда нелегко. Впрочем, легче и радостнее, чем если бы устало спускаться под гору.

— Первый Всесоюзный съезд писателей. Где были вы в то время, чем занимались, что запомнили?

— Делегатом съезда писателей я не был. Но — случается же такое совпадение! — как раз в дни работы съезда был опубликован в местной газете маленького сибирского города Енисейска мой первый литературный опус — фельетон «Странная комбинация». И я, конечно же, с особым пристрастием следил за сообщениями из Колонного зала Дома Союзов, казавшегося мне — и правильно! — Олимпом.

Мне было в ту пору двадцать шесть лет. И, пройдя начальную школу жизни в суровой и доброй саянской тайге, с мальчишеских лет умея добывать пушного зверя, бить кедровый орех, гнать смолу и деготь, рубить и сплавлять по горным рекам лес, столярничать и плотничать, отковывать трехзубые остроги (по тем временам не браконьерское, а законное орудие таежных рыбаков), кроить и шить одежду, тачать ичиги и унты, я волею судьбы стал городским жителем. Сначала столяром-краснодеревщиком, потом, подучившись на заочных курсах, счетоводом, бухгалтером.

В свободные от работы часы меня тянуло к чистому листу бумаги, хотелось записать все пережитое мною, увиденное, услышанное и переосмысленное, овладеть литературным мастерством. И открытие Первого съезда писателей стало своеобразным открытием, началом новой полосы и в моей жизни.

Нет, я не поспешил расстаться со своей основной работой, она мне создавала прекрасную возможность не «собирать материал» для литературного произведения, а органически, некоей действенной частицей самому «быть» в этом «материале», сливаться с ним и извлекать из него то, о чем, как представлялось мне, совершенно необходимо рассказать другому. Многим. Я и сейчас придерживаюсь этих взглядов и не могу вообразить себя выключенным из непосредственного участия в какой-либо области общественной (или производственной) жизни и одиноко сидящим только за рабочим столом писателя, перебирающим газетные вырезки и перелистывающим блокноты с беглыми записями, сделанными в коротких поездках по сбору нужного материала.

Но отчего же порой в литературном мире возникают опять и опять дискуссии о «производственных» романах, о «рабочей теме» в литературе и так далее? Отчего волна творческого воображения писателей бьет то в один, то в другой берег, то в сложную технологию того или иного производства, то в человека, как бы совсем отделенного от своего повседневного, создающего ему источник жизни труда? Не оттого ли все это, что многие литераторы новых поколений вступали в трудовую жизнь не через «горьковские университеты», а прямо со школьной скамьи или из вузовской аудитории направлялись со своими рукописями в редакции журналов и издательств?

— Создание Союза писателей СССР — исторический переход от одного этапа развития советской литературы к другому, выражение ее нового характера. Одновременно были найдены обозначение метода — социалистический реализм и форма единства литературного движения — Союз советских писателей. Как развивались они за минувшие десятилетия?

— Социалистический реализм, единодушно признанный на Первом съезде писателей как творческий метод советской литературы, на протяжении всех пятидесяти лет неколебимо доказывал свою истинность. Он останется незыблемым и навсегда, потому что это не «инструкция, как писать», а наше мировоззрение, наша философия, познание действительности и наши устремления в будущее. Излишне повторять, что социалистический реализм никак и ни в чем не сковывает поиски в части новых форм, жанров, стилей, авторской манеры письма. Вспомним В. Маяковского: «А мне в действительности единственное надо — чтоб больше поэтов хороших и разных...». Классики социалистического реализма — как все они не похожи по манере, стилю, глубине образности друг на друга! И как едины они в понимании режущей силы инструмента, которым они работают, созидая вместе с народом, с партией общество новой формации — общество коммунистическое!

Рискованно выстраивать по номерам писателей, составивших за пятьдесят лет славу советской литературе, обеспечивших ее всенародное признание и ее н е о б х о д и м о с т ь в духовной жизни человека нашего времени, но уверенно можно сказать, что это сделала в целом вся советская литература, и потому, что это — литература социалистического реализма.

Наши зарубежные идейные противники не прочь поглумиться над нею, отнести все слабые по таланту произведения именно за счет признанного нами творческого метода, а все выдающиеся достижения писательского дара взять под сомнение: мол, совсем они не выдающиеся, а если и таковы, то благодаря отступлениям от принципов социалистического реализма. Что тут сказать на это в ответ? На то они и противники. Идейные. Отвергающие по классовой природе своей не только какой-то там творческий литературный метод, но и сам наш общественный строй, вообще марксистско-ленинское учение о социализме и даже — ах, как хотелось бы им — всю нашу страну. Из деликатности не привожу начало восточной народной поговорки, напомню только ее конец: «...а караван идет». Да, он себе идет и идет и привлекает сторонников за рубежом. Особенно в развивающихся странах, а также в среде прогрессивных писателей Запада.

Но ваш вопрос — еще и о единстве литературного движения после Первого съезда писателей Страны Советов.

В постановлении от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций» ЦК ВКП(б) указывал, что «рамки существующих пролетарских литературно-художественных организаций (ВОАПП, РАПП, РАМП и др.) становятся уже узкими и тормозят серьезный размах художественного творчества. Это обстоятельство создает опасность превращения этих организаций из средства наибольшей мобилизации советских писателей и художников вокруг задач социалистического строительства в средство культивирования кружковой замкнутости, отрыва от политических задач современности и от значительных групп писателей и художников, сочувствующих социалистическому строительству».

На памяти старшего поколения теперь уже далекие нелегкие годы внутренней борьбы, когда особенно остро давали себя знать рецидивы беспринципной групповщины. Эти вспышки крайнего субъективизма и себялюбия в литературе сказывались и на общем тонусе писательских организаций, ведь страсти кипели преимущественно вокруг «потерянных мест» на Парнасе, а тогда забывались и политические задачи социалистического строительства, их заслонял туман ажиотажа личностей. Но истина всегда побеждает, а она заключалась в длительной, терпеливой и настойчивой работе с каждым, безотносительно к тому, от каких групповых истоков формировались эстетические взгляды писателя. Эта работа, насыщенная гражданственной ответственностью и подлинно партийным отношением к поставленной задаче объединения всех творческих сил страны, последовательно проводимая при постоянном заботливом руководстве ЦК нашей партии, принесла свои результаты. Союз писателей СССР ныне пользуется широким общественным признанием, о его деятельности с положительной оценкой говорилось в отчетных докладах на XXIV, XXV и XXVI съездах партии. Союз писателей СССР активно вышел на международную арену, он имеет прочные связи и контакты с писательскими организациями почти всего мира.

— Каковы сегодня роль и значение Союза писателей СССР в жизни нашей литературы? Как совершенствует Союз писателей свою многообразную деятельность, какие задачи выдвигает?

— Невозможно даже представить себе дальнейшее развитие современной советской литературы вне творческой и организующей деятельности Союза писателей СССР и, естественно, республиканских союзов, а также краевых и областных писательских организаций на местах. Рост численности писателей-профессионалов за пятидесятилетие с 1500 до 9400 человек — это ведь и впечатляющий показатель общего роста культуры Советской державы. Можно, пожалуй, принять справедливые упреки в недостаточно высокой требовательности к уровню литературного мастерства некоторых вступивших в Союз — и в последующей организационной работе это очень строго учесть,— но то, что в наши дни советская литература создается на 78 языках народов и народностей СССР,— факт, по-иному заставляющий оценивать статистические цифры. Ведь именно за счет сказочно быстрого развития национальных литератур и так называемой периферии в Российской Федерации и складывается столь энергичный прилив свежих сил в ряды нашего творческого Союза. К своему юбилею Союз писателей СССР имеет крупнейшее в мире собственное издательство н о в о й книги — «Советский писатель». Силами писателей всей страны выпускается 16 литературных газет, 94 литературно-художественных и общественно-публицистических журнала, 26 альманахов. В качестве членов редакционных коллегий и редакционных советов писатели принимают деятельное участие в работе буквально всех государственных и общественных издательств. Литературный фонд СССР через широкую сеть Домов творчества создает писателям рабочую обстановку для создания новых произведений, он опекает их в дни временной потери трудоспособности, выдает ссуды в случаях материальных затруднений, из своих средств оплачивает творческие командировки.

Огромный общественный интерес приобрели поэтические праздники: Пушкинский, Лермонтовский, Некрасовский, Блоковский... А групповые выезды писателей по приглашениям республик и областей для творческих, литературных встреч с читателями стали просто знамением времени, столь массовы аудитории на этих встречах—свидетельство высокой культуры и начитанности советского народа.

Нет такой акции в защиту мира, за предотвращение новой войны, особенно демонической — ядерной, нет такого международного форума, посвященного поискам взаимного понимания, если речь идет о различиях в общественном строе, нет таких с возвышенными целями встреч, в которых советские писатели не принимали бы деятельного участия.

Наши главнейшие очередные — и постоянные! — задачи:

Неустанно добиваться совершенствования и повышения идейно-творческого уровня писательского мастерства на принципах партийности и народности искусства. Ставить прочный заслон серости и посредственности — читатели вправе требовать от нас только талантливых, правдивых произведений, способствующих воспитанию высоких нравственных качеств в человеке новой, социалистической формации. Стремиться к еще большему взаимообогащению литератур народов СССР, особо заботиться о качестве художественных переводов; единство писателей всех национальностей Советского Союза — фундамент наших общих творческих побед. Работать и работать с литературной молодежью, нашей надеждой и сменой; не забывать о великих заслугах «старой гвардии». Создавать лучшие условия для творческого труда писателей. И яростно, вдохновенно поддерживать мирную политику Советского Союза.

— Что вы можете сказать о преемственности писательских поколений, о своих собратьях по перу и по работе в Союзе писателей?

— Очень трудно делить живой беспрерывный литературный процесс, развертывая его на поколения. Где между ними разграничительная черта? И сколько их — счетом — сменилось за пятьдесят лет в течение, так сказать, одного «моего» поколения. Да, «приходящие вновь» многого по возрасту своему не видели и не пережили из того, что в свое время пронизывало сердца теперь уже старшего поколения. Но тем не менее на плечи молодых неизбежно — в этом и преемственность! — ложится вся забота и ответственность за судьбы грядущего. И я убежден, когда они станут подводить итоги, эти итоги будут дальнейшим шагом вперед. Советская многонациональная литература продолжит великие традиции отечественной классики и не охладеет в поисках нового, без чего невозможно развитие.

Мне хочется напомнить замечательные слова товарища К. У. Черненко, сказанные им в мае этого года на Всеармейском совещании секретарей комсомольских организаций: «Вам, вероятно, приходилось слышать рассуждения о том, что только в юности человеку свойственно быть романтиком, мечтателем. И будто с возрастом это непременно проходит. Обступают, мол, со всех сторон житейские заботы, и для мечты, для стремления к высоким идеалам не остается места. Что ж, с некоторыми людьми так оно и случается. Но это вовсе не закон природы. Во всяком случае в нашей стране он обязательного действия не имеет и не должен иметь.

Мы живем по другому принципу, по принципу революционеров. По тому, что завещал нам Ленин, призывавший борцов за создание нового общества: «Надо мечтать!».

И еще пожелание молодым, как требование времени, некогда хорошо сформулированное А. М. Горьким в обращении к писателям-сибирякам: «Шире берите, глубже захватывайте, братики».

Творческое настроение во всей писательской массе ныне хорошее, единое в видении общей цели, только побольше бы прибавить еще огонька в части действенного приобщения к крупнейшим проблемам современности, работая в любых жанрах, а особо — не забывая о колоссальных возможностях публицистики.

Беседу вел Ю. ОСИПОВ

ИСТОКИ ПАМЯТИ

Анатолий СОФРОНОВ

Кажется, все это было совсем недавно. Не вчера, не позавчера, но всего лишь несколько лет назад. На самом же деле прошло уже полвека.

Мне, тогда молодому поэту, посчастливилось (уже состоя в Союзе писателей и выпустив в Ростове-на-Дону первую книгу стихов «Солнечные дни») быть участником I съезда советских писателей. Сейчас все это звучит на первый взгляд очень просто, но на самом деле случилось огромнейшее событие в жизни советской литературы: и не только русской, главенствующей литературы, но и многих национальных литератур. Это были первые годы строительства социализма, годы становления писателей, возмужания самих литератур. Во главе всей советской литературы стоял огромный, талантливый писатель, друг Владимира Ильича Ленина, сам прошедший по трудным дорогам нашей земли,— Алексей Максимович Горький.

К тому времени Горький закономерно стал тем заботливым старшим другом и человеком, который постоянно беспокоился о воспитании молодых писателей, в частности и о том, чтобы из рабкоров и селькоров они входили в большую литературу.

Сейчас, перечитывая доклад Алексея Максимовича, мы с большим интересом знакомимся с теми цифрами, которые он назвал с трибуны съезда. Союз писателей к тому времени насчитывал примерно 1500 литераторов. Горький говорил: «...в расчете на массу, мы получаем одного литератора на 100 тысяч читателей. Это — не много, ибо жители Скандинавского полуострова в начале этого столетия имели одного литератора на 230 читателей». Горький напомнил также об ответственности за идущую в литературу молодежь уже сложившихся писателей и о том, что оценивать их работу — «обязанность критики, которая все еще не замечает ее, хотя пора заметить. Эта работа, какова бы она ни была, говорит все-таки о глубине культурного процесса в массе народа. Читая эти книжки, чувствуешь, что авторы стихов, рассказов, пьес — рабкоры, селькоры. Я думаю, что мы имеем добрый десяток тысяч молодежи, которая стремится работать в литературе. Разумеется, будущий литвуз не в состоянии поглотить и десятую часть этой армии».

Я привожу эти строки из доклада Алексея Максимовича Горького, свидетельствуя о его глубоком интересе к нам, действительно представлявшим тысячи литераторов, работавших на заводах и в колхозах. В ту пору сам я с 1929 года был подручным слесаря в одной из слесарных мастерских ростовского «Сельмашстроя».

Все новые и новые вести приходили на завод. В один из летних дней к нам в цех серого чугуна прибежал товарищ из другой бригады и крикнул: «Ребята, собирайтесь в мастерскую, к нам идет Максим Горький». Это было во время обеденного перерыва. Все побросав, мы устремились в красный уголок мастерской. И как раз успели — в цех входил высокий, чуть сутулый Алексей Максимович Горький. Мы знали, конечно, его и восхищались им. Знали весь его жизненный путь. Но вот чтобы так запросто этот человек появился в нашей слесарной мастерской, среди грубо сколоченных верстаков,— это было почти невозможно представить. Мы долго аплодировали ему, а потом один из слесарей нашей бригады, Петр Харкатович, сказал: «Алексей Максимович, мы просим вас, скажите что-нибудь нам». И вот тут случилось неожиданное. Из глаз Горького потекли слезы. Он стоял высокий, в светлой косоворотке и молчал. И только потом, через некоторое время, улыбаясь и вытирая слезы, ответил: «Что я могу вам сказать? Вы строите новую жизнь, и я вижу эту жизнь. Это вы должны говорить о ней, рассказывая о том, что вы делаете».

Как помнится, Алексей Максимович ничего больше и не сказал. Кто-то из наших старших подошел к нему и попросил сфотографироваться. Так она и осталась, эта фотография, сделанная в решетчатой мастерской,— сидящий Горький и рядом — тесно окружившие его слесари. Затем Алексей Максимович ушел в другой цех, мы провожали его до выхода, потрясенные его простотой. Это было взаимное влечение Горького к нам, к новой жизни и нас к человеку, который в ту пору был символом и главой новой русской литературы.

Тогда я был председателем заводской литературной группы, писал стихи, руководил заводской агитбригадой, сочиняя для нее маленькие сценки из заводской жизни.

Конечно, в те годы были свои сложности и трудности, но вместе с тем мы всегда ощущали на себе заботу со стороны здоровых сил Российской ассоциации пролетарских писателей, таких, как Александр Фадеев, Владимир Ставский, Владимир Киршон... Нам помогали реально. Мне пришлось, например, быть участником курсов молодых писателей под Москвой в Малеевке... На этих курсах самым значительным явилось общение крупных писателей и участников не только из Москвы, но из Белоруссии, с Украины, из других республик — в этом была реальная помощь друг другу. Именно тогда началась наша дружба с Аркадием Кулешовым, Борисом Ручьевым, Миколой Нагнибедой, Миколой Упеником и другими писателями. Дружба эта сохранилась в памяти и сердце.

И вот — открытие Первого съезда советских писателей. Никогда не забыть первые мгновения съезда, когда делегаты восторженно встречали в Колонном зале Дома Союзов идущего к трибуне Алексея Максимовича Горького. Он произнес начальные слова доклада, анализирующего развитие не только советской литературы, но и всей мировой литературы.

...Как можно забыть и знаменитую фразу Алексея Максимовича, произнесенную в тот момент, когда на него были направлены для фото- и киносъемки несколько прожекторов. Закрыв лицо руками, он раздраженно сказал: «Уберите эти чертовы свечки!» Грохот, шквал в зрительном зале.

В ту пору Профиздатом ВЦСПС было создано несколько «Кабинетов рабочего автора». Был такой кабинет и у нас в Ростове-на-Дону. Здесь собирался актив молодых литераторов, происходили встречи с известными советскими писателями. После съезда мне предложили работать заведующим литературной консультацией ростовского кабинета. Тогда у нас побывал Михаил Александрович Шолохов, ответивший на многие вопросы. Так, на вопрос о том, как он собирал материал для «Поднятой целины», Шолохов сказал:

— Мне не нужно было собирать материал, потому что он был под рукой. Я не собирал, а згреб его в кучу. Поживите в колхозе месяц, и люди пойдут к вам гужом... У нас немало бестемных писателей, которым не о чем писать. Прозаики, исчерпав себя темой о гражданской войне и первоначальных годах строительства, не знают, о чем писать, потому что ничего не знают. Живут они в Москве, постоянно видят одних и тех же людей... Передо мной вопрос о теме не стоит. Я нахожусь в других условиях и считаю, что мог бы дать взаймы три-четыре темы прямо с материалами. Отсюда я делаю вывод, не знаю, может быть, ошибочный, что писателю, который хочет работать и расти, необходимо каким-то образом прикрепиться к материалу, и более или менее крепко, а не в порядке творческой командировки на месяц.

Да, действительно это так и было. Для всех нас творческий авторитет молодого Шолохова (ему тогда было всего лишь 29 лет), в ту пору уже автора «Тихого Дона» и первой книги «Поднятой целины», был огромен.

Первый съезд стал памятным событием для каждого из нас. Особенно для молодых писателей-«провинциалов». Мы слушали выступления Александра Фадеева, Николая Тихонова, Владимира Ставского, Демьяна Бедного, Александра Жарова, Федора Гладкова, Бориса Пастернака и многих других писателей, которые тогда были маяками нашей литературы.

Разве я могу забыть и последнее заседание, когда мне было предоставлено слово председательствующим Александром Фадеевым! Позволю привести цитату из этого выступления, поскольку оно звучало от нескольких сот рабочих авторов:

«От имени объединения рабочих авторов при московском, ленинградском, ростовском, магнитогорском кабинетах рабочих авторов Профиздата, от имени литературной группы и 15-тысячного коллектива рабочих, инженерно-технических работников завода «Ростсельмаш», разрешите приветствовать Первый Всесоюзный съезд писателей — инженеров человеческих душ.

Мы, рабочие-авторы, объединенные вокруг издательства ВЦСПС — Профиздата,— часть многочисленной армии делегатов рабочего класса, пришедших в литературу. Мы систематически пишем, работаем над собой, серьезно учимся в семинарах и творческих бригадах кабинетов рабочих авторов Профиздата. Некоторые из нас уже печатаются в журналах и сборниках, у отдельных товарищей вышли книги. Но для всех нас ясно: мы еще не настоящие писатели.

Особенно остро перед нами встал вопрос о качестве нашей учебы и творческой работы после опубликования статей Алексея Максимовича — «О языке», «О темах», «Открытого письма А. С. Серафимовичу» и других.

Четыре года назад, когда еще рыли котлованы для огромных цехов «Ростсельмаша», когда монтажники начали устанавливать первые станки, начала работать наша заводская литературная группа. Была она маленькая, не больше 6 человек. Сейчас, через 4 года, литературная группа насчитывает до 40 человек, имеет до 15 человек творческого актива, часть которого уже известна в крае, вышла за пределы края и печатается в центральных журналах.

Путь большой, и этот путь показывает, что наши литкружковцы учились и работали и на производстве и по освоению литературного мастерства.

Тесно связана наша литературная группа с ростовским кабинетом рабочего автора Профиздата...

Наш кабинет рабочего автора объединяет до 25 человек наиболее творчески выявившихся авторов ростовских предприятий.

Примерно с таким же количеством работает магнитогорский кабинет. Вокруг московского и ленинградского кабинетов группируется до 100 человек рабочих авторов...» *

Помню, как мои друзья из литобъединений волновались. Все мы нервничали. Но, наверное, больше всех нервничал Фадеев. Это было последнее заседание съезда, регламент подходил к концу, и продлить

* Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. М., «Художественная литература», 1934, с. 612—613.

М. ГОРЬКИЙ НА ТРИБУНЕ. **Рисунок С. Дудника.**

Музей-квартира А. М. Горького пополнился новыми экспонатами. Известный московский живописец, народный художник РСФСР Степан Дудник передал в дар музею несколько графических листов, на которых молодой тогда художник запечатлел отдельные эпизоды Первого съезда писателей.

Среди них привлекают портретные зарисовки Максима Горького, сделанные в Колонном зале, где проходил съезд: «Горький в президиуме», «Горький на трибуне» и другие, портреты делегатов — Леонида Леонова, Сулеймана Стальского, Александра Фадеева.

Мы попросили Степана Дудника рассказать об истории этих рисунков.

— Трудно передать словами ту праздничную и вместе с тем творческую атмосферу, в которой проходила работа съезда.

...Вечернее заседание. На трибуне Алексей Максимович Горький. В зале полная тишина, все слушают его выступление. Я заранее приготовил альбом и примостился поудобнее на сцене. Сколько времени рисовал, не помню, ничего не замечал вокруг. Сделал много набросков.

Алексей Максимович, видимо, заметил, что я много рисую. В один из перерывов он подошел ко мне и сказал: «Меня рисовать не надо. Ты рисуй других»,— и показал в сторону, где стояла группа писателей из союзных республик. Следуя этому совету, я сделал рисунки Сулеймана Стальского и других писателей.

На съезде делегаты и гости старались поговорить с великим писателем. Помню, вошла группа пионеров. «Юные писатели» разместились в ложе с левой стороны. Со сцены спустился Алексей Максимович и сел рядом с ними. Не знаю, о чем шел разговор, но было очень оживленно. Горький обнимал ребят, а они с большой любовью смотрели на него.

Сразу же после съезда пригласил меня к себе с рисунками Бонч-Бруевич и отобрал несколько из них для литературного музея. (Бонч-Бруевич в то время был директором Центрального литературного музея.)

Это было для меня большим счастьем.

М. СЕМЕНОВ,
редактор газеты
«Московский художник»

его было невозможно. Зная Фадеева в ту пору издалека, я видел, как он поглядывал на меня, и мне приходилось свое выступление по ходу несколько сокращать. Но когда я сошел с трибуны, то вознаграждением было то, что ко мне подошел Алексей Максимович Горький, пожал руку и сказал: «Вы из Ростова? С «Ростсельмаша»? А я был у вас пять лет назад. Желаю вам успеха».

В докладе на съезде Горький поднял многие важнейшие вопросы развития советской литературы, остающиеся и в наше время существенными.

«Основным героем наших книг,— говорил Горький,— мы должны избрать труд, то есть человека, организуемого процессами труда, который у нас вооружен всей мощью современной техники,— человека, в свою очередь, организующего труд более легким, продуктивным, возводя его на степень искусства. Мы должны выучиться понимать труд как творчество. Творчество — понятие, которым мы, литераторы, пользуемся слишком часто, едва ли имея право на это. Творчество — это та степень напряжения работы памяти, когда быстрота ее работы извлекает из запаса знаний, впечатлений наиболее выпуклые и характерные факты, картины, детали и включает их в наиболее точные, яркие, общепонятные слова».

Как же злободневно звучат и такие положения доклада А. М. Горького: «Коммунизм идей не совпадает с характером наших действий и взаимоотношений в нашей среде,— взаимоотношений, в коих весьма серьезную роль играет мещанство, выраженное в зависти, в жадности, в пошлых сплетнях и взаимной хуле друг на друга.

О мещанстве мы писали и пишем много, но воплощения мещанства в одном лице, в одном образе — не дано. А его необходимо изобразить именно в одном лице и так крупно, как сделаны мировые типы Фауста, Гамлета и другие.

Напомню, что мещанство — многочисленный класс паразитов, которые, ничего не производя, стремятся потреблять-поглощать как можно больше — и поглощают. Паразитируя на крестьянстве и рабочем классе, тяготея всегда в лапы крупной буржуазии, а иногда, по силе требования извне, переходя на сторону пролетариата и внося в его среду анархизм, эгоцентризм и всю исторически присущую мещанину пошлость,— пошлость мысли, питающейся исключительно фактами быта, а не внушениями труда,— мещанство — насколько оно мыслило и мыслит — всегда пропагандировало и укрепляло философию индивидуального роста, по линии наименьшего сопротивления искало более или менее устойчивого равновесия между двумя силами. Отношение мещанства к пролетариату особенно ярко характеризуется тем фактом, что даже полунищий крестьянин, собственник ничтожнейшего клочка земли, презирал рабочего фабрики, лишенного всякой собственности, кроме рук. Что у пролетария есть еще и голова, мещанин замечал лишь тогда, когда руки пролетария начинали действовать революционно, вне фабрики».

Конечно же, злободневно звучат до сих пор и, к сожалению, не устарели слова Максима Горького о литературной критике:

«Критика уступает слишком много места полуграмотным рецензентам, которые вызывают только недоумение и обиды авторов, но не способны чему-либо научить. Не замечают попыток воскресить и ввести в жизнь некоторые идеи народнической литературы и, наконец,— что очень важно — не интересуются ростом литературы областной, не говоря о союзной. Следует еще сказать, что критика не касается публичных сообщений литераторов о том, «как они пишут», а эти сообщения очень требуют внимания критики».

...Так шел съезд, во время которого мы не только слушали выступления с трибуны, но и общались со многими известными писателями, лично которых мы до съезда не знали. Так, например, в моей памяти останется встреча с прекраснейшим народным поэтом Александром Прокофьевым. Когда у меня в 1936 году выходила вторая книга стихов, эпиграфом к ней я взял слова Прокофьева: «Чтобы на земной оси стояла дружба совершенно честная, как кровь». И сама наша дружба с советским писателем, поэтом и общественным деятелем была совершенно честной, открытой, настоящей.

Михаил Александрович Шолохов не выступал с речью на этом съезде. Ему было поручено зачитать проект резолюции. И мы с восторгом слушали Шолохова, любовались им. Через месяц после закрытия съезда в Ростове-на-Дону Михаил Александрович произнес интереснейшую речь на собрании рабочих Лензавода и железнодорожного узла: «Сегодня на встрече со старыми кадровыми рабочими Лензавода мне пришла на память одна из замечательных мыслей товарища Ленина, высказанная некогда в форме пожелания, что «литературное дело должно стать *частью* общепролетарского дела». Это пожелание в настоящее время осуществляется. И ярчайшей иллюстрацией этого положения является то колоссальное внимание, с которым рабочий класс отнесся, в частности, к творческой дискуссии о языке, поднятой статьей Алексея Максимовича Горького. Еще более наглядным доказательством того, что литература в наше время, в нашу эпоху стала частью общепролетарского дела, является то огромнейшее влияние, которое рабочий класс, вся советская общественность уделили Всесоюзному съезду писателей, происходившему месяц тому назад.

...Всесоюзный съезд советских писателей, проходивший в обстановке исключительного внимания советской общественности и мировой рабочей общественности, подвел итоги тем достижениям, которые мы имеем на сегодняшний день. Надо прямо сказать, что на съезде с особой четкостью выяснился водораздел, разделяющий литературу мира. С особой рельефностью выяснилась линия все более растущего подъема нашей советской литературы и линия упадка буржуазной литературы, линия, которую единодушно отмечали делегаты западноевропейских стран».

...Истоки памяти... Сейчас, в эти дни, когда мы отмечаем полувековую дату со дня открытия Первого съезда советских писателей, мы можем сказать, что наша многонациональная литература достигла очень многого за эти десятилетия. К сожалению, большинства участников Первого съезда уже нет в живых. Но о них осталась добрая память и тома их прозаических и поэтических произведений. Осталась великая горьковская традиция, то, о чем говорил и ушедший от нас в этом году Михаил Александрович Шолохов, всем своим творчеством, всей жизнью утверждавший ленинскую мысль о литературе как части общепролетарского дела.

...Истоки памяти... Это каждый день, каждая встреча, каждый час работы Первого съезда. Это то, что для нас, писателей, было всегда ценным и осталось на всю жизнь главным в творчестве.

А. М. Горький с делегатами и гостями съезда.

Выступает М. Шагинян.

Среди гостей съезда был известный датский писатель М.-А. Нексе.

И. Ильф и Е. Петров слушают выступления делегатов.

Яркую речь произнес Л. Леонов.

«РАДИ ВЕЛИКОГО СЧАСТЬЯ ЖИТЬ НА ЗЕМЛЕ...»

Александр ОВЧАРЕНКО,
доктор филологических наук, профессор

Еще в 1920 году В. В. Воровский в шутку назвал М. Горького наседкой, под крылом у которой греется немало больших и небольших гениев. Он читал их первые робкие сочинения, давал советы, подбадривал. Его заботу ощутили на себе Вячеслав Шишков и Всеволод Иванов, Дмитрий Фурманов и Константин Федин, Леонид Леонов и Николай Тихонов, Михаил Булгаков и Михаил Шолохов, Павло Тычина и Юрий Яновский. Еще раньше он вписал хотя бы по строчке в биографии Сергея Есенина и Владимира Маяковского, Сергеева-Ценского и Михаила Пришвина, Алексея Чапыгина и Алексея Толстого, Александра Серафимовича и Демьяна Бедного, Константина Тренева и Исаака Бабеля, Янки Купалы и Якуба Коласа. Он по достоинству оценил «Двенадцать» Александра Блока и «150.000.000» Владимира Маяковского, повести Александра Неверова, романы Ольги Форш, «Цемент» Федора Гладкова... Кажется, на Первом съезде писателей СССР не было делегата, который бы не знал специфического, напоминающего полуустав, почерка М. Горького. Почти каждому успел автор «На дне», «Матери» и «Дела Артамоновых» написать хоть слово.

Неустанно, изо дня в день помогал М. Горький старым и начинающим писателям преодолевать препятствия, разделявшие их на различные группы. Не ограничиваясь констатацией сложностей в руководстве «литературным фронтом», М. Горький в письме руководителям РАППа наметил ряд тактических положений. «Прежде всего мне думается,— отмечал он,— что вам необходимо изжить мелкие противоречия, на возню с которыми вы тратите так много времени и ценнейшей энергии. Мне кажется, вам — вашей группе — надо взять на себя инициативу организации совещания литераторов-марксистов — совещания по вопросам текущей действительности. Думаю, что совещание это должно быть немноголюдным и закрытым. Оно выработает основную линию, по которой должны выпрямляться противоречия и разномыслия, а затем организует съезд литераторов-марксистов и предлагает на обсуждение съезда несколько докладов по вопросам «текущего момента». Основная цель этих докладов — необходимость объединения всех групп. Думаю, что такой съезд давно необходим и что работы его будут, разумеется, значительно шире и глубже намеченных мною».

Проработочной практике руководителей РАППа М. Горький противопоставлял повседневную работу с писателями, сближающимися с действительностью, углубляющимися в нее, постигающими логику ее развития. Формулируя ленинский принцип партийности литературы применительно к новым историческим условиям, он писал: «Рабочий класс говорит: литература должна быть одним из орудий культуры в моих руках, она должна служить моему делу, ибо мое дело — общечеловеческое дело».

С самого начала М. Горький разъяснял, что съезд не должен свестись к формальной организации Союза советских писателей. И когда обнаружилось, что другие руководители Организационного комитета, созданного в соответствии с принятым в апреле 1932 года постановлением ЦК КПСС «О перестройке литературно-художественных организаций», не совсем ясно представляли себе подлинный размах, глубину и международное значение, какое должен иметь первый в истории съезд писателей, М. Горький взял в свои руки не только идейную, но и практическую организационную работу по его подготовке.

В августе 1933 года состоялось заседание Организационного комитета Союза советских писателей, избравшее М. Горького своим рабочим председателем (до этого писатель был почетным председателем). Предложив на этом заседании перенести съезд с 1933 года, как намечалось первоначально, на 1934 год, он аргументировал свое предложение двумя задачами. Одна из них — добиться, чтобы съезд вызвал огромный резонанс как внутри страны, так и за ее рубежами. «Другая задача,— продолжал М. Горький,— заключается в том, чтобы достичь какого-то единства в понимании социалистического реализма. У нас много говорят и много написано статей о социалистическом реализме, но они еще не дают достаточно глубокого представления о нем. Для этого нашим критикам следует пересмотреть все то, что написано, обобщить все это, чтобы прийти на съезд с ясными мнениями о том, что такое социалистический реализм. Это глубоко важно. Эта работа потребует много времени и внимания».

По инициативе М. Горького были сформированы писательские группы и направлены в республики для ознакомления с литературами и для подготовки доклада о них съезду. По инициативе М. Горького съезду был представлен доклад о работе с начинающими писателями. По инициативе М. Горького было решено дать на съезде характеристику всей революционной литературе мира.

«Сегодня в столице нашего государства,— писала «Правда» 17 августа 1934 года в передовой статье, озаглавленной «Праздник советской культуры»,— открывается Первый всесоюзный съезд советских писателей. Сегодня с трибуны съезда прозвучит слово великого пролетарского писателя Алексея Максимовича Горького, подводящего итоги расцвета советской литературы и указывающего пути ее дальнейшего развития». Статья заканчивалась призывом к писателям: «...Творите свободно, смело, дерзновенно! Проникайте острым писательским взором в будущее, волнуйте сердца и умы миллионов правдивым изображением их борьбы и исторической победы!»

Съезд открылся в 6 часов 45 минут вечера 17 августа 1934 года в Доме Союзов. Все знали, что Алексей Максимович еще не пришел в себя после тяжкой утраты — смерти сына Максима. В течение трех месяцев он нигде не появлялся. Отпечаток горя на его лице ощутили и делегаты в ту минуту, когда Горький появился в президиуме.

После избрания руководящих органов съезда слово для доклада было предоставлено Горькому. Затаив дыхание в течение трех часов слушали его 527 делегатов и тысяча гостей, среди которых было 45 иностранных писателей.

Есть безусловная и, если хотите, всеопределяющая закономерность в том, что доклад на первом в истории художественного развития человечества съезде писателей М. Горький начал с размышлений о роли «трудовых процессов» и «трудовых масс» в возникновении, развитии человеческой культуры, с утверждения «материалистического мышления» людей, которое «неизбежно возбуждалось процессами труда». Полемизируя с идеалистическими положениями, навязывавшими уже самому древнему человеку одиночество и размышления «о небе, о звездах и стихиях, и о тварях, которые произошли из них, также о святых ангелах, о дьяволе, о небе и аде», он своей пронизывающей мыслью выявил самое существо мифологии, фольклора, всей первобытной культуры, противопо-

В дни работы писательского съезда у Дома Союзов.

ставив его идеалистической попытке отталкивания от реального мира и диктуемого этим миром «основного смысла явлений действительности».

С неопровержимой достоверностью М. Горький опроверг и претензии буржуазии на роль главной силы в процессе культурного творчества. Он заявил: «Буржуазия не имела в самой себе и не имеет тяготения к творчеству культуры,— если это творчество понимать шире, чем только непрерывное развитие высших материальных, бытовых удобств и развитие роскоши... Смысл процесса развития культуры никогда не понимался буржуазией как необходимость роста всей массы человечества».

Последовательно развивая и углубляя идею двух культур, М. Горький противопоставил буржуазному утилитаризму и прагматизму подлинно общечеловеческую культуру, творимую под руководством революционного пролетариата, вбирающую и обогащающую все ценнейшие многовековые завоевания людей как в материальной, так и в духовной области человеческого бытия. Неколебимой основой подлинной культуры служит творческая деятельность многомиллионных масс, в которой «голова и руки», труд и мысль непрерывно взаимодействуют. Совершенство таких образов, как Геркулес, Прометей, Микула Селянинович, Святогор, доктор Фауст, Василиса Премудрая, и других этого рода Горький объяснял тем, что в создании их «гармонически сочетались рацио и интуицию, мысль и чувство. Такое сочетание,— пояснял он свою мысль,— возможно лишь при непосредственном участии создателя в творчестве действительности, в борьбе за обновление жизни».

Рассмотрев, исходя из этих коренных принципов, все ценнейшее, что наследуется новой культурой в прошлом, остановившись специально на достижениях предшествующей литературы, особо оговорив факт «исключительного, небывало мощного развития русской литературы XIX столетия», М. Горький затем сомкнул выявленные коренные принципы развития подлинной культуры, включая в нее и литературу, с основами художественного развития, формирующимися в новом мире, где «поставлено целью равномерное культурное воспитание всех единиц» с целью «превратить труд людей в искусство управления силами природы». Он заявил: «Мы должны усвоить, что именно труд масс является основным организатором культуры и создателем всех идей». И, переключая свою мысль в эстетический план, сформулировал: «Социалистический реализм утверждает бытие как деяние, как творчество, цель которого — непрерывное развитие ценнейших индивидуальных способностей человека, ради победы его над силами природы, ради здоровья и долголетия, ради великого счастья жить на земле, которую он сообразно непрерывному росту его потребностей хочет обработать всю, как прекрасное жилище человечества, объединенного в одну семью».

Доклад, так же как другие выступления М. Горького на съезде, проникнут страстной верой писателя в то, что советский народ является ведущей силой в революционном обновлении мира, в создании новой, действительно общечеловеческой культуры, неотделимая часть которой — советская литература.

В первый же день съезда М. Горький провозгласил, что советская литература выступает как единая многонациональная литература. Сам он был великим русским писателем, всю свою жизнь создававшим литературу нового качества. И создал ее как всесоюзную многонациональную литературу, пролагающую новые пути в художественном развитии человечества, открыто связанную с революционным пролетариатом, с борьбой за социализм. В докладе на съезде он не считал необходимым подробно останавливаться на ее достижениях, предоставив это сделать многочисленным содокладчикам, а также отослав слушателей к статьям, в которых «уже говорил полным голосом и с великой радостью» о завоеваниях советской литературы. Правда, добавил: «Скажу только, что для всякого беспристрастного ценителя совершенно ясно: наша литература обогнала западную новизною тем, и напомню, что многие из литераторов наших оценены на Западе еще более высоко, чем у себя на родине».

Вообще же доклад М. Горького в практической части был скорее критическим. Докладчик весьма сожалел, что писателям не удалось к тому времени нарисовать яркий образ советской женщины. Огорчало его и то, что «воплощения мещанства в одном лице, в одном образе — не дано». Совершенно неотложные задачи были поставлены им перед писателями в связи с провокациями империалистов и фашистской угрозой миру: «Крепко надеяться следует на рост революционного правосознания пролетариата, но еще лучше для нас быть уверенными в своей силе и непрерывно развивать ее. Развитие революционного самосознания пролетариата, его любви к родине, создаваемой им, и защита родины — одна из существенных обязанностей литературы». Столь же неотложной задачей М. Горький считал освещение «истории нашего прошлого», включая «историю прошлого союзных республик».

Как писала «Правда» в редакционной статье «Знамя эпохи», «А. М. Горький сформулировал в этом докладе большой важности мысли о взглядах пролетариата на искусство и культуру в целом»; «устами великого пролетарского писателя фронт советской культуры сформулировал свои основные, принципиальные воззрения».

На основе тщательного изучения опыта многонациональной советской литературы Первый съезд обобщил результаты длительной напряженной работы писателей, художников, литературных критиков, эстетиков, философов по теоретическому осмыслению основ искусства нового мира. Обобщение велось тоже с учетом главных процессов, характерных для развития революционной литературы во всем мире, более того, с учетом всего художественного развития человечества. Глубоким в его теоретической оснащенности было выступление на съезде А. Фадеева, убедительно доказавшего, что «...социалистический реализм, утверждая новую, социалистическую действительность, новых героев, в то же время является наиболее критическим из всех реализмов». О пронизывающей новую литературу партийности вдохновенно говорил Вс. Иванов. Как всегда далеко вперед заглядывал Л. Леонов, утверждая, что литература «становится одним из самых важных орудий в деле ваяния нового человека», призывая писателей всмотреться в «огромную, во многом еще не законченную дорогу вперед, выводящую нас за пределы видимых, привычных горизонтов» и предсказывая новые съезды революционных писателей, на которых «будут стоять уже не только вопросы, трактующие рождение нового человека, но и вопросы могущественной борьбы со стихиями, все большего расширения деятельности человека в космосе».

В наши дни немало спорят о возможности реализма, расширения его синтезирующей способности познания мира, забывая, что уже на Первом съезде писателей не кто иной, как Горький, ответил: «Идеализируя способности людей и как бы предчувствуя их мощное развитие, мифотворчество, в основах своих, было реалистично». Он же заявил: «Под каждым взлетом древней фантазии легко открыть ее возбудителя, а этот возбудитель всегда — стремление людей облегчить свой труд».

Вот как широко, глубоко и аргументированно возводились основы новой эстетической системы. Неудивительно, что присутствовавшие на съезде или приславшие ему свои приветствия зарубежные писатели согласились с тем, что социалистический идеал и вдохновляемое им движение привлекают все новые миллионы людей во всех странах. Луи Арагон приветствовал с трибуны съезда «лозунг социалистического реализма, выдвинутый в СССР не только в масштабе национальностей СССР, но в масштабе национальностей всего земного шара». А в оглашенном им приветствии, направленном съезду Ассоциацией революционных французских писателей и художников (в нее входили А. Барбюс, Р. Роллан и еще около тысячи человек), провозглашалось: «Этот съезд окажет помощь и покажет пример в области литературного творчества революционным писателям всего света».

«Мы никогда не забудем этих дней!»— заявили корреспонденту «Правды» испанские писатели Р. Альберти и М.-Т. Леон. Историческое значение съезда «выходит за пределы СССР, потому что дело идет о сознательном строительстве социалистической культуры мирового масштаба»,— говорили зарубежные гости. «Съезд поставил тысячи вопросов, приблизительно все те, которые касаются художественного произведения. Я не говорю, что он их разрешил, но он их поставил»,— заявил А. Мальро. «Это — шаг вперед авангарда человечества в области культуры»,— заключил Л. Арагон.

«Мы сделали мировое событие, это прозвенит во всем мире»,— сказал М. Горький на другой день после закрытия съезда. На что ему один из собеседников ответил: «Уже прозвенело».

«Нет сомнения в том,— писала «Правда» в передовой статье, озаглавленной «Вперед и выше!» и подводившей итоги работы съезда,— что, определив на съезде пути своего развития, она (советская литература) шире, ярче, красочнее, чем до сих пор, развернет свои огромные творческие возможности и будет давать стране новые книги еще более высокого качества, книги, способные пленять миллионы людей и вести их за собой».

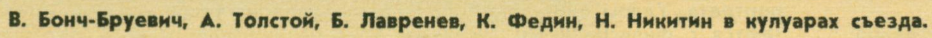
Выступая 2 сентября на первом пленуме Правления Союза писателей, М. Горький начал свою речь словами: «Позвольте мне, товарищи, сказать несколько слов по поводу той большой работы, которая нас ожидает, которую мы должны проделать. Нам необходимо продолжить тот процесс объединения всесоюзных литератур, который начат на съезде». И далее каждое новое предложение великий писатель начинал либо словом «необходимо», либо словом «нужно» (надо), либо словами «мы должны». И так более десятка раз. Особо он подчеркнул: «Мы должны выработать целую армию отличных литераторов — должны!»

Великий писатель не сомневался, что эта работа будет сделана, многонациональная, всесоюзная литература как целое будет организована. Он твердо верил в ее великое будущее, ставшее ныне реальностью.

Н. Погодин и С. Стальский.

В. Бонч-Бруевич, А. Толстой, Б. Лавренев, К. Федин, Н. Никитин в кулуарах съезда.

А. Серафимович и китайский писатель Эми Сяо.

Фотографии собрал и подготовил к публикации О. Юрьев.

Писательский форум пришли приветствовать ударники строительства Московского метрополитена.

ШЕДЕВРЫ

Игорь **ДОЛГОПОЛОВ**,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Неаполитанский профессор Николини негодовал. «О мадонна! — восклицал он.— Как смел какой-то русский Кипренский присваивать себе авторство полотна, явно написанного кистью гениального Рубенса!» Коллеги маститого ученого тоже были шокированы. Ведь всякий профан различит волшебный колорит маэстро Питера Пауэла. А мощная лепка портрета, тончайшие лессировки в тенях. «Нет, это чудовищная наглость»,— дружно решили они... В ту пору итальянцы еще не ведали имен Брюллова и Александра Иванова. Ничего не знали о русской школе. А она была... Все кончилось конфузом. Атрибуция холста установлена неопровержимо. «Портрет А. Швальбе» создан в 1804 году Орестом Кипренским. Тогда мастеру, изумившему неаполитанских знатоков, исполнилось двадцать два года. С гордостью писал о нем А. Сомов: «О. А. Кипренский — один из лучших когда-либо существовавших портретистов. Работы его рассеяны по всей Европе и ценятся очень дорого. В них, кроме необыкновенного сходства, колорит блестящий, а рисунок правильный, так что в этом отношении уступает русскому художнику сам Ван Дейк». «Портрет А. Швальбе» был действительно феноменален. По виртуозности мастерства живописи. А главное, по глубине раскрытия силы характера. Можно понять удивление профессора Николини и его друзей. Они, очевидно, запамятовали или вовсе не знали, что русский Эрмитаж обладал несравненной коллекцией шедевров. Но эти заблуждения и забывчивость европейских знатоков искусства — их приоритет. Не наш.

...Сын «крепостной девки» Анны Гавриловой и помещика, бригадира Алексея Степановича Дьяконова родился 13 марта 1782 года. Уже шести лет Дьяконов определил Кипренского (названного так позже) в Академию художеств. В шесть лет? Да! Там еще в 1764 году по указанию Екатерины II было открыто Воспитательное училище. Будущий художник прошел детские, юношеские и отроческие степени. Проявив незаурядные «художнические наклонности», он в 1797 году поступил в высшие классы Академии, которые с блеском окончил в 1803 году. Запомните. Образование Ореста-живописца продолжалось пятнадцать лет. Он прошагал путь от сельского несмышленыша до мастера европейского масштаба, и портрет А. Швальбе, сразивший неаполитанских искусствоведов, был создан через год после окончания Академии. Огромную роль в его становлении сыграл санкт-петербургский Эрмитаж. Рембрандт, Ван Дейк, Рубенс... Рабочий альбом Кипренского показывает нам мудреный и глубоко эмоциональный характер молодого человека. Рисунки с натуры. Строки стихов поэтов-романтиков. Цитаты философов античности. Юноша был не без странностей. «Астрологию купить надобно»,— читаем мы... «Великая судьба — великое рабство». Эти слова Сенеки заставляют о многом помыслить.

Кипренский дерзко преодолел в себе ученика. Он увидел мир восторженным оком живописца, влюбленного в Природу. Этот восторг Орест передал зрителям. И они поняли его. Надо знать, что в дни юности Кипренского еще жили и творили бесподобные русские портретисты Левицкий, Рокотов, Боровиковский. Их шедевры могли служить украшением любого музея мира. Но это было искусство XVIII века. Кипренский шагнул дальше. В его полотнах без намека на жест, позу, репрезентативность встал Человек. Одна из записей художника гласит: «Кто говорит, что чувства нас обманывают?» Краткая сентенция становится кредо всей жизни мастера. Не всегда она приводила Ореста к правильным решениям. Но пока молодость, слава, талант были в зените, он побеждал.

В 1809 году, осененный столичным успехом, Орест Кипренский приезжает в Москву. Его встречали как долгожданного гостя. Радушно, хлебосольно. Живописец находился в самом расцвете таланта.

«Мальчик Челищев». 1809 год. Крошечный атом человечьей махины. Русский мальчишка. Простодушный. Открытый и пленительный, как окно в цветущий сад. Каково его имя? Какое поприще уготовила ему судьба? Доверчивые глаза. Широко поставленные, с задорным блеском, удивленно-вопрошающие, черные, как спелая вишня, бесстрашно и задумчиво вглядываются в завтра. Обаятельный образ детства.

...Однажды великого Фарадея спросили, какая польза от его очередного опыта. Ученый лукаво усмехнулся: «Скажите, а какая польза от новорожденного?..»

Приподнял тонкие дуги бровей юнец. Непокорные пряди волнистых волос свободно обрамляют овал его белого, чуть румяного лица. Падает непослушная челка на чистый, еще не отмеченный заботами лоб. Милые, с еле заметной косинкой глаза что-то подглядели. Пухлые губы готовы улыбнуться. Мальчуган пригож. Белый воротничок. Синяя курточка. Красный жилет. Все чинно и не по возрасту степенно. Какое-то неуловимое достоинство человечка чарует. Поистине «Мальчик Челищев» — дитя нашей большой, просторной земли. В портрете колдовски мерцают и будущее мужество, грядущие томления и терзания. Они спрятаны в уголках губ. В настороженности взгляда.

До самого последнего времени судьба мальчика Челищева была неизвестна. Но, наконец, исследование, предпринятое Т. В. Алексеевой, увенчалось успехом.

Александр Челищев появился на свет 29 декабря 1797 года. Значит, подростку на портрете двенадцать лет. Его отец генерал-лейтенант А. И. Челищев был женат на М. Н. Огаревой. В год написания холста был принят в Пажеский корпус. 29 августа 1812 года выпущен прапорщиком и зачислен в 49-й егерский полк. Не прошло и месяца, как пятнадцатилетний офицер уже участвует в схватке под Малым Ярославцем и проходит боевое крещение в огненной купели Отечественной войны. В 1820 году получил звание штабс-капитана. Вступил в Союз благоденствия. За свободомыслие и в связи с «норовской историей», неугодной власть предержащим, был переведен в другой полк. После роспуска крамольного Союза благоденствия вошел в тайное общество. Об этом свидетельствует Никита Михайлович Муравьев. В активных делах декабристов участия не принимал. После разгрома восстания находился под полицейским надзором. В 1827 году Челищев вышел в отставку. Через шесть лет счастливо сочетался браком с Натальей Алексеевной Пушкиной. У них выросли два чудесных сына-близнеца. Он почил в кругу семьи 4 января 1881 года. Такова была сложная, простая и честная планида русского паренька Александра — сына своего века. «Мальчик Челищев» — шедевр мировой живописи. Художник сердцем почувствовал еще неведомую, скрытую от всех судьбу милого мальчугана. Особая романтическая взволнованность автора невольно передается нам. Перед зрителем XX века — далекий и такой близкий маленький Человек. Поразительно раскованна, свободна живопись портрета. Удары виртуозной кисти, наполненной густой краской, сочетаются с филигранными деталями. Глаз не ощущает в этом полотне никакой манеры. Мы лишь чувствуем раскрывающееся перед нами чудо бытия.

...Флоренция. В галерее Уффици экспонируется «Автопортрет» Кипренского. Это первый русский художник, которому была оказана высокая честь представлять искусство своей Родины в стенах знаменитого итальянского музея. Так неотвратимая история исправила ошибку профессора Николини.

Ощущение странной загадочности одолевает душу, когда знакомишься подробнее с судьбой даже самого известного живописца, хрестоматийного автора знаменитых шедевров. Но стоит подойти ближе к полотну, начать изучать биографию художника, связанную с рождением данной картины, и это чувство не только не покидает сердце, а разрастается и становится еще сильнее.

Федор Васильев... Трагически рано оборвалась жизнь талантливейшего мастера. Он ушел в 23 года. Костер не успел разгореться. Но свет, сияющий в полотнах, не угас. Наоборот, с каждым годом все ярче и ярче обозначается его роль в становлении отечественной пейзажной школы. Судьба его неординарна. Крамской, Репин, Шишкин любили этого способного юношу. Отмечали его редкую поэтическую «музыкальную» натуру. Все трудности Федор одолевал будто играючи. Поражая всех друзей и недругов артистичностью кисти. Что-то завораживающее было в его природном ощущении в а л е р а — гармонии тона и цвета. «У меня до безобразия развивается чувство каждого отдельного тона, чего я страшно иногда пугаюсь. Это и понятно: где я ясно вижу тон, другие ничего могут не увидеть или увидят серое и черное место. То же бывает и в музыке: иногда музыкант до такой степени имеет развитое ухо, что его мотивы кажутся другим однообразными... Картина, верная с природой, не должна ослеплять каким-нибудь местом, не должна резкими чертами разделяться на цветные лоскутки...» Как это современно звучит!

Крым... Болезнь легких загнала туда художника в 1872 году. Но живописец не поддается неизлечимому недугу. Невзирая на хворь, упорно, неистово творит. Художник воссоздает любимые и далекие ныне от него образы северной природы. Прочтите эти строки. Вы поймете, как сильна тоска, полная ощущения надвигающейся беды. «О болото, болото! Если бы вы знали,— пишет он Крамскому,— как болезненно сжимается сердце от тяжкого предчувствия! Неужели не удастся мне опять дышать этим привольем, этой живительной силой просыпающегося над дымящейся водой утра? Ведь у меня возьмут все, все, если возьмут это. Ведь я, как художник, потеряю больше половины». И как бы отключаясь от южной красы Крыма, Васильев стремится восстановить пейзаж средней полосы России. Мастер пишет «Мокрый луг» — картину-реквием.

Раннее утро. Рассвело. Робкая заря глядится в гладь озерца. За покатыми холмами чуть румянится край неба. Зато ближе клубятся, ползут косматые, тяжелые тучи. Тени облаков скользят по влажной земле, клочкам травы, кустам мокрого луга, темнеющим купам деревьев. Привольно, свежо. Легкий дымок тумана скрывает дали. Художнику удалось самое трудное. Пейзаж ж и в е т.

Шелест чахлой травы. Неясный лепет воды. Немое, неодолимое перемещение туч. Живописец скован самой судьбой. Он дает волю своей жажде простора, свободного движения. Редко даже у классиков европейского ландшафтного искусства встретишь такое лирическое решение полотна. Неумолимая проза рождала щемящую поэзию приволья. Еще мерцает рябь воды, разбуженная ветерком. Еще шевелятся жалкие травинки на пока озаренной светом земле. Но тьма, ползущая из

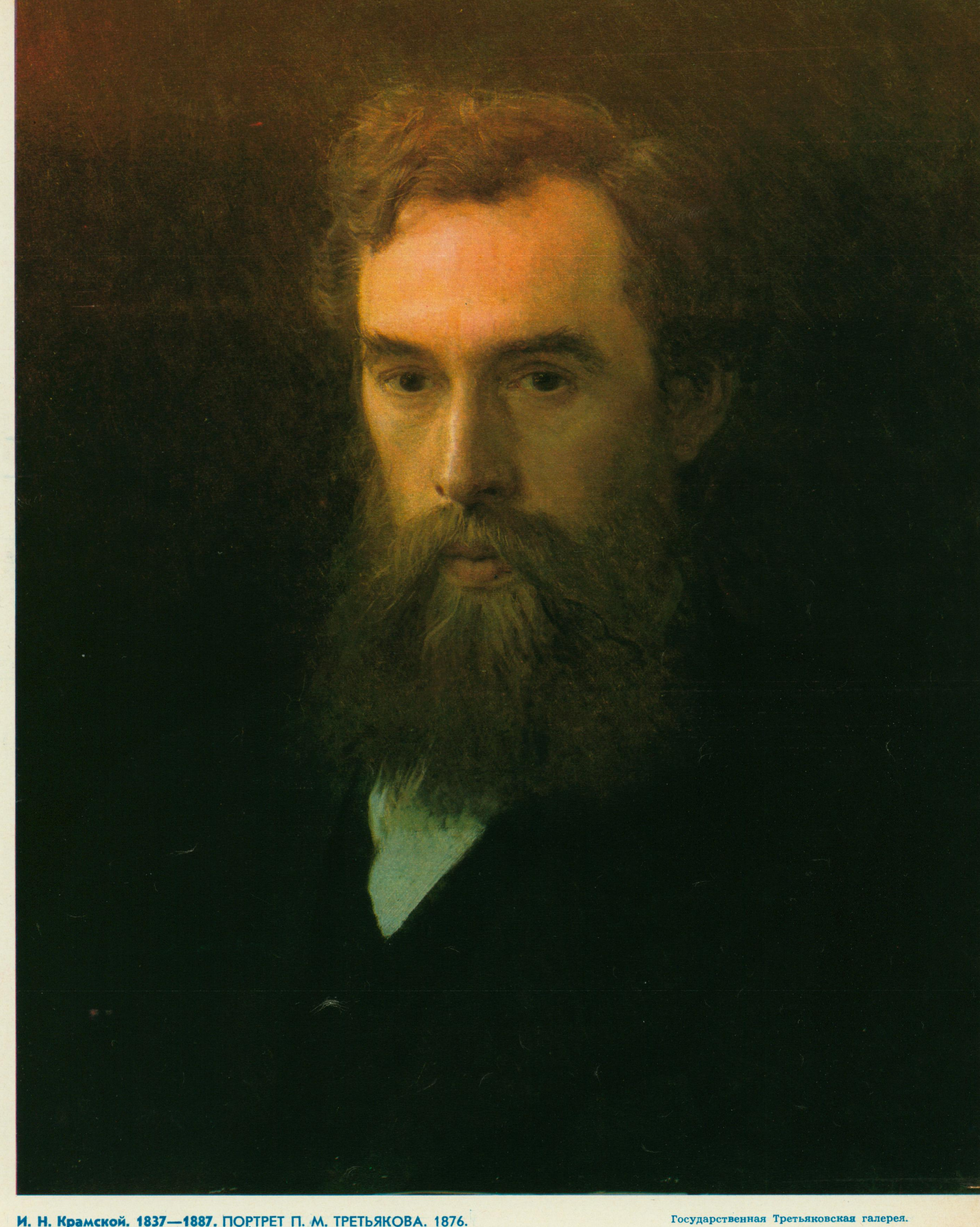

О. А. Кипренский. 1782—1836. ПОРТРЕТ МАЛЬЧИКА ЧЕЛИЩЕВА. Около 1809.

Государственная Третьяковская галерея.

Ф. А. Васильев. 1850—1873. МОКРЫЙ ЛУГ. 1872. Государственная Третьяковская галерея.

А. И. Куинджи. 1842—1910. БЕРЕЗОВАЯ РОЩА. 1879. Государственная Третьяковская галерея.

И. Н. Крамской. 1837—1887. ПОРТРЕТ П. М. ТРЕТЬЯКОВА. 1876.

Государственная Третьяковская галерея.

В. М. Васнецов. 1848—1926.

ТРИ ЦАРЕВНЫ ПОДЗЕМНОГО ЦАРСТВА. 1879.

Государственная Третьяковская галерея.

И. И. Левитан. 1861—1900. У ОМУТА. 1892. Государственная Третьяковская галерея.

М. А. ВРУБЕЛЬ. 1856—1910. ПОЛЕТ ФАУСТА И МЕФИСТОФЕЛЯ. 1896.

Государственная Третьяковская галерея.

В. В. Верещагин. 1842—1904. ДВЕРИ ТАМЕРЛАНА. Между 1871—1872 гг. Государственная Третьяковская галерея.

глубины, надвигается. Грозя покрыть все. Федор Васильев все же верил, что, может быть, рок позволит окончить задуманное. Осуществить мечту. Он кончает «Мокрый луг». Шедевр. Приступает к новым работам. «Я все-таки думаю, что судьба не убьет меня ранее, чем я достигну цели; может, она сделает наоборот...» Эти строки из предсмертного письма Крамскому от 25 июля 1873 года... А жизнь шла. Картины Васильева имели громкий успех, были посланы на выставку в Англию. Художник угасал... «...Я совершенно не понимаю, отчего Вам не пришло в голову, вместо всех Ваших соображений относительно того, что я не отвечаю, отчего Вам не пришло в голову, что я болен и что это причина? Отчего? Все, кто только знают меня, все думают, что я живу здесь потому только, что мне тут нравится, да и шабаш: никому и в голову не приходит, что я не могу, не могу до сих пор вырваться отсюда!»

Вскоре Федора Васильева не стало.

Будете в Третьяковской галерее — подойдите к этому пейзажу и задумайтесь, сколько всего не всегда известного широкому кругу зрителей скрывается за молчаливым полотном. А ведь картина говорит. Стоит только вглядеться в нее. Вчитаться в строки летописи жизни творца.

История живописи... Непостижимый ряд загадок. Удивительных встреч. Невероятное сочетание невероятных совпадений. Бездна вопросов, решить которые трудно, а порою невозможно. Однако не уставать удивляться — радость каждого любящего искусство.

Летят, мчатся, стелются в пепельной мгле кони дьявола. Ночь. Грядет рассвет. Надо спешить... Страшно холодное беззвучие колдовского полета. Вздыблены косматые гривы. Храпят дикоглазые могучие кони. Под тяжкими копытами в сумеречной тьме город. Готические шпили храмов. Массивны башни старой крепости... Вьются плащи всадников. Ужасен бледный лик сатаны. Горят черные угли хищного взора Мефистофеля. Фауст безмолвен. Он словно окаменел. Полет не радует его сердце. Пора грез прошла. Мечта о вечной юности — прах. Мрачное отчаяние цепенит проданную душу. Змеятся колючие кусты чертополоха — знак беды и зла. Блеклая лента близкой зари словно мета неотвратимости конца... Как тоскливо томителен полет! Призрачна жизнь. Любовь — химера. Иллюзорен древний град с тысячами судеб мятущихся землян. К чему вся эта беличья карусель? Он, Фауст, уже бесконечно далек от нее. Расплата рядом. Печален, одинок взгляд доктора Фауста. Воспарившего и падшего. Потому так судорожно сжата рука. Стеклянно пуст взор... Чаша испита. Мишурны, жалки блеск шпор, сверкание эфеса шпаги. Впереди бездна. Искривлены в улыбке тонкие губы Мефистофеля. Очередной «опыт» окончен. Словно живые тянутся вверх к всадникам коварные шипы чертополоха...

Пожалуй, ни у кого в мировой живописи так своеобразно не решена тема Демона, как она претворена в течение всей судьбы Михаила Врубеля. Художника обостренной интуиции и могучего таланта. Ведь сюита панно на сюжет гетевского Фауста, исполненная по заказу А. Морозова, суть продолжение и развитие любимой мастером темы Демона и человека. Нет нужды пересказывать нелегкую жизнь Врубеля, о ней много написано. Его мучительные поиски новой красоты уникальны и неповторимы. Пожалуй, только сейчас, с годами, все яснее и четче видна громада его гения. Глубина, дерзость его поиска. XX век, век машин, нисколь не снял вопрос об исключительной силе интуиции, мечты, фантазии. Наоборот, с каждым годом знание, наука все более и более проникают в совершенно неизведанные области, соседствующие с таинственным... Врубель — один из тех поэтов, художников, композиторов, которым удалось намного опередить время, как бы заглянуть в неведомое.

Вот строки, написанные Врубелем в Венеции. О них стоит призадуматься: «Сколько у нас красоты на Руси!.. И знаешь, что стоит во главе этой красоты — форма, которая создана природой вовек, без справок с кодексом международной эстетики, но бесконечно дорога потому, что она носительница души, которая тебе одному откроется и расскажет тебе твою...» Врубель ведал, что ни одно истинно большое произведение искусства немыслимо без мастерства. Прислушайтесь к словам Михаила Александровича Врубеля. Как они актуальны: «Вдохновение — порыв страстный неопределенных желаний,— есть душевное состояние, доступное всем... Но (оно) все-таки остается только формой, выполнять которую приходится не дрожащими руками истерика, а спокойными ремесленника. Пар двигает локомотив, но не будь строго рассчитанного сложного механизма, недоставай даже в нем какого-нибудь дрянного винтика, и пар разлетелся, растаял в воздухе, и нет огромной силы, как не бывало».

Вдохновение и форма. Конечно, взлет фантазии, идея — главное. Но ее надо выразить. Художнику — решить композицию. Нарисовать. Создать в цвете. Словом, написать картину. То же самое у поэтов и композиторов. Каждое самое высокое стремление находит выражение в слове или звуках. Рифмах и ритмах, гармонии, нуждающихся не только во вспышке таланта, но и в труде, мастерстве. В этой связи хочется вспомнить один эпизод... Знаменитый французский художник Эдгар Дега беседовал как-то с известным поэтом Стефаном Малларме. Живописец посетовал на тяготу поэтической работы. «Какое проклятое ремесло! — воскликнул Дега.— Я потратил целый день на один проклятый сонет и не продвинулся ни на шаг... И, однако, в идеях у меня нет недостатка. Я полон ими... У меня их даже слишком много...» На это Малларме возразил Дега со свойственным ему мягким глубокомыслием: «Но, Дега, стихи делаются не из идей, а из слов». Жесткую «мягкость» Малларме можно понять. Вспомните слова Маяковского об изведенных тоннах «словесной руды» ради одного слова.

Древнегреческий философ Гераклит, может быть, наивно полагал, что все вокруг полно демонов. Мы, разумеется, считаем это по меньшей мере странным и неестественным... Но задумались ли вы, что мы живем не только в окружении природы, людей, которых видим, ощущаем каждый миг бытия, где все населено домами, машинами, предметами обихода,— ведь сердце любого с детских лет неуклонно насыщается бесчисленными образами искусства. И хотим мы этого или нет, они живут и влияют на нас. Это часть нашего внутреннего мира. Он воплощен в звуке любимой музыки или строки литературы, творения художников. Вселенная искусства вечна и необъятна.

Иные говорят, что им не всегда понятна симфония, картина, поэма... Но разобраться в произведении искусства — работа сердца. Иногда труд. Вновь обретенное знание. Вчитайтесь в строки, начертанные одним из самых мудрых людей планеты — Гете. Его трудно заподозрить в отсутствии чувства и понимания прекрасного: «Часто со мной случается, что сразу я не получаю никакого удовольствия от произведения искусства, потому что оно для меня слишком велико; но затем я стараюсь определить его достоинства, и всегда мне удается сделать несколько приятных открытий, я нахожу новые черты в художественном произведении и новые качества в самом себе». Гете, не стесняясь, признается, что не все в искусстве сразу доступно... Надо понять и проникнуться задачей автора творения. Зато это касание словно обновляет тебя самого, и ты обретаешь новые качества, отданные тебе художником, поэтом, композитором.

Не могу не вспомнить Веймар... Маленький дом. Я стоял долго-долго у растворенных дверей в небольшую комнату. Отделял от интерьера тонкий шнурок. Пустяковый условный барьер, за которым раскрывался целый мир. Здесь жил гениальный поэт. Иоганн Вольфганг Гете. Человек, сотворивший бессмертного «Фауста» — одно из самых грандиозных созданий литературы... Белые стены были пустынны. Ни картины, ни один лишний предмет не нарушал суровую простоту. Великий покой царил в этом пространстве. Незамысловатая деревянная мебель. Нехитрое убранство. Но верилось, что именно в скромной неприхотливости, безыскусности невероятно просторно мыслям. Ничто не отвлекало. Дух поэта свободно парил в каморке. Это не означало, что князь поэзии, мудрый друг сильных мира сего ютился в убожестве. Нет. Но это была его рабочая мастерская. Здесь он творил.

Далеко глядел вперед этот старый придворный стихотворец, проживший сам долгую-долгую жизнь. Гете писал: «Бойтесь власти денег, спешки, машинерии».

...И вновь вернемся к «Полету Фауста и Мефистофеля». Это панно предназначалось, как и другие полотна сюиты, украшать роскошный кабинет особняка... Врубель писал своей сестре: «Легче и богаче частный заработок, но это роскошный луг, который часто оказывается трясиной...»

Да, весьма не напрасно Гете пророчески предостерегал род человеческий от власти денег. Создатель образа Мефистофеля лучше других понимал темную силу золота.

...Летят, летят кони дьявола в сумеречном небе... Клубятся седые тучи. Спит древний город... Непостижим ассоциативный ряд, рождаемый искусством.

XX век... Суровый. Насквозь пронизанный техникой и грохотом. Век рукотворных звезд-спутников, мерцающих на ночном небосводе. Как он бесконечно далек от недалекого прошлого, когда воздух не содрогался от рева самолетов, рокота огромных городов, воя эстрадных оркестров! Когда тишина казалась естественной паузой в жизни каждого землянина. Ныне природа все более и более удаляется от людей. Зеленый друг требует охраны и заботы, как и меньшие братья наши. Поэтому, как никогда ранее, особо дороги сердцам художники, тонко, поэтически ощущавшие окружающий мир. Мастера, умевшие созерцать, слушать красоту, музыку пейзажа. И что самое ценное — выражать эти чувства в лирически наполненных полотнах.

Левитан. Живописец, оставивший одну из самых тревожащих душу страниц в летописи отечественной школы искусства. Его холсты — строки одной чудесной поэмы — Русь. Много, много положил сил художник, прежде чем рифмы-картины сложились в эту необъятную по радужному многоцветью, лирически единую форму.

Исконно городской житель, он сумел остро, проникновенно отразить неброскую прелесть русской природы, воспел времена года. В его холстах необъятная Волга и родники. Луга, степи, лужайки. Лес, рощи, сады. Летний жаркий полдень и моросящий осенний дождь. Весенняя лазурь и синие сугробы. Все, все цвета Родины вместила клавиатура палитры мастера. Радость. Печаль. Смех. Горе. Все эти чувства выражены в трепетном лике пейзажа. Они безлюдны. Но в них живет сердце народа.

Художник любил читать вслух эти строки Чехова: «В синеватой дали, где последний видимый холм сливался с туманом, ничто не шевелилось; сторожевые и могильные курганы, которые там и сям высились над горизонтом и безграничною степью, глядели сурово и мертво; в их неподвижности и беззвучии чувствовались века и полное равнодушие к человеку; пройдет еще тысяча лет, умрут миллиарды людей, а они все еще будут стоять, как стояли, нимало не сожалея об умерших, не интересуясь живыми, и ни одна душа не будет знать, зачем они стоят и какую степную тайну прячут под собой».

Первозданная строгость... Какая-то изначальная мудрость в этой на первый взгляд пессимистической фразе. Но нельзя не почувствовать величия самой природы. Далеко не равнодушной. Ибо в самом молчании степи есть та сущность, которая стоит многих слов. Именно тишина возвращает человеку человеческое. Заставляет размышлять. Мечтать... В умении без эффекта, без жеста сказать что-то глубоко спрятанное, затаенное, отдать эту тишину людям—одно из драгоценных качеств дара Исаака Левитана, человека сложного, ранимого... Зато как пронзительны, осязаемо щемящи его молчаливые, статичные, внешне спокойные мотивы! «У омута». Он написан недалеко от Затишья. Когда-то там было имение Берново, принадлежавшее баронессе Вульф. Живописец бродил в его окрестностях и однажды увидел ветхую плотину. Заводь. Отражение деревьев... Мотив ему показался. Сама баронесса поведала легенду об этом страшном месте. Оказывается, здесь бывал Пушкин, когда гостил в имении Малинники. Великий поэт записал рассказ о трагедии, случившейся у заброшенной мельницы. У старика

мельника — любимая дочь Наташа. Красавица и шалунья. А у деда баронессы Вульф — конюший. Сама судьба свела их. Наталья уже ждала младенца. Какой-то холуй донес об их любви барину. Конюшего секли. Полуживого отправили в солдаты.

Наташа утопилась... Говорят, что эта драматическая легенда дала поэту ткань для «Русалки».

Художник не раз ходил к омуту. Бродил по шатким бревнам. Вглядывался в тяжелые блики заводи. Кувшинникова, подруга Левитана, позже вспоминала: «...целую неделю по утрам мы усаживались в тележку — Левитан на козлы, я на заднее сиденье — и везли этюд, точно икону, на мельницу, а потом так же обратно». Но дело не ограничилось неделей. Настала осень. Софья Петровна Кувшинникова уехала. Художник остался один. И тут у гостеприимных хозяев начал писать картину. Тоскливая пора года. Одиночество. Тишина. Все способствовало созданию шедевра. Мы не видим действующих лиц легенды. Не слышим стонов конюшего, последнего крика Наташи. Тихо. Только высверки водной пучины напоминают о жуткой истории.

Большой холст купил Третьяков. Но Левитан был недоволен картиной. Уже после того, как полотно экспонировалось, художник, по рассказам, переписывал его.

Мы не знаем, что именно исправлял Левитан. В пору увлечения открытиями импрессионистов полотно знатоки считали черноватым. Ныне, по истечении времени, этот «недостаток» представляется достоинством. Сдержанность палитры. Благородство колорита лишь подчеркивает драматизм поэтической основы произведения. Это картина-песня. Ее можно «слушать» часами. Так жизненно передано состояние тяжелой тишины этого уголка природы. Чрезвычайно точны, взволнованы воспоминания Федора Шаляпина: «Чем больше я видался и говорил с удивительно душевным, простым, задумчиво-добрым Левитаном, чем больше смотрел на его глубоко поэтические пейзажи, тем острее я стал понимать и ценить то большое чувство и поэзию в искусстве, о которых мне толковал Мамонтов».

— Протокольная правда,— говорил Левитан,— никому не нужна. Важна ваша песня, в которой вы поете лесную или садовую тропинку.

Трудно переоценить, что значит в судьбе художника — крупного или малого, молодого или зрелого — встретить на своем творческом пути эхо понимания, дружеского отношения, поддержки. Это тончайшее свойство людей, истинно любящих и ощущающих сложный, трудный процесс созидания с того момента, когда зажигается первая искра таланта, и до того времени, когда уже пламенеет костер истинного творчества. Ведь одно дело публика на вернисаже — ликующая и проливающая слезы умиления по поводу чудесной картины — результата, итога тяжкого труда, бессонных ночей, тысяч сомнений и тревог; другое — участвовать в рождении шедевра, помогать его появлению, а что еще реже — зароҗдать в живописце саму мысль о подвиге. Таких людей в истории искусств единицы. Это сами по себе люди редкого таланта — широкие сердцем, обладающие честной и трепетной душой. Таким верным и самоотверженным, бесценным наперсником в жизни русских живописцев XIX века был Третьяков.

«Портрет П. М. Третьякова». 1876 год.

Этот холст Ивана Крамского чрезвычайно напоминает гризайль. До того собранна гамма теплых, золотисто-коричневых тонов. Но зато как просторно мысли, духовности, царящей в портрете. Внимательный, задумчивый, с тонким, чуть иконописным лицом, глядит на нас выдающийся собиратель... Высокий лоб, осененный постоянной, не покидающей думой. Необычайно живые, добрые карие глаза. В них смысл картины. Взор Третьякова словно проникает в душу. Ничто не отвлекает от этого взгляда. Никакой манерности, цветистости. Только свет деликатно очерчивает благородные черты создателя знаменитой галереи.

Думается, что подвиг Павла Михайловича Третьякова всенародно известен. Любовь к этой жемчужине отечественных музеев не требует многословных излияний. Суть в том, что ныне Государственная Третьяковская галерея начинает новую жизнь. Об этом рассказ будет позже... Сегодня портрет Павла Михайловича входит в экспозицию, и около него всегда людно. Так прекрасен образ, созданный Крамским... Его мастерство живописца позволило создать самый похожий (по свидетельству современников) портрет Третьякова.

Иван Николаевич Крамской был не только художником. Он блестяще владел пером. Был страстный оратор, публицист. Прочтите несколько строк из его высказываний, и вы тут же поймете, почему именно он, Крамской, был вожаком нового движения в отечественной живописи, которое называлось «передвижники»:

«Художник, как гражданин и человек, принадлежа известному времени, непременно что-нибудь любит и что-нибудь ненавидит. Ему остается только быть искренним, чтобы быть тенденциозным».

«...Настоящему художнику,— пишет Крамской,— предстоит громадный труд — закричать миру громко, во всеуслышание, все то, что скажет... история, поставить перед лицом людей зеркало, от которого бы сердце их забило тревогу...»

Естественно, каждая эпоха ставит перед деятелями искусства все новые и новые вопросы, проблемы. И на эти вопросы может ответить «художник, который угадает исторический момент в теперешней жизни людей, в теперешнем повороте и последнем возрасте мира,— в возрасте знания и убеждения... И обо всем этом скажет в свое время исторический художник...»

Потрясающа по своей скрытой сути картина Верещагина «Двери Тамерлана». Ослепляющее азиатское солнце озаряет эту сцену. Скорее это лишь фасад. Причем парадный фасад. Двое застывших, как пестрые статуи,— фигуры воинов великого Хромца. Туго набиты стрелами узорчатые колчаны. Тяжелы кованые щиты. Остры кривые ятаганы. Гордо вздеты копья со знаками ханской славы. Высоко подняты головы стражей в богатых тюрбанах. Ведь им доверено охранять покой Владыки мира. Драгоценна резьба массивных дверей. Они немы. За дверьми — тайна. Не дрогнут. Не сдвинутся с места стражи. Один шаг в сторону — смерть. Ведь там, за гранью порога, Тамерлан — Победитель Вселенной. Верещагин, казалось бы, написав крайне статичную картину вызывает невероятный по силе ряд ассоциаций... Невольно (если хоть немного знаешь летопись зловещих походов Тимура) представляешь время, эпоху тех кровавых лет.

Палят лучи беспощадного светила. Рельефны, словно изваяны, закоченевшие в страхе и гордости слуги грозного владыки. Резки тени. Рябит в глазах от восточной роскоши орнаментов, пестроты длинных халатов... Сколько трагедий видели врата! Сколько живых входили в эти двери, чтобы не выйти оттуда никогда.

Тишина... Но она страшнее любого вопля. Вся восточная деспотия. Вся показная сонность жесточайшей из страниц истории Земли перед нами. И видится другая, не менее знаменитая картина Верещагина — «Апофеоз войны», которую вначале автор хотел назвать «Апофеозом Тамерлана»... Ведь по приказам неистового полководца подобные «пирамиды» не раз складывались из голов побежденных для устрашения врагов. «Апофеоз войны» — последнее звено из полотен серии «Варвары». Зной. Все выжжено. Скелеты деревьев. Руины города. Хрупкие кустики — все мертво. И в гробовой тишине слышен лишь крик черных ворон — единственных живых существ в этом царстве смерти.

На сожженной земле — груда черепов. Нет, не груда — пирамида. Она сложена во имя славы победителя. Особо ужасны на ярком свету эти оскаленные, словно кричащие, зияющие рты, пристально глядящие на нас пустые глазницы.

Художник сопроводил этот холст пророческой надписью: «Посвящается всем великим завоевателям: прошедшим, настоящим и будущим». Эти гневные слова начертаны на раме картины. Полотно написано в 1871—1872 годах. Задолго до грядущих мировых войн. Художник видел далеко. Он сказал, что «это столько же историческая картина, сколько сатира, сатира злая и нелицеприятная».

Она обращена и ныне к тем безумцам, которые твердят о возможности победы в термоядерной войне.

...Каркают черные птицы у колоссальной груды черепов на картине Василия Верещагина.

Природа. Красота. Радость... Слова-сестры. Они сложены нашим народом из почти схожих семи букв. Что это, случайность? Совпадение? Или гармония? Единство созвучий родственных, необходимых человеку, как воздух, как вода, как сама жизнь.

Гете писал: «Человек является высшим объектом... искусства». И эта аксиома неопровержима. Проследите историю развития культуры, начиная хотя бы с амарнского периода Древнего Египта, до наших дней, и вы убедитесь в правоте поэта. Есть еще один закон, который абсолютно точно определяет уровень значимости творчества любого мастера: гражданственность, любовь к родине, к своему народу — вот слагаемые истинного гения. И еще одна истина: «Первый закон искусства: если тебе нечего сказать — молчи. Если тебе есть что сказать — скажи и не лги». Едва ли это мудрое высказывание Ромена Роллана требует объяснений.

Меткими являются слова известного острослова Талейрана: «Существует более ужасное оружие, нежели клевета,— это истина». А правда в развитии нашего искусства заключается в том, что абстракционизм не прижился на родине Александра Иванова, Сурикова, Левитана... И, может, кому-то это вовсе не нравится, но традиции реалистического искусства ныне не только не утеряны, но получили свое продолжение.

Когда-то еще в двадцатых годах Сергей Есенин вместе с Айседорой Дункан посетил Америку. Большой русский поэт без промаха окрестил эту крупнейшую капиталистическую державу как «железный Миргород». Поэта поразили прагматизм и провинциальная бездуховность Штатов. И хотя с тех пор прошло более полувека, ничего, кроме сногсшибательных «открытий» в области абстракции, поп-арта, «сюрра» и иных вывертов, изобразительное искусство Северной Америки не достигло. Но не думайте, что в США нет прекрасных художников. Они есть. Но их единицы. Их голоса тонут в пучине «модернизма». Ныне наступает, кажется, отрезвление. Но каждое явление в искусстве США, будь то живопись или музыка, надо воспринимать крайне осторожно. Ведь огромную роль в этой богатейшей стране играют реклама и мода. Можно задать вопрос: какое отношение мода имеет к серьезному искусству? Логично. Если не знать специфики страны, где средства массовой культуры в руках дельцов творят чудеса. Сегодня рокк, завтра диско, через год... Главное — бизнес. И этому чудовищу подчинено все. Это опять-таки никак не означает, что в США нет музеев. Есть великолепные коллекции вроде Метрополитен-музея, где собраны шедевры со всего мира. Но это импорт. Немало мировой классики в частных руках. Миллионеры отлично понимают, что такое хорошо... Для широкой публики — путают Шекспира с рекламой подтяжек. И снова на экране телевизоров рыдает Джульетта. А через миг вновь пауза. И вы узнаете, что лучшие в мире сосиски... Но не хватит ли говорить банальности.

И как тут не вспомнить пророческие строки, написанные Гюставом Флобером еще в 1870 году. Вот они: «Запад вступает в эру... глупости, утилитаризма, милитаризма и американизма».

Кому-то эти слова Флобера покажутся патриархальным чудачеством или парадоксальной шуткой... Это не так. Эксцентричный маг и чародей сегодняшнего формализма в живописи — Сальвадор Дали пробалтывается в сенсационном интервью: «Деморализация и идиотизация являются лучшим решением для мира». Метр сюрреализма заслужил аплодисмент от «джет сет» — международной миллиардерской элиты. Так сомкнулись «жрецы искусства» и слуги Желтого дьявола. Так тайное становится явью... Цинизм, насилие, порнография, ежедневно, ежечасно владычествующие в американском телевидении, оглупляют и уродуют миллионы людей. Влиятельнейший журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», издающийся в Вашингтоне, публикует беседу, где особенно назидателен финал. Вопрос: «Становятся ли американцы более циничными, смотря телевизор?» Ответ: «Да, да. Это именно так. Многие американцы действительно опускаются в болото цинизма»... Страшноватенькое признание.

В И Р А Ж

С. ГРИБАНОВ, полковник

В тот памятный для нас, пилотов, день погода в районе аэродрома стояла нелетная. Полковые инженеры настраивались на занятия и уже развешивали в классе громоздкие схемы. Занятия, так занятия. Что тут поделаешь, если облака едва не цепляются за крыши аэродромных построек.

Но вдруг откуда-то издалека послышался настороженный звук турбины.

— Кого-то прижало,— заметил наш комэск,— хорошо, если бомбер или транспортник. У этих горючки — хоть до утра летай.

А звук турбины усиливался, нарастал. Через мгновение что-то стремительно прогрохотало уже прямо над нами, и тогда всем стало ясно, что в непроглядной свинцовой толще облачности мечется истребитель. Летчики притихли. Аэродром готовился к встрече самолета. Каждый из нас, конечно, представлял, насколько тяжело в такую непогодь пробиться к невидимой земле, и невольно закрадывалась мысль: «Не лучше ли прыгать?»

А в следующую минуту все увидели, как незнакомых очертаний машина, энергично тормозя, неслась мимо нас уже по бетонке. Вскоре, деловито зарулив на стоянку, она притихла, сразу затмив своими величественными очертаниями наши истребители.

Из кабины выбрался летчик, снял гермошлем, отстегнул на плечах замки-«молнии» высотного костюма и широко улыбнулся:

— Не правда ли, чудесная погода для неудачного вылета?

Так неожиданно произошло мое знакомство с летчиком-испытателем Александром Федотовым и машиной, которой в скором времени предстояло овладеть всем.

Саша как-то легко и просто сходился с людьми. Я нередко бывал у него дома. Вскоре знал всю жизнь летчика — прямую и открытую, как взлетная полоса.

Вырос Саша на Волге. Отец его, Василий Федотов, строил тракторный завод в Сталинграде. Когда началась война, ушел на фронт автоматчиком и пал смертью храбрых на польской земле. Мать Саши работала в школе уборщицей. Она мечтала, что сын станет художником: парнишка сызмальства удивительно тонко чувствовал краски, прекрасно рисовал.

Но в Сталинграде был аэроклуб. Насмотревшись, как в небо поднимаются самолеты, Саша решил летать. Не сразу открылась дорога на летное поле человеку, которому суждено было летать выше и быстрее всех. «Мал еще, подрасти»,— вернули с порога.

И все же через несколько лет он стал курсантом военного авиационного училища летчиков в Армавире. Много занимался спортом. На стометровке превысил норматив первого спортивного разряда, с шестом в высоту прыгал по второму разряду, вышел как-то на ринг — тоже разрядником стал.

Есть такая традиция: выпускников училища, лучших из лучших, оставляют инструкторами. Оставили инструктором и Александра Федотова.

Однажды он узнал, что есть школа, где учат испытывать самолеты. Саша загорелся! Но кто отпустит опытного инструктора?.. Подал рапорт — вернули. Через год снова подал — отпустили.

После учебы Саше предложили работать в конструкторском бюро А. И. Микояна. Доверие большое, да вот не вписывался молодой летчик-испытатель в строгий рабочий ритм.

Отправился как-то в зону, попилотировал от души. Вернулся, посадил машину красиво, интеллигентно.

— Как слетали?— спросили его.

— Нормально.

— Нам такие испытатели-импровизаторы не нужны!— последовало заключение.

Пришлось несостоявшемуся испытателю подыскивать новую работу. Но... заболел Георгий Мосолов. А в ту пору шло испытание одного из самолетов семейства «Е», истребителя, летающего в два раза быстрее звука: 31 октября 1959 года Георгий Мосолов установил на самолете Е-66 мировой рекорд скорости — 2388 километров в час. В очень неподходящее время оказался Мосолов в госпитале. И тогда генеральный конструктор А. И. Микоян предложил Федотову: «Слетай!»

Саша слетал раз, другой... Все запрограммированное в задании испытательного полета выполнил успешно, и его оставили.

Машину Е-150 Федотов довел до конца. Полностью испытал один двигатель, потом летал с двумя — уже на Е-155. Эту машину тоже вел самостоятельно. Работалось Саше радостно, увлекательно. Когда отправлялся на полеты, казалось, спешит на свидание, по лестницам никогда не ходил — вихрем летал через три ступеньки...

На бесхвостом самолете с треугольным крылом «Конвейер Ф-106А» за океаном перекрыли показанную Г. Мосоловым скорость. Тогда Г. Мосолов на самолете Е-66А набирает высоту при взлете с земли 34 714 метров — абсолютный мировой рекорд.

Александр Федотов с доброй завистью следил за этой борьбой. А в своей будничной работе делал все, что велели.

— Стеши-ка пяту на самолете,— попросил как-то А. И. Микоян. И Саша полетел. Оказалось, не так-то просто сознательно навредить — допустить грубую ошибку при посадке. В первом полете, как ни старался, но пяту, установленную на конце фюзеляжа, стесал только на полтора миллиметра. Зато потом так приварил машину к полосе, защитной пяты будто и не было.

— А самолет поломать сможешь?— снова предложил задачку Артем Иванович.

— Какой? — спросил Саша.

— А вон тот, на котором Жора рекорд поставил.

— Попытаюсь,— улыбнулся он в ответ.

Чем-то нравился генеральному конструктору этот улыбчивый испытатель. А Саша прикинул, как бы половчее грохнуть машину на приземлении, и ушел на задание. Метрах в пяти над землей сбросил скорость до 190 километров в час, нажал кнопку тормозного парашюта, самолет упал, пробежал метров двести и остановился целехонек. Шасси выдержали — в этом заключалась задача испытания.

Сашу радовало общение с такими интересными людьми, как генеральный конструктор А. И. Микоян, его ближайший помощник Р. А. Беляков, многому научили его В. А. Комаров, Г. А. Седов. Очень дорожил он дружбой таких известных испытателей, как Сергей Анохин. Они-то и посоветовали поступить учиться в Московский авиационный институт.

А 7 октября 1961 года на самолете Е-166 А. Федотов устанавливает абсолютный мировой рекорд скорости на замкнутой базе 100 километров — 2401 километр в час. Это был первый из восемнадцати мировых рекордов, установленных А. Федотовым. Впереди еще будут высшие награды Международной авиационной федерации, награды, каких не удостаивался ни один летчик в нашей стране.

...В тот пасмурный нелетный день, когда Александр Федотов приземлился на нашем аэродроме и удивил новым истребителем, я, едва познакомившись, принялся расспрашивать его о рекордном полете. Саша смеялся:

— Ты летчик, к тому же военный, так что должен понимать. Ну чего тут особенного? Лечу, делаю запросы: «Как скорость?» Мне отвечают: «Идешь хорошо». «А направление?» «Правильное».

Саша шутил. Никаких других объяснений по поводу полета я не услышал, а на следующий день ему предстояло летать с руководством полка на «штопор», и я упросил запланировать со мной один полет в зону.

Через несколько минут наша «спарка» металась в пилотажной зоне, как угорелая. Я старался вовсю: заканчивал одну фигуру, бросал машину в другую, тянул, что было духу, чтоб чувствовалось — боец работает! Саша молчал.

Когда показал почти все, на что способен был, он легонько постучал по ручке управления и сказал:

— Дай-ка, Слава, пару виражей покажу.

Виражи я любил. Старые фронтовые пилоты учили еще в аэроклубе: «Главное, чтоб пресс на животе сильный был. Тогда любой вираж одолеешь. А на виражах хоть с кучей врагов дерись — не возьмут!»

И показал мне Саша Федотов тот глубокий вираж! Да, для такого виража не только пресс нужен, но и рука федотовская.

— Ну, старлей, крути. Давай вместе!— весело крикнул он по переговорному устройству. И машина пошла, так пошла, как ни ей, ни мне и не снилось.

* * *

Однажды Саша подарил мне свою фотографию с надписью: «Летай быстрее меня!» Куда там... Летать, как он, — об этом можно только мечтать. Ведь Герою Советского Союза, лауреату Ленинской премии, заслуженному летчику-испытателю СССР, генерал-майору авиации А. В. Федотову принадлежали многие мировые рекорды скорости и высоты...

ГОРНЫЙ СТИЛЬ

Супьянбек ШЕРИПОВ,
собкор «Огонька»

В Махачкале в ателье ремонта бытовой техники зашел мужчина в большой папахе из каракуля цвета старого золота и сказал приемщику:

— Здравствуйте, уважаемый. Очень прошу обслужить меня, как в горах!

И приемщик, столь же серьезно:

— И вам здравствуйте, уважаемый! Постараемся, чтоб было не хуже...

Мы по крутым петлям дорог отправились в заоблачные выси, чтобы узнать: почему «горный стиль» сервиса так ценится в Дагестане?

•

...Рано утром в горном поселке Кумух (это не так уж и высоко — 1500 метров над уровнем моря), когда дороги еще затянуты кисеей тумана, а в ущельях спят мокрые на ощупь облака, меня разбудил натужный гул автомобильных моторов. С небольшими интервалами ползли вверх фургоны с белыми вензелями «СБ» на синих боках. Служба быта, согласно графику, везла ремонтников, запчасти, выполненные заказы, в буквальном смысле слова поднимая сервис на небывалую высоту.

О них уже знали. За несколько дней до этого на улицах аулов и сел, а иной раз прямо на скалах при въезде в населенные пункты появились объявления: тогда-то и тогда-то к нам приезжает комбинат бытового обслуживания.

В селении Цада мне рассказывали, что много лет назад, когда впервые привезли холодильники, горцы шутили: в горах своего льда много, зачем нам такая штука, что с ней делать? И один острослов, который, кстати, первым купил холодильник, сказал: в этой машине температура плюс пять градусов, значит, зимой в ней можно будет греться!

Говорят, что мастеров по ремонту холодильников, когда они лет тридцать назад приехали в аул Гуниб, поразило, что самым лучшим инструментом для этой новинки, если она выходила, из строя, гунибцы считали обычный топор. С ним они шли на окраину аула, чтобы нарубить льда для холодильника.

Все стало шуточным фольклором: сейчас горцы хорошо разбираются в преимуществах той или иной марки с такой же эрудицией, как и в автомобилях или цветных телевизорах. Они предпочтут «ЗИЛ» или «Минск» холодильникам, сделанным в Душанбе или в Кишиневе.

Электрификация горных селений, конечно, несказанно облегчила домашний труд и все с ним связанное. Однако Гасан Кучиев из Кумуха, а он считается в Лакском районе одним из лучших мастеров, сохранивших секреты производства национальных печей (есть такой давний промысел), сказал, что спрос и на его работы не уменьшился.

И Гусейн Асабов, директор Кумухского комбината бытового обслуживания, объяснил:

— Чем лучше люди живут, чем больше у них холодильников, телевизоров, стиральных машин, всяких других приборов (например, мой друг установил в своем доме четыре электроувлажнителя — пожалуйста, но зачем? Мы живем в Кумухе, а не в Каракумах!), тем чаще вспоминают то, что можно взять полезного из старины, из традиционного, дедовского. Печки — лишь одно тому подтверждение.

В Минбыте автономной республики быстро уловили эту тенденцию. В том перечне услуг, которые оказывает сегодня служба населению, немало места занимает выполнение заказов на традиционные изделия: тут и ювелирные изделия, и посуда, одежда, и обувь по народным образцам! Конечно же, гончарные и чеканные изделия; предметы традиционного внутреннего убранства дома.

Но все же не старина седая определяет уровень заботливости службы быта. В перечне Минбыта 600 видов услуг. Хозяйка может попросить «скорую кулинарную помощь», если в доме предстоит съезд гостей. Пришлют самых замечательных кулинаров — в поддержку! И на помощь! Вы можете пригласить (и это сейчас все увереннее входит в практику) оркестр на свадьбу. Лучшие музыканты играют на вашем празднике, и это обходится (что немаловажно) дешевле, чем наем оркестра со стороны.

Всюду строятся новые дома — в горах каждая семья стремится иметь свой добротный дом. И нет населенного пункта, где бы не шло индивидуальное строительство. Оно облегчается тем, что основным строительным материалом является местный камень. Из этого природного материала каменщики творят чудеса. И материал и бригады строителей тоже можно заказать заранее в комбинате бытового обслуживания. Это и менее хлопотно, да и обходится дешевле, нежели бригада «шабашников», которые сейчас из-за расторопности службы быта все чаще остаются без заказов.

Сервис в горах должен быть гибок и многогранен. Один старик, не скрывая веселых искорок в глазах, предложил свою трактовку этого:

— В горах кислород чище, голова работает качественнее.

Понятно, самой службе быта собственная же инициатива оборачивается новыми сложностями. Заказчику нет дела до того, что Минбыту приходится подчас буквально выбивать запчасти, материалы, транспорт.

Министерство по мере сил старается находить выход из положения. Решается одна из проблем: подготовка работников сервиса для горных районов из самих же горцев. Хорошо, конечно, что машины работают в течение всего года, даже зимой, но свой специалист всегда под рукой, и добраться до него легче, и ему подъехать в соседний аул сподручнее. Уже прошли необходимую подготовку более тысячи шестисот человек.

Хозяйка в селе Кумух сказала мне:

— Знаете, как можно расшифровать буквы «СБ»? «Счастливы будем». Раньше любили говорить: «Быт засосал», «Быт все время отнимает»... А сейчас служба быта продлевает хозяйкам жизнь: больше стало времени на семью, детей, отдых, на себя.

Некоторые усмехаются: какое в горах нужно обслуживание? Там все есть: горное солнце, воздух — сплошной кислород, уникальная природа; люди, когда попадают туда, первое время молчат, в себя приходят от ее красоты.

Ничего не скажешь: и красоты там хватает, и горного солнца, и воздуха тоже. Но если бы вы рано утром увидели, как вдоль ущелий ползут вверх синие автофургоны, то убедились бы, что они отлично гармонируют с прекрасной природой.

Для чабана тулуп — рабочая одежда.

В ночь на 27 марта 1944 года войска 2-го Украинского фронта форсировали реку Прут. Это было начало. Семь месяцев сражалась Советская Армия за освобождение Румынии. В ходе боев было уничтожено и взято в плен свыше полумиллиона гитлеровских солдат и офицеров.

69 тысяч советских воинов отдали свои жизни за избавление румынского народа от фашизма. Более 130 советских частей и соединений получили имена освобожденных ими румынских городов.

Советская Армия внесла решающий вклад в освобождение Румы-

Н. КРЫЛОВА

Есть в Яссах проспект, который носит имя 23 августа. Если спуститься по нему вниз от университета, то на углу улицы Пэрукарь вы увидите здание центральной университетской библиотеки. 22 августа 1944 года на стене книгохранилища появилась одна коротенькая строчка: «Мин нет. 22.8. 44. Лейтенант Степанов». Оставили свои автографы советские саперы и на стенах университета, Национального театра и других зданий. И вот сорок лет спустя я держу в руках листок с подписью того самого лейтенанта Степанова — письмо, которое он прислал из Кировограда в Москву своему однополчанину Михаилу Павловичу Дудоладову.

«Пишет Вам бывший командир взвода 147-й отдельной Ясско-Кишиневской роты специального минирования 27-й отдельной моторизованной инженерной Ясской бригады. Нашему поколению пришлось пережить тяжелые годы, много потерять друзей. Вспоминая прошлое военное время, хочется сказать, что хорошо воевали наши ребята. В этом немалая заслуга генерала Васильева и Ваша как начальника штаба».

— Высота 195.0 находилась в зоне артиллерийского огня противника в двадцати двух километрах северо-западнее Ясс. Тут наши саперы строили передовой командно-наблюдательный пункт,— рассказывает Михаил Павлович Дудоладов.— К вечеру 19 августа сюда прибыли представитель ставки Верховного главнокомандующего Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, командующий фронтом генерал армии Р. Я. Малиновский. Ночью 20 августа был объявлен приказ о наступлении. Саперы подготовили проходы в минных полях и проволочных заграждениях, а утром на врага обрушился шквал артиллерийского огня.

А вот что рассказывает другой участник событий тех дней, заместитель командира 1307-го артполка 203-й дивизии Илья Алексе-

нии от фашизма. Блестяще проведенная Ясско-Кишиневская операция создала условия для победы антифашистских сил в стране. Румыния была выведена из войны на стороне Германии. Под руководством компартии стало разгораться антифашистское восстание, явившееся началом народно-демократической революции.

Проходят годы, десятилетия. Но не меркнут в памяти советских воинов события памятного 44-го. И сегодня слово им, нашим славным ветеранам, участникам освобождения Румынии.

Так встречали в Бухаресте Советскую Армию.

евич Моросанов. Среди его боевых наград — румынский орден «Защиты отечества» III класса и медаль «За освобождение Румынии».

— Я прошел всю войну, но такой плотности огня не видел. Докладывая в Ставке план предстоящей операции, командующий 2-м Украинским фронтом Малиновский назвал такую цифру — 220 орудий калибра от 76 мм и выше на один километр фронта. Верховный главнокомандующий тогда сказал, что этого маловато, надо больше и предложил атаковать на участке не в 22 километра, а в 16. Вот на этих километрах действовал и наш полк. Единственный раз за время войны мы поставили в одну линию все 24 орудия. Артподготовка проходила полтора часа. Оборона противника была разрушена...

Когда капитан Моросанов прибыл в Яссы, в районе дворца еще шли бои. Жители города вышли на улицы и приветствовали нашу армию. Военный совет 2-го Украинского фронта еще ранее обратился с воззванием к населению Румынии. В нем говорилось: «Красная Армия имеет лишь одну цель — нанести окончательное поражение германским армиям и уничтожить господство гитлеровской Германии в порабощенных ею странах, в том числе и в вашей стране. Не как завоевательница, а как освободительница румынского народа от немецко-фашистского гнета вошла в Румынию Красная Армия».

Город освобожден. Но фашисты, отступая, минировали здания, мосты, дороги.

— Вот тут-то и начались горячие дни для нас, саперов,— продолжает рассказ Михаил Павлович Дудоладов.

Еще до вступления в Яссы штабом бригады был разработан план разминирования города, отпечатаны на русском и румынском языках обращения к населению. Горожан призывали соблюдать осторожность и сообщать о местах, подозрительных на мины. Было организовано несколько пунктов по сбору такой информации от населения.

К саперам пришла группа женщин:

— В поликлинике на улице Сокола, 10, груда взрывчатки.

Туда немедленно отправились саперы лейтенанта И. Гольца. Они было хотели убрать смертоносные брикеты, но лейтенант остановил их и, приказав всем покинуть помещение, стал осторожно разбирать груду. Вот показался взрыватель, от него по полу тянулась проволока. Стоило сдвинуть кучу с места, взрыв был бы неминуем. В других помещениях поликлиники саперы обезвредили три противотанковых мины, а в сарае — целый склад мин.

На этой же улице был заминирован магазин. Мина находилась под весами.

Когда советские саперы разминировали железнодорожную станцию, они увидели, что к ним бежит человек. Он был очень взволнован и жестами показал, чтоб они следовали за ним. Румын привел минеров к водонапорной башне. Дверь была заперта на замок. Младший сержант Григорий Архипов приказал товарищам залечь, а сам стал открывать замок. Внутри башни луч фонарика высветил ветошь, намотанную на трубу. Под ней Архипов обнаружил заряд. Вынув из него взрыватель, он заметил, что провода тянутся наружу. Проверили щупом землю около башни и обнаружили в яме, укрытой досками, толовые шашки и пять авиабомб, соединенных детонирующим шнуром. Советские саперы предотвратили взрыв.

Взвод лейтенанта Степанова проверял здание университета. В одном из помещений саперы заметили тоненькую проволочку, которая тянулась от ножки стола к куче бумаг в углу. Там был обнаружен и обезврежен заряд из противотанковых мин. А всего в помещениях университета было извлечено сорок мин. После этого и оставил лейтенант Степанов свой автограф в университетской библиотеке.

И на других зданиях в Яссах появились надписи: «Разминировано. Л-т Гольц», «Здание проверено, Егоров».

За активное участие в Ясско-Кишиневской операции и проявленные мужество и отвагу 27-й отдельной моторизированной инженерной бригаде присвоено наименование Ясской — это строки из приказа Верховного Главнокомандования от 15 сентября 1944 года.

А неделей раньше был подписан приказ по 18-му танковому корпусу № 037 (от 7 сентября 1944 года): «Военным комендантом г. Крайова назначаю полковника Горчинского...»

Борису Ивановичу Горчинскому 10 августа исполнилось 80 лет. Воевал с басмачами в Средней Азии, с белоказаками Дутова под Оренбургом. Прошел всю Великую Отечественную — от Старой Руссы до Вены.

Весной 44-го на плоту вместе с танками форсировал Прут.

— Когда началась Ясско-Кишиневская операция, очень тяжелые были бои. В них мы потеряли многих боевых товарищей. Погиб командир батальона Червов, а капитан Рослик был тяжело ранен осколочным снарядом. Я сам писал на него представление к званию Героя Советского Союза.

Из окружения под Яссами вырвались две немецкие дивизии. Мы получили приказ стопятидесятикилометровым маршем выйти к городу Хуши, повернуть фронт на восток, встретить эти дивизии и разбить. Это было выполнено 22 августа. А 23-го под Бырладом мы услышали сводку Совинформбюро, что Румыния вышла из войны на стороне Германии.

Это было не только военной победой Советской Армии. Это было победой политической. Все годы, что Румыния была союзником гитлеровской Германии, фашистская пропаганда вдалбливала, что русские не оставят в живых ни одного румына.

— Помню, остановились мы на привал в каком-то румынском селе,— рассказывает Борис Иванович.— Нигде ни души. А печки в хатах еще теплые. Значит, жители ушли совсем недавно. Смотрим, идет от леса старик. Одет бедно, глядит с опаской. Солдаты ему кто кисет с махоркой протягивает, кто хлеб. Он не мог скрыть своего удивления: «Вы же всех нас должны убить,— Гитлер говорил». Завели его в хату, мол, здесь все на месте, мы не тронули ни ложки, ни ведра. Иди, расскажи односельчанам, пусть возвращаются по домам. Первыми через полчаса прибежали деревенские ребятишки, за ними и взрослые.

Знаете, что нас больше всего поражало в румынских деревнях — бедность,— продолжает Горчинский.—Мы и сами небогато жили перед войной, но здесь увидели подлинную нищету. Фашистская Германия в течение всей войны грабила своих союзников, выкачивала из страны хлеб, нефть, другие ресурсы. Поэтому советское командование придавало особое значение работе среди гражданского населения освобожденных районов Румынии.

Когда мы освободили Крайову, бургомистр города обратился к советскому военному коменданту с просьбой помочь в защите населения от бандитов. В первую же ночь мы их немало выловили. Одетые в советскую военную форму, они убивали, грабили жителей города. И вот вместе с румынами по ночам мы патрулировали улицы города...

Когда подошли наши общевойсковые части, полковник Горчинский сдал полномочия новому коменданту и отправился нагонять свой корпус. Освобождал Венгрию, Югославию, Австрию.

Великая освободительная миссия Советской Армии продолжалась.

ТАК ГОТОВИЛОСЬ 22 июня 1941 года

ЗАПИСКИ НЕМЕЦКОГО АНТИФАШИСТА

Герхард КЕГЕЛЬ

Но как долго еще продлится эта ужасная война? Как долго еще преступный режим в Берлине будет от имени Германии и немецкого народа проливать потоки крови, губить миллионы людей?.. Возможность остаться в живых после этой войны казалась для меня лично не очень-то большой. Об этом мне ежедневно напоминало множество расклеенных на берлинских афишных тумбах объявлений о смертных приговорах, а рядом — о приведении их в исполнение. Гитлеровские судьи и палачи работали без устали, чтобы потопить в крови любое проявление антифашистской активности, любое пробуждение в немецком народе чувства национальной ответственности и человечности.

Растущая уверенность в том, что Гитлер, его генералы, вся эта банда убийц проиграют войну, постоянно давала нам силы и мужество, хотя мы в своей подпольной борьбе могли рассчитывать только на себя.

А пока из официальных сообщений стало известно, что 19 декабря [1941] года «фюрер» принял решение «сосредоточить в своих руках руководство всеми вооруженными силами и главнокомандование сухопутными войсками». В опубликованном по этому случаю «Воззвании ко всем солдатам сухопутных войск и войск СС» говорилось: «Армии на Востоке... вследствие неожиданного наступления зимы с хода заняли позиционную линию фронта. Их задача — до наступления весны столь же фанатично и цепко удерживать и оборонять то, что они захватили до сих пор... Господь не откажет в победе своим храбрым солдатам». Эта отчаянная попытка нацистских преступников превратить господа бога в своего сообщника по убийству говорила об их страхе перед поражением...

В середине февраля 1942 года я наконец получил долгожданную весточку из Бухареста. Мой друг сообщал, что «с той же почтой» мне выслан запоздалый рождественский подарок — молодой гусь. Дабы отправитель был уверен, что этот драгоценный подарок попал в мои руки в полной сохранности, я должен подтвердить получение. Наш бухарестский друг сообщал, что он сможет приехать в Берлин по служебным делам, вероятно, только в апреле. Это огорчило нас. Ведь мы с Ильзой Штёбе возлагали большие надежды на его ускоренную помощь в восстановлении устойчивой и прочной связи с Центром...

Во второй половине апреля наш бухарестский друг наконец появился. Мы договорились встретиться в «клубе господ». Там мы побеседовали о наших делах со времени последней встречи в 1939 году, незадолго до нападения гитлеровской Германии на Польшу. Затем мы совершили долгую прогулку по Тиргартену и обсудили все жизненно важные для нас вопросы.

Беседа меня разочаровала. Этот товарищ, которого я считал политически устойчивым, «крепким орешком», потерял мужество и в первые же недели после нападения на Советский Союз порвал связь с Центром... Несколько часов я пытался убедить его, что гитлеровская Германия, несмотря на свои первоначальные успехи, войну выиграть не сможет. Я рассказал ему о «графике» нацистского блицкрига и его провале, сообщил имевшиеся у меня сведения об огромных потерях вермахта, о создающейся антигитлеровской коалиции... Я попытался внушить ему, что он, как честный человек, должен преодолеть смятение, исправить свою ошибку и, если это возможно, восстановить контакт с Центром. О наших берлинских трудностях установления связи с Центром я ему говорить не стал. Больше мне с этим товарищем встречаться не довелось. Знаю только, что он пережил войну и потом ему было трудно объяснить свое поведение... Но, насколько мне известно, он никого не выдал. У него просто недостало мужества, чтобы и в условиях войны активно участвовать в борьбе против гитлеровского режима. Но в конце концов не у всех хватало выдержки, чтобы постоянно жить с петлей на шее и не спасовать в борьбе против казавшегося всемогущим противника.

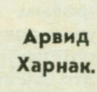
Мы с Ильзой Штёбе решили, что я должен попытаться перейти из информационного отдела министерства иностранных дел в торгово-политический и закрепиться там. Это казалось наилучшим прикрытием для моей подпольной работы... А потому я попробовал попытать счастья у министериаль-директора Виля, которому тогда подчинялся торгово-политический отдел. До этого я обращался к его заместителю, посланнику Шнурре, уже известному читателям в связи с заключением германо-советского торгового договора. Я сказал, что мне, эксперту по внешней торговле, политико-пропагандистская деятельность в отделе информации не вполне по вкусу и я бы предпочел работу, которая больше отвечает моим специальным знаниям и склонностям. Шнурре согласился переговорить со своим шефом. Когда я явился к Вилю, тот уже был в курсе дела. Он предложил мне заниматься в его большом, но тогда в значительной мере парализованном войной отделе сектором Франции, Бельгии и Голландии. Итак, я снова оказался занятым в области внешней торговли и теперь надеялся, что мне удастся добиться перевода в одну из немногих нейтральных стран.

После неудачной попытки установить прочную связь с Центром через нашего бухарестского друга мы с Ильзой Штёбе договорились, что она постарается сделать это, пользуясь теми контактами, которые у нее есть, а тем временем мы будем вести себя как можно незаметнее. Лишь только появятся какие-нибудь результаты, она сразу же сообщит мне. Так прошли летние месяцы 1942 года. За это время мы встретились всего один раз. Осенью я стал проявлять беспокойство. Два-три раза попытался дозвониться Ильзе домой. Никто не отвечал. Я уже собрался отправиться к ней, но решил сначала зайти к моему бывшему соседу по кабинету д-ру Шаффарцику из отдела Кизингера — поговорить на политические темы. Если с Ильзой произошло что-то серьезное, он, возможно, знает об этом. От д-ра Шаффарцика я, к ужасу своему, услышал, что Ильза Штёбе и д-р Х. арестованы. Причина ему неизвестна. Только позже я узнал, что Ильза вместе с д-ром Х. попала в руки гестапо 12 сентября 1942 года. Ее арест, так же как и арест членов «Красной капеллы», нацистский режим держал в строжайшей тайне...

Наверное, во второй половине сентября 1942 года, незадолго до конца рабочего дня на моем столе зазвонил телефон. Арест Ильзы Штёбе сделал меня еще более настороженным и недоверчивым, приходилось быть готовым ко всему. Звонил Ламла — бывший «канцлер» нацистского посольства в Москве. Он сразу заговорил о деле и спросил, не знал ли я в Варшаве некоего господина Херрнштадта. Я подтвердил, что действительно знал его. Будучи опытным журналистом-международником, он помогал мне, тогда еще совсем новичку в этой области. А затем, когда я перешел на работу в торгово-политический отдел германского посольства в Варшаве и начал заниматься вопросами внешней торговли, наши профессиональные интересы разошлись и мы встречались лишь изредка и случайно...

Мне сразу стало ясно: этот неожиданный звонок связан с арестом Ильзы Штёбе. Вопрос Ламлы о Херрнштадте, по моему мнению, имел только один смысл: гестапо хотело проверить, не стану ли я отрицать свое знакомство с ним. Тогда можно было бы легко изобличить меня во лжи. Вероятно, гестапо обнаружило связи Ильзы Штёбе с Херрнштадтом и теперь хотело расставить ловушку и мне. Но почему оно избрало такой окольный путь — через бывшего «канцлера» германского посольства в Москве? Оно могло это сделать куда проще. Следовательно, пришел я к выводу, при телефонном разговоре, который явно кто-то подслушивал, интересовал гестапо именно я сам. Во всяком случае, мне грозит серьезнейшая опасность. Возможно, что под угрозой находится и Шелиа... Я должен каким-то образом предостеречь его. Ведь попади он в руки гестапо — Ильзе конец! Обо мне же он ничего не знает. Но как предупредить Шелиа, не подвергнув опасности самого себя? Я не знал, что делать. На следующий день я решил посетить его на службе. Прежде всего надо убедиться, что за мной нет слежки... Может быть, он знает об Ильзе что-то новое. Но сначала надо поговорить с д-ром Шаффарциком, выяснить положение и только тогда действовать.

По пути в информационный отдел я убедился, что за мной никто не идет. Д-р Шаффарцик, как всегда, дал мне почитать интересные материалы из «вражеской прессы». Я, в свою очередь, обменялся с ним свежей информацией о все более напряженном положении на «хозяйственном фронте». Под конец я так, между прочим, обмолвился, что арест фройляйн Штёбе и д-ра Х. окутан полной тайной, и добавил, тоже как будто мимоходом, что это дело, верно, весьма неприятно для господина д-ра Кизингера да и для господина фон Шелиа. Да, конечно, ответил он. Впрочем, господин фон Шелиа, который, конечно, информирован гораздо лучше, сейчас находится в Швейцарии. В ответ я заметил, что этому счастливчику Шелиа явно удалось добиться перевода в наше дипломатическое представительство в Берне, где нет ночных бомбежек, как у нас. Но мой собесед-

Арвид Харнак.

Окончание. См. «Огонек» №№ 29—33.

ник возразил: Шелиа всего-навсего находится в служебной командировке.

Я с облегчением вздохнул: Шелиа в Швейцарии! Я нисколько не сомневался, что из этой «командировки» он в Берлин не вернется и что отправился он туда именно из-за ареста Ильзы Штёбе. Там у него, как я знал, есть счет в банке, и он сможет некоторое время продержаться. Такое решение проблемы с Шелиа было хорошо и для Ильзы и, разумеется, для меня. Но все-таки предосторожности ради я хотел убедиться в том, что Шелиа действительно в Швейцарии.

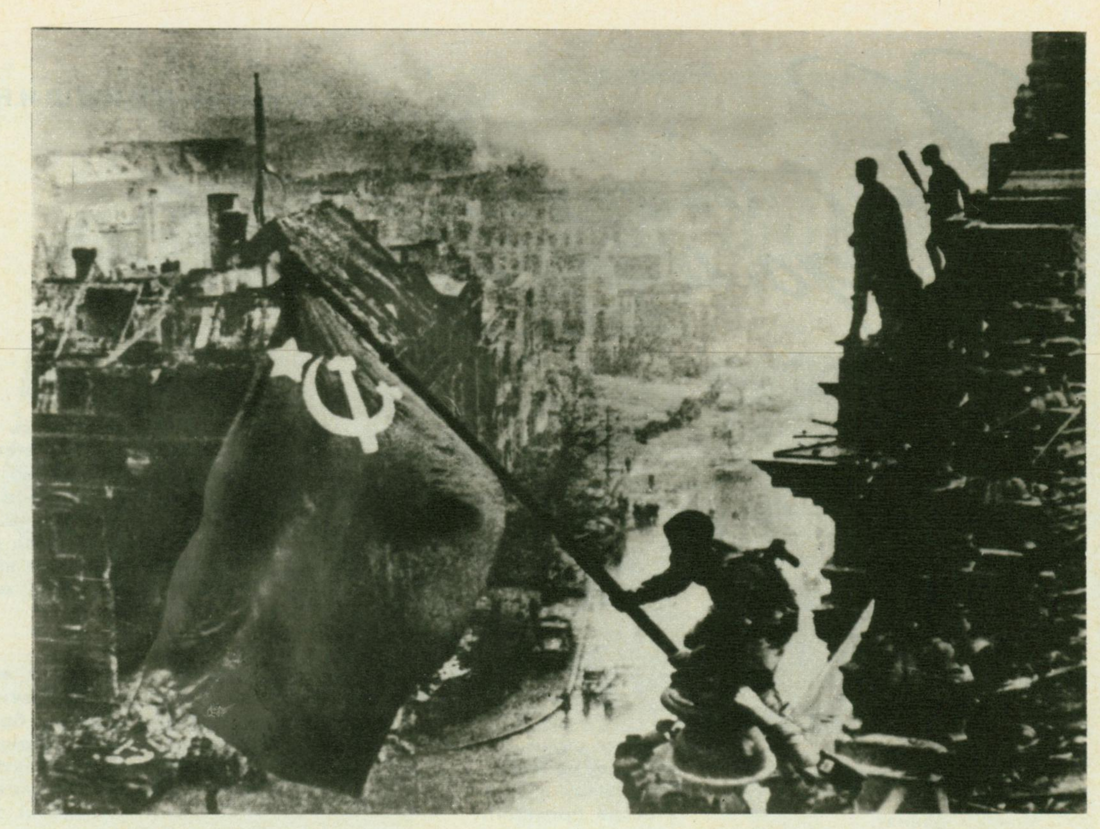
Когда через восемь дней я снова зашел к д-ру Шаффарцику, он сразу же сообщил мне: Шелиа вернулся. Я был возмущен: поступить так глупо! Теперь мне не оставалось ничего иного, как отправиться к нему и рассказать о телефонном разговоре с Ламлой. Я поздоровался с Шелиа так дружески, как только мог, и стал расспрашивать о его швейцарских впечатлениях. Затем я в общих чертах рассказал ему о разговоре с Ламлой и его вопросах насчет некоего Рудольфа Херрнштадта, которого он, Шелиа, наверняка помнит по варшавским временам. Шелиа очень разволновался. Закурил сигарету, дрожащей рукой поднес ко рту. Я распрощался с ним...

Через несколько дней я узнал от Шаффарцика: во второй половине дня Шелиа вызвали в отдел личного состава министерства иностранных дел. Оттуда он не вернулся. Очевидно, арестовали. За что? Об этом в отделе информации не знали...

А через несколько дней я совершенно точно убедился: за мной следят... Никакой реальной возможности скрыться у меня не было, хотя я понимал, что в связи с этими арестами попал в число подозреваемых. Правда, ни Шелиа, ни д-р Х. о моей подпольной работе ничего не знали, но, возможно, моя фамилия и мой номер телефона имелись в их записных книжках, так же как и их — в моей. Кроме того, у меня были записаны имя, фамилия и телефонный номер Ильзы Штёбе. Я немедленно исправил эту ошибку и завел новую записную книжку. Теперь мне стало ясно: на допросах в гестапо будут играть роль и отношения арестованных со мной. Шелиа и д-р Х. едва ли могли сказать обо мне что-нибудь такое, чего я мог бояться. Ильза не выдаст — в этом я был убежден!

Я старался изо всех сил, чтобы следующие за мной по пятам шпики ни разу не потеряли меня из вида. Ведь если я ускользну от них или они по собственной оплошности упустят меня, я сразу же буду изображен в их донесениях как человек, прибегающий к особо изощренным методам конспирации и с явным опытом в антигосударственных делах. Целыми днями я вел пустые разговоры с кем угодно, кроме настоящих друзей. В этих разговорах я старался не «переигрывать», ибо это тоже могло вызвать подозрение, и в оценке положения Германии пользовался формулировками, вычитанными накануне из «Фёлькишер беобахтер». Разумеется, все это давалось мне совсем не так легко, как может показаться сегодня. Ведь речь шла для меня о жизни и смерти. Играть роль подчеркнуто спокойно-дружелюбного человека, довольного всем на свете и самим собой, было мне совсем не по душе...

...Еще примерно в середине 1942 года мне неожиданно позвонил один человек, назвавшийся моим старым знакомым; якобы мы вместе учились в университете в Бреслау (ныне Вроцлав). Поскольку знакомых у меня было множество, я не мог сразу определить, говорит он правду или нет. Мы встретились, и после небольшого разговора о том о сем «старый знакомый» сообщил мне, что он противник нацизма и, само собой разумеется, считает, что и я тоже. Хотел я того или нет, он посещал меня в моем служебном кабинете на Мауэрштрассе каждую неделю, рассказывая всякую всячину насчет своей деятельности и политических дискуссий. Я просто не мог избавиться от него. Но еще подозрительнее я стал, когда однажды он спросил меня, нет ли у меня связей с активно действующими антифашистскими кругами, поскольку он, мол, чувствует себя обязанным делать против Гитлера гораздо большее. В конце концов он предложил мне прийти на вечер к Арвиду Харнаку* (имя это мне тогда было неизвестно), у которого, как сообщил этот «старый знакомый», обычно собираются весьма интересные и высокоинтеллектуальные противники Гитлера. Я с удивлением спросил его, неужто всякий, кому вздумается, может прийти туда... Он ответил, что достаточно хорошо знает хозяина дома и его весьма образованную жену, чтобы привести с собой надежного человека. Я, разумеется, отказался...

Знамя Победы над рейхстагом.

Некоторое время я больше ничего об этом человеке не слышал. В начале октября «старый знакомый» позвонил снова и выразил желание встретиться поблизости от министерства пропаганды на Вильгельмплац, чтобы вместе пообедать. Мы договорились на 13 часов, и точно в назначенное время я был там. Прождав минут пять, я вдруг увидел медленно подъезжавшую открытую легковую машину. В ней между двух молодых мужчин в штатском, производивших неприятное впечатление, сидела... Ильза Штёбе! Вид у нее был совершенно измученный. Лицо повернуто ко мне, но ни единый мускул на нем не дрогнул. Казалось, она глядит сквозь меня. «Проклятие, западня!» — молнией пронеслось у меня в голове. Я не подал вида, что узнал ее, равнодушно глядя на открытую машину и на сидящих в ней. Не знай я, что Ильза схвачена гестапо, я, наверное, поздоровался бы с ней...

Что делать? Моей первой реакцией было побыстрее скрыться. Но я тут же подумал: если это западня (а я был уверен, что это именно так), значит, за мной наблюдают. Все возможные пути бегства перекрыты, и я сразу угожу в объятия гестапо, оно уже ждет меня. Попытка к бегству послужит отягчающим обстоятельством. Ильзу наверняка спрашивали обо мне, и она явно сказала, что знает меня весьма поверхностно. Провокация же с машиной пока гестапо ничего не дала. И я решил как ни в чем не бывало, то и дело поглядывая на часы, прохаживаться туда-сюда, в ожидании моего «старого знакомого» из Бреслау. Он появился минут через десять и стал извиняться за опоздание. За обедом я старался показать свое хорошее настроение и сыпал анекдотами. На прощание поблагодарил его за идею пообедать вместе. Больше я этого «старого знакомого» не видывал. Он еще как-то звонил, но, надо полагать, потерял ко мне всякий интерес...

Дело Шелиа и Ильзы Штёбе, как я теперь знаю, было передано особому суду. Защитников им не дали. В зале суда, кроме судей, обоих подсудимых да усиленной охраны, никого не было. Приговор гласил: смерть. Это было 14 декабря 1942 года. Гитлер, как и по делу «Красной капеллы», оставил определение вида казни за собой. Шелиа повесили. Ильза Штёбе погибла под ножом гильотины 23 декабря 1942 года.

Когда Ильзу Штёбе незадолго до смертного приговора, совершенно разбитую допросом, привели обратно в тюремную камеру, она сказала своей соседке по заключению, которой удалось пережить войну и нацистский террор:

— Сегодня они опять ничего не выжали из меня.

А вечером 14 декабря, вернувшись с последнего заседания суда, она произнесла:

— Теперь все позади — меня приговорили к смерти... Теперь можно сказать, что я выстояла — все уже миновало. Своим молчанием я спасла жизнь по крайней мере трем мужчинам и одной женщине.

Одним из этих мужчин был я, а женщиной — моя жена и боевая соратница Шарлотта.

* * *

Сегодня, в середине восьмого десятка своей жизни, я с чистой совестью могу сказать: целые полвека я со всем жаром своего сердца боролся за самое лучшее дело в мире — за социализм и коммунизм... Порой было нелегко. Но я никогда не раскаивался в решении, которое принял полвека назад и которое определило всю мою жизнь. Я всегда оставался верен ему.

Перевод Г. РУДОГО

---

* Арвид Харнак родился в 1901 году, крупный ученый-экономист, вместе с обер-лейтенантом Харро Шульце-Бойзеном возглавлял крупную подпольную организацию антифашистского Сопротивления. В ранге старшего правительственного советника служил в министерстве экономики. Вместе со своей женой Милдред Харнак был арестован 3 сентября 1942 года. На первом процессе по делу участников этой организации, проходившем 15—19 декабря 1942 года в Имперском военном суде, был приговорен к смертной казни. При утверждении приговора Гитлер и начальник штаба верховного главнокомандования вермахта Кейтель лично распорядились предать Арвида Харнака и других руководителей организации смертной казни через повешение. Милдред была гильотинирована. Арвид Харнак посмертно награжден орденом Красного Знамени, Милдред Харнак — орденом Отечественной войны I степени.

Хочу высокий дом построить

Николай **НИКИШИН**

ГНЕЗДО ЛАСТОЧКИ

Просыпаюсь я рано
От шороха,
щебета,
свиста!
Сквозь окно слуховое
В мельчайшей лазурной пыли
Разливается мир
И просторно,
и бурно,
и чисто —
И качается дом,
Словно лодка на тихой мели.
И скрипят,
и звенят,
И поют золотые стропила.
А под самым коньком
Чернокрылая птица моя
Из травинок и глины
Недавно гнездо смастерила,
Чтобы не было летом
Без песен людского жилья!
Ведь отсюда идем
На делянку,
на ток
и на вспашку.
Орошает нас пот
И в жару
и в суровый мороз...
Ты, июнь молодой,
Распахни голубую рубашку,
Закатай рукава
И шагай широко на покос!
Ты сегодня хозяин.
А ласточку кормит работа,
И гнездо ее — дом,
И с моим оно домом одно...
Потому что отсюда
Мы крылья берем для полета.
Потому что всегда
Нам домой прилетать суждено.

* * *

Я хочу высокий дом построить
Возле речки смирной
и глубокой,
Чтобы он в лихое половодье
Среди ночи окнами горел.
Пусть все время будут наготове
Лодка деревянная и весла,
На корме фонарь неугасимый,
Хлеб и соль в отсеке носовом.
Я хочу высокий дом построить
Возле речки смирной и глубокой,
Где крутые берега и склоны
Заросли травой и тишиной.
Где на дне, изрытом родниками,
Шевелятся черные коряги
И гуляют важно и сердито
Сумрачные круглые лини.
Я хочу высокий дом построить
С круглыми еловыми венцами,
Старыми картинами на стенах,
Книгами на струганых столах.
Он меня согреет в непогоду
В русской печке красными углями
И друзьями шумными утешит,
Тихим одиночеством спасет.
Я хочу высокий дом построить,
Потому что слишком знаю цену
И моим скитаниям по свету
И чужим безрадостным углам.

* * *

Высокий мост.
Неторопливо бродят
Речные струи
В кущах ивняка.
По крышу в травах,
Поезда проходят.
А выше трав
Проходят облака.
И каждым утром
На лесном разъезде
Вхожу я в тамбур,
Полный тесноты.
И поезд мой
Как бы стоит на месте,
Но мчатся травы,
Насыпи,
Кусты.
И птицы
Тени быстрые роняют:
На землю — вниз
И вверх — на облака...
Так мчится мир,
Опутанный корнями,
Незримыми
И крепкими пока.
Так мчится мир
И счастья
И страданья,
В себе храня
И жар
И холода,
И ждут его
Вокзалы мирозданья,
А рельсы
Убегают в никуда...

* * *

Превосходно выспался
в деревенском доме,
Под лоскутным одеялом
на ржаной соломе.
Надо мной расщебетались
ласточкины гнезда.
Пусть не рано я проснулся,
но зато не поздно.
Я проснулся, как в далекой
юности когда-то.
Рядом жесткая солома
не случайно смята:
Потому что целый вечер
с первой звездной стайки
Я носил дрова и воду
молодой хозяйке.

* * *

Бреду я с ружьем по осокам,
Вот низенький мост над ручьем...
Тот мост мне казался высоким,
Глубокой — вода под мостом...
Здесь путь проходил до вокзала,
На вырубку и на покос.
Ветрами настил расшатало
И сотнями тысяч колес.
И, свесившись через перила,
Следил я за быстрой струей.
А птица, что в небе парила,
Так зорко следила за мной.
Мне светлая грезилась тайна
В осмысленном взоре ее...
Из будущего случайно
Забрел я в былое свое.
По-птичьи внимательным оком
Смотрю я на мост над ручьем...
Тот мост мне казался высоким,
Глубокой — вода под мостом...

* * *

Земля — это колокол жизни.
Звени же, родная, звени!
Дождями весенними брызни,
Чтоб теплыми были они.
Чтоб утром у нашей калитки
Проснулась береза моя.
И я, пусть промокший до нитки,
Вернулся б в родные края!..

* * *

В соснах луна...
Звук равномерный
Капель с ветвей
В домик фанерный.

Капля за каплей о крышу
дробится —
Кто-то, мне чудится, тихо стучится.

Маленький домик,
Лесное житье...
Стук незнакомый —
Сердце мое!

* * *

Итак, живу я
в Павловском Посаде...
Есть дом и сад.
И изгородь при саде.
Седой,
как листьев тополя изнанка,
В саду старик.
У дерева стремянка.
Поодаль
на невыделанной грядке
Лопаты, грабли, вилы
в беспорядке.
Старик в рубашке стираной
нательной.
И дым валит
из баньки самодельной.
В бачке железном,
в чугуне угрюмом
Уже вода бормочет с темным
шумом.
Побитый ковшик
местного изделья
На гвоздике
трепещет от веселья,
Предчувствуя
прыжки свои шальные
То в кипяток,
то в струи ледяные...
Я закрываю двери на запоры,
И в душу жар
втекает через поры.
Ах, зверский жар —
бросаться впору в окна,
Лететь стремглав туда,
где плещет Вохна!
И на песке речном ползучем
смело
Полировать свое литое тело
И сознавать
в беспамятстве счастливом,
Что жизнь — песок,
но с золотым отливом!

В гастроли

В июльские дни москвичи принимали у себя хорошо знакомый им коллектив оперы и балета Белорусской ССР. Нынешние гастроли завершают знаменательный сезон в жизни этого театра: в 1983 году был отмечен его 50-летний юбилей.

Шестой раз выступал театр в Москве. И привез, как всегда, обширную и разнообразную программу.

— В работе нашего театра можно выявить его основные линии,— говорит главный дирижер театра А. Анисимов.— Прежде всего это, конечно, русская и зарубежная классика. Мы привезли в Москву спектакли «Иван Сусанин» Глинки, «Щелкунчик» Чайковского, «Дон Карлос» Верди... Большое место занимают спектакли национального репертуара: оперы «Тропою жизни» Г. Вагнера, «Новая земля» Ю. Семеняко, балеты «Курган» и «Тиль Уленшпигель» Е. Глебова.

Особой линией, — продолжает главный дирижер,— я бы назвал поиски театра в области малознакомых слушателю спектаклей. Такова «Кармина Бурана» — вокально-хореографическое представление. Это первая в Советском Союзе попытка воплотить в образах прославленную сценическую кантату Карла Орфа, знакомую ранее в нашей стране лишь в концертном исполнении. К числу таких спектаклей можно отнести и оперу Оффенбаха «Сказки Гофмана».

Московские гастроли были также приурочены к памятной для всей Белоруссии дате — сорокалетию освобождения республики от фашистских захватчиков. Поэтому в гастрольной афише можно проследить еще одно важное направление. Это спектакли, раскрывающие тему патриотизма, тему борьбы за свободу и независимость: «Иван Сусанин», «Спартак», «Тропою жизни» и, наконец, «Тиль Уленшпигель».

Публика убедилась, что «Иван Сусанин» — безусловно, удачная работа театра. Теплотой и искренностью дышит постановка. Раскрывая красоту и поэтичность музыки Глинки, театр по-своему трактует хорошо знакомую слушателям оперу. Интересен могучий образ Сусанина, исполненный Я. Петровым. Патриотизм, гражданское чувство соседствуют в образе с переживаниями любящего отца, мечтающего о

«Щелкунчик».

счастье своих детей, о благополучии семьи... Тронула сердце О. Тишина в роли Вани. С большим вниманием, крупно и сильно выписана жизнь народа, картины русской старины. Такова, например, подготовка к свадьбе в доме Сусанина; свадебные хоры звучат отлично! Покоряет сцена пышностью костюмов, великолепны декорации.

Опера белорусского композитора Г. Вагнера «Тропою жизни» возвращает нас к событиям Великой Отечественной войны.

— Не могу равнодушно, без огромного волнения читать произведения известного писателя Василя Быкова, особенно его повесть «Волчья стая»,— говорит мне композитор Вагнер.— Я тоже пережил тяжко годы войны. Погибли мои родители. Много раз и я должен был погибнуть; чудом остался жив. И сейчас, через многие годы, все еще болит душа, терзает память о пережитом... Отсюда и возникла тема **тропы жизни...**

— Переплетение судеб героев в довоенное время, а потом и в дни войны, наконец, события сегодняшние — все это позволило нам создать мир сложных душевных переживаний, хотя все это необычно для оперной сцены, а значит, трудно,— продолжает постановщик спектакля режиссер С. Штейн.— Кажется, сколько лет прошло, как отгремела война. Многие годы над страной мирное небо. Но память народа, память художника позволяет театру перенести главного героя, партизана Левчука, как бы в сегодняшний день...

Создание оперного спектакля по прозе Быкова — дело в значительной степени экспериментальное. Опера «Тропою жизни» не является буквальным пересказом повести. Да к этому никогда и не надо стремиться: у оперы свой жанр, свои законы и традиции.

Нашей задачей было сохранить самую суть повести Быкова. Передать пафос, красоту и величие человеческого духа, выразить тему бессмертия человека-героя...

Опера «Тропою жизни» — это действительно сложная и интересная работа театра. Она требует от исполнителей не только новых средств выразительности. Требует и большого драматического таланта. А. Савченко, исполнителю роли партизана Левчука, в полной мере удалось совместить эти главные качества оперного певца.

Теперь о «Сказках Гофмана».

Публика — москвичи и гости Москвы — умоляла о «лишнем билетике» уже на подступах к Большому театру. Этот постановочно яркий спектакль, интересно оформленный, выразительно сыгранный и спетый, все же показался не столько принадлежащим Гофману, сколько автору либретто, пересказавшему чудесную, необычную старину... Надо ли было делать это?.. Трудно ответить исчерпывающе на такой вопрос. Но думается, что классику всегда лучше все же оставлять в первоначальном ее звучании...

Хорошо, что театр привлекает к работе творческую молодежь,— его «музыкальную погоду» определяет именно атмосфера поиска.

У театра большие планы. В том числе постановка «Евгения Онегина» и создание новых национальных спектаклей.

Елена **ПУХОВА**

ПОИСКЕ

Материалы, посвященные жизни и творчеству М. А. Шолохова.

Выступает педагог Н. А. Никифорова.

ИМЕНИ М. А. ШОЛОХОВА

Совет Министров РСФСР принял на днях постановление об увековечении памяти дважды Героя Социалистического Труда, выдающегося писателя и общественного деятеля Михаила Александровича Шолохова.

Решено создать в Шолоховском районе Ростовской области Государственный музей-заповедник М. А. Шолохова, в который будут включены дом и усадьба писателя в станице Вешенской, дома, связанные с его жизнью на донской земле.

Имя замечательного художника слова присвоено библиотекам в Москве, Ленинграде, Ростове-на-Дону, а также строящемуся пассажирскому судну.

В Москве состоялось торжественное собрание, посвященное присвоению имени М. А. Шолохова библиотеке № 109 Куйбышевского района. К торжественному событию приурочена выставка книг Михаила Шолохова, фотографий и других материалов, рассказывающих о его жизни и творчестве.

Выступившие на встрече писатели, общественные деятели и читатели библиотеки говорили о высокой роли книг классика советской литературы в отечественной и мировой культуре.

А. ЕФИМОВ

Антонина КОПТЯЕВА

РАССКАЗЫ

Наши соседи

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА

УЛЕТАЙ, ПЕТЯ!

Эту красивую птичку с ярко-желтыми полосками на черных крылышках и красной головкой с белыми щечками нам подарили в первый год жизни на даче. Мы назвали щегла Петей, потому что он, став общим любимцем, много и отлично пел. Веселого нрава, очень деятельный, он любил общество и каждого из нас встречал радостной песенкой. Перелетал по клетке, перебирал клювом прутья решетки, не то пробуя их крепость, не то пытаясь извлечь какие-то звуки. Я нарочно подавала ему тонкие сухие прутики, и он охотно подтаскивал их к себе. Иногда мы выпускали его, и он, полетав по комнате, возвращался в клетку. Так прошла осень. И всю зиму наш певун развлекал всех своими звучными песенками, скрашивая самые мрачные короткие дни, когда от его мелодичных трелей как будто рассеивался серый сумрак пасмурной непогоды.

А когда наступила солнечная теплая весна и свежий воздух лился потоками в открытые окна и двери вместе с пением птиц, щебечущих на все лады в ожившем лесу, Петя вдруг погрустнел. Стал меньше петь, часто сидел, нахохлясь, в уголке клетки. А тут еще стали подлетать стайки щеглов. Заслышав знакомые голоса, наш щегол начинал волноваться, бегал по жердочкам и даже дергал, пробовал распутать тоненькую мягкую проволочку на своей дверке.

Мы выносили клетку на веранду, подвешивали на деревьях в саду, так, чтобы не достали кошки. Щегол чудно пел, но дикие собратья не подлетали к нему, и все реже слышались их песни. Наступала пора выводить птенцов, и птицы торопились к местам гнездовий.

— Давайте отпустим Петю, пусть он тоже найдет себе подружку.

Не раздумывая долго, я в ослепительно солнечный день выпустила щегла на волю. Из клетки он вылетел немедля, весело взвился кверху и... опустился на голый сучок сосны напротив гаража.

— Улетай, Петя! Не надо так сидеть здесь! — кричали мы ему, но он продолжал неподвижно оставаться на этом сучке, и ни одного щегленка вокруг уже не было.

Выходит, он отвык от воли и растерялся перед необъятностью мира, открытого перед ним.

Мы поминутно выскакивали из

КУНИЦА

Сильно лаяли ночью собаки в лесу у бассейна. Этот железобетонный бассейн с покатым дном, глубиной до двух метров и около двадцати квадратных метров площадью, не годился для купания: он находился в тени, и вода в нем в любую жару была холоднющая. Мы наливали ее шлангом, когда дачники еще не приезжали, и она стояла до осени, не зацветая. Было хорошо после работы в саду лечь грудью на его широкую стенку, выступающую из земли почти на метр, размахнуть плавающие сосновые иголки и просто поболтать руками, побрызгаться до плеч в ледяной прозрачной воде. Испарялась она медленно и, как водяной НЗ, хранилась до заморозков, пока мы не выкачивали ее на осенний полив сада.

Сделан он давно, но давал утечку, пока лет двадцать назад я не позвала знатного в нашей округе мастера Оленичева. Он положил снизу «подушку» из камня и кирпичного щебня с цементом: устроил в стенках каркас из железных прутьев, оклеил этот огромный ящик рубероидом, просмоленным варом, и оштукатурил так, что до сих пор ремонт не требуется.

Собакам бассейн тоже нравился, пить из него они не решались, но, поднявшись по ступеням на эту крепостную стену, любили обходить по ней кругом, озирая свои владения. Кого же они облаивали возле него зимней ночью?

— Там куница! — сообщила Ульяна.— Я ей бросила два бублика. Может, поест.

Еще того не хватало! На заснеженном дне бассейна сидел, свернувшись в пушистый клубок, красивый зверь с кошку величиной, в великолепной коричневой шубке, со светлым пятном на горле. Бубликов уже не было, но в кучке сухих дубовых листьев я сразу разглядела убитую белку с отъеденным стегнышком.

— Она съела твои бублики только для доказательства, что могла бы и не разбойничать, если бы получала сухой паек,— сказала я Ульяне.— Как смирненько она сидит, как кротко смотрит! А за хвост-то ее собаки успели рвануть!

Да, с одной стороны шкурка с короткого пышного хвоста была сдернута, и зверек держал его на отлете, не поджимая кровоточащую полоску.

— Ах, вы, разбойники! Ты белку задавила, тебя собаки в ловушку загнали и ранили.

Куница слушала. Хорошенькая мордочка ее с круглыми маленькими ушами выражала грусть и покорность судьбе.

— Я помогу ей выбраться. Интересно, как она отнесется к этому. Пусть убежит — еще раз прийти к нам побоится.

— Так они у нас жили на участке — не боялись...

— Другие собаки были. Эти для нее пострашнее.

— Воротник-то какой!

Да, шелковистый густой мех куницы так и отливал искрами, но если бы она была на воле... Не убивать же ее, когда она попала в такое тяжелое положение!

— Обойдемся без воротника.

Я взяла длинную тонкую жердь и опустила ее на дно бассейна, а другой конец положила возле себя на его стену. Куница внимательно наблюдала за моими действиями, даже не попытавшись отскочить в сторону.

— Ну иди! — сказала я.

Она посмотрела на меня, потом на устроенный для нее мостик, на Улю, стоявшую с другой стороны,— надо было решиться на рискованный шаг, иначе безвыходность в полном смысле слова: так высоко не подпрыгнешь, вскараб-

дома, занимались садовой работой, чтобы щеглу не было так одиноко. Я вынесла клетку и, открыв ее, поставила на будку, где стояли газовые баллоны, в надежде, что щегол влетит в нее, как это бывало в комнате. Нет, крошечный живой комочек все так же молчаливо прижимался в вышине к голому сучку сосны, забыв обо всем.

Уже вечер наступал, а птичка, как оглушенная, все сидела на месте.

— Улетай, Петя! — чуть не со слезами кричали мы, а он даже не шевелился, не понимая опасности, нависшей над ним.

Я выходила и ночью... Где-то близко ухал филин, шарахались над площадкой двора совы. Петя! Даже на темном ночном небе можно было разглядеть черный силуэт крошечной беззащитной птички на торчащем в пустоте сучке. И когда рассветало и все в лесу пело, радуясь теплу и весне, наш певун, молча и так же неподвижно, сидел на месте. Может быть, эта неподвижность спасала его до времени от смертельных врагов. А среди дня на вторые сутки он исчез. Наверное, его убил кобчик. Мы даже не подумали, что наш Петя не умеет жить на воле.

каться на гладкую стену невозможно.

И куница решилась. Она подошла, поднялась на дыбки, показав нам свое сероватое брюшко, примерилась глазом и прыгнула на жердь, перевесившись, словно девка через прясло. Быстренько справилась и пошла ко мне, бесстрашно блестя глазками. Выйдя на стену, она не бросилась сразу наутек, хотя рука моя лежала рядом с нею на конце жерди. Нет, она снова посмотрела на меня понимающим, доверчивым взглядом — еще бы: не кричали, не бросались, а угостили бубликами, помогли выбраться. Мало того: она поднялась возле человека на дыбочки, забавно свесив на пузко лапы, и оглядела лес и поляну сада: нет ли близко собак?

А потом спрыгнула вниз и понеслась в сторону дикого леса. Лапкой нам она не помахала.

Зато и ругали нас все:

— Упустили такой дорогой воротник!

— Но ведь она живая была!

— Теперь она сожрет всех ваших птиц.

— Они ее не подпустят, кобчик для них опаснее.

— Всех белок переведет.

— Живут же они в лесу. Пусть бегает. Зато как интересно она себя вела. Ну точно девка, перевесилась через жердь и так славно на дыбочки вставала и как смотрела! Она умная — больше не придет.

И однако, она приходила, оставляя следки на снегу. А летом устроила на участке нору и принесла детенышей. Об этом опять доложили собаки. Они разрыли где-то под сараем ее гнездо и притащили к дому маленькую задушенную куничку. А мама, выпущенная зимой пленница, опять успела убежать. И, конечно, не одна! Видно, очень хотелось ей подружиться с нами и еще поесть бубликов.

ТРЯСОГУЗКИ И КОБЧИКИ

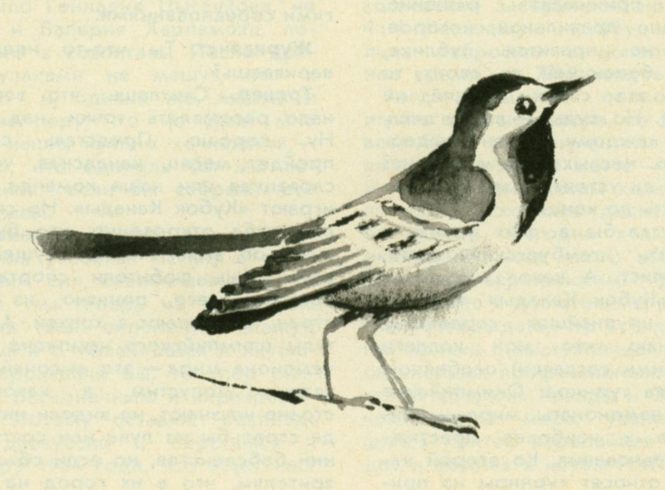
Они такие же давние обитатели дачи, как мы. Только отстроили гараж, они тут же поселились под его шиферной крышей. Сначала одна парочка. Потом две и три. В первых числах апреля — еще не везде сойдет снег, а они, стройные, беленькие, уже бегают по коньку крыши, звонко перекликаются, кланяясь и потряхивая длинными черными хвостиками, похожие на своих длинных ножках, в черных шапочках, с яркими бусинками глаз на голенастых девчонок-подростков.

Трясогузки — это весенняя радость и тревога. Так хорошо смотреть на них, когда они снуют по огородным грядкам, собирают мелкую живность, заглядывают под каждый кустик, все время подергивая хвостиком. Метко окрестил их народ, но это не выглядит легкомысленным кокетством, а скорее нужно для равновесия при быстром плавном беге. Попробуйте вот так целый день, легко разворачиваясь, шить взад и вперед по земле, успевая подметить, где сидит зазевавшаяся муха или ползет крохотный червячишка. Склюнуть и, держа во рту,— дальше. А уж когда наберешь побольше — в гнездо. Так до трехсот раз. Это во время вскармливания птенцов — беготня от зари до зари. Хорошо и на лету ухватить что-нибудь подходящее. Но прежде этих милых хлопот надо привести в порядок гнездо, выстроенное из мягкой травяной ветоши и выстланное в лоточке собачьей шерстью. Тоже труд немалый. И все время опасайся, поглядывай... Как грустно и печально звучит крик осиротевшей птички! Тогда ее скромный черно-белый наряд кажется траурным. Трудно уберечься, когда вся твоя жизнь на виду, а разбойник, кроясь в гуще ветвей, озирает с высоты все твое жизненное пространство. Спасение только под кровлей. Но и тут старайся поселиться подальше от входной лазейки.

Чего это сорока лежит, как дохлая, на карнизе гаражного фронтона? Где у нее голова? Сейчас же проверить! Втиснувшись в дырку по плечи, хитрая хищница из кожи вон лезет, чтобы дотянуться до чужих птенцов. Хлестнула ее длинным прутом, и, вздыбив перья на шее — могла бы и голову себе оторвать! — толстуха шарахается в сторону и мчится прочь.

— Я тебя, паршивка!

А трясогузочка радуется-щебечет, порхая вокруг, вся трепетная в своем ныряющем полете — летает она не по прямой, а как дятел — небольшими зигзагами вниз-вверх, вниз-вверх этакими грациозными пируэтами.

С кобчиками не так просто.

Этот красавец в голубовато-сизом фраке, с огненными глазами в оранжевых веках и маленьким стальным крючком клюва падает сверху, как молния. Так же лихо действует его подруга в рыже-белом пестреньком, вроде курочка ряба, оперении. Посадка у обоих прямая, с вороной не спутаешь. Если сидит на макушке могучей ели, то издалека приметен — словно свечка. Но, охотясь, прячется в гуще ветвей. Спастись трудно. Однажды бросился над самым плечом шофера и унес трясогузочку у него на глазах. Парень рукой взмахнуть не успел.

Но все равно весной прилетают эти хлопотливые птички. Сидит на коньке гаража и кличет подружку, и все начинается сначала. Выкормив птенцов, улетают в поле, к реке, а осенью, перед отлетом, обязательно прилетают — проститься и снова терпят урон и просто режут сердце печальным криком-плачем. Немного их остается, но весной опять бежит по крыше гаража смелая птичка, крепко привязанная к месту гнездовья. И опять это и радость и тревога.

В самый разгар летнего сезона стартует хоккей. Очередной зимний сезон начинается борьбой за два престижных Кубка. Лучшие европейские клубы будут оспаривать в Италии Кубок Европы, а в Канаде 2 сентября начнется турнир за «Кубок Канады», в котором выступают сборные СССР, Чехословакии, США, Швеции, ФРГ и Канады. Регламент состязания таков: после кругового турнира будут проведены два полуфинальных матча, а затем победитель будет определен после трех финальных встреч. Завершится новый сезон чемпионатом мира, который состоится с 17 апреля по 3 мая в Праге.

«Огонек» начинает новый хоккейный сезон с публикации раздумий главного тренера команды ЦСКА и сборной страны В. Тихонова, которыми он делится с журналистом О. Спасским.

НЕРВ ИГРЫ

Виктор ТИХОНОВ, заслуженный тренер СССР, Олег СПАССКИЙ, ответственный редактор журнала «Спорт в СССР»

ОТ АВТОРОВ. Один из нас живет в спорте, в хоккее несколько десятилетий, второй — многие годы пишет о популярнейшей игре. Мы знаем друг друга давно, встречаемся часто, не только на матчах, и говорим, думаем, спорим, а порой и пишем вместе о том, что волнует нас, с неизменным интересом, как будто лишь вчера или неделю назад начался этот разговор о хоккее.

События последнего времени дают новую пищу для размышлений и дискуссий, ситуация, складывающаяся в хоккее, нелегка для оценки, победы сборной страны в крупнейших международных соревнованиях радуют, но вместе с тем и напоминают о тех испытаниях и трудностях, что ждут наш хоккей в самом ближайшем будущем. Тревоги и разочарования породил и минувший чемпионат страны: несомненным достижениям ЦСКА сопутствовали столь же несомненные неудачи традиционных соперников армейцев, и это огорчало болельщиков, особенно московских, утрачивающих интерес к матчам в Лужниках.

Когда завершился олимпийский сезон, счастливый для нас, когда хоккей ушел на каникулы, мы снова и снова говорили о завтрашнем дне игры, о предстоящих вскоре турнирах, которыми для сборной Советского Союза начинается новый олимпийский цикл. Вспоминали мы и дни недавние, пытаясь определить те выводы, на которые наталкивают матчи, сыгранные в Сараево, на «Кубке Швеции», в чемпионате страны.

Так родился этот диалог о хоккее.

I. «КУБОК КАНАДЫ»

Журналист. Сейчас, летом, когда хоккеисты только возобновляют знакомство со льдом и друг с другом, мало кто вспоминает итоги прошлого сезона. Больше говорят о другом — о переходах игроков из команды в команду (а они, эти переходы, случаются теперь значительно реже, чем прежде), о надеждах на завтра, о «Кубке Канады», который будет разыгран в первой половине сентября.

Кстати, об этом турнире. Недавно услышал неожиданную его оценку — турнир назвали своеобразным «гамбургским счетом» хоккеистов. В стародавние времена, в начале века, борцы, выступавшие в цирках чаще всего под красочными и звучными псевдонимами («Черная маска», например, или «Непобедимый Исполин») и охотно провозглашавшие друг друга чемпионами мира, собирались в Гамбурге, чтобы в честных и открытых схватках определить, «кто есть кто». Так вот, и матчи хоккеистов в рамках «Кубка Канады» некоторые любители игры называют «гамбургским счетом». Здесь выступают все сильнейшие хоккеисты независимо от того, любители они или профессионалы, здесь в составах сборных не только Канады и США, но и Швеции и Финляндии играют самые сильные мастера из североамериканских клубов Национальной хоккейной лиги (НХЛ), и оттого, мол, только этот турнир и дает реальную картину мирового хоккея, истинную расстановку сил, складывающуюся в то или иное время. Ты согласен с такой оценкой «Кубка Канады»?..

Тренер. Ни в коем случае... «Гамбургский счет», насколько мы можем сегодня догадываться, предполагал равные условия для всех борцов, не правда ли?.. Но можно ли говорить о равенстве условий в борьбе за «Кубок Канады»? Чужое поле — понятие в спорте довольно реальное. И вполне конкретное.

Начну с самого поля, с хоккейной площадки. В Канаде и США, где разыгрывается «Кубок Канады». Размеры площади отличаются от тех, к которым привыкли хоккеисты европейских стран. Стандартная длина поля у нас — 61 метр. В Москве и Праге, Стокгольме и Хельсинки. А в Монреале и Нью-Йорке, Эдмонтоне и Филадельфии — 56 метров. Соответственно отличается и ширина поля. Казалось бы, всего пять метров, но игра меняется. Меняется ее рисунок, тактика — в ы н у ж д е н н о — становится иной. Площадка теснее, значит, меньше места для скоростного маневра, меньше простора для коллективных действий, чаще столкновения, сшибки игроков, больше — в ы н у ж д е н н о й — силовой борьбы. Чаще броски, отскоки тоже чаще, нападающие ближе к шайбе и к воротам.

Журналист. Зрительно, внешне хоккей от этого в какой-то мере выигрывает?

Тренер. Выигрывает, поскольку возрастает количество бросков, столкновений хоккеистов. Но выигрывает ли с о д е р ж а н и е игры, становится ли она более творческой, о с м ы с л е н н о й? Едва ли. Если ты и не согласен в этом со мной, то одно все же бесспорно: европейские сборные должны — в ы н у ж д е н н о — играть в другой хоккей, не в тот, к которому игроки привыкли. Вот хотя бы одно обстоятельство. Судейство. Семнадцать тысяч зрителей ревут, не умолкая ни на минуту. Команда не слышит моих слов. И если судья матча принимает решение, безусловно правильное, которое, однако, не нравится публике, яростно болеющей за своих, то публика эта своих эмоций не скрывает. Но судьи — всего лишь люди, и каждому ли дано выдержать это неслыханное давление? Каждый ли устоит, сохраняя объективность до конца?

Я не стал бы в этих условиях вспоминать «гамбургский счет».

Журналист. А какое место занимает «Кубок Канады» в ряду других крупнейших соревнований? Знаю, что мои коллеги (и я с ними согласен) особняком ставят два турнира: Олимпийские игры и чемпионаты мира — официальные и наиболее престижные соревнования. Ко второй категории относят турниры на призы, учрежденные редакциями газет — московскими «Известиями» и пражской «Руде право». Конечно, их состав не всегда одинаков, но, в общем, традиционен. В третий круг международных состязаний зачисляют такие турниры, как Кубок европейских чемпионов или «Кубок Швеции». Думаю, однако, что «Кубок Швеции», хотя он и проводится раз в четыре года, а не каждую зиму или осень, как соревнования на призы «Известий» или «Руде право», надо все-таки повысить в ранге. Но общественное мнение — явление трудноуправляемое, и надо время, чтобы зрители стали проявлять к «Кубку Швеции» такой же интерес, как к матчам национальных сборных в Москве или Праге и Братиславе. А к какому кругу можно причислить «Кубок Канады»? Насколько важен и интересен для нашей сборной этот турнир?

Тренер. Несомненно, интересен. На эти матчи съезжаются все сильнейшие хоккеисты. Что же касается сравнительной ценности «Кубка Канады», то для меня вопрос решен давно. Необыкновенно интересный турнир, увлекательнейший. Выиграть его, может быть, даже труднее, чем Олимпийские игры или чемпионат мира. И все же, все же... Официальные турниры престижнее, несомненно. Их общественное, социальное, спортивное звучание несоизмеримо ни с какими другими соревнованиями.

Журналист. Ты что-то недоговариваешь?

Тренер. Считаешь, что всегда надо расставлять точки над «i»? Ну, хорошо. Представь себе, пройдет месяц, канадская, чехословацкая или наша команда выиграют «Кубок Канады». Но спросим себя откровенно, кто будет знать об этом? По преимуществу одни лишь любители спорта, и прежде всего, понятно, из тех стран, где играют в хоккей. А титулы олимпийского чемпиона или чемпиона мира — это высочайшие звания. Допустим, в какой-то стране не знают, не видели никогда стрельбы из лука или состязаний бобслеистов, но если объявят зрителям, что в их город на соревнования приезжает чемпион мира в этом виде спорта, то они поймут и без детальных разъяснений, что это спортсмен экстра-класса, действительно сильнейший. Вот почему, ничуть не преуменьшая значения «Кубка Канады», не скрывая, а, напротив, подчеркивая интерес к нему, считаю все-таки, что это одна из форм экзамена для нашей команды, один из этапов подготовки к крупнейшим официальным соревнованиям — к чемпионату мира или к Олимпийским играм.

Журналист. Не уничижительна ли такая оценка для подобного турнира?

Тренер. Знаю, что твои американские и канадские коллеги обижались, даже сердились на меня, когда я напоминал о своей точке зрения на эти вещи. Помню историю, приключившуюся во время розыгрыша «Кубка Вызова». Тогда, в феврале 1979 года, мы соперничали в Нью-Йорке со сборной всех «звезд» НХЛ. По взаимной договоренности в состав хозяев льда включены были даже шведы, выступающие в разных клубах НХЛ. Мы против этого не возражали — хотели помериться силами действительно со всеми сильнейшими мастерами профессионального хоккея. Встречались в разгар сезона, когда североамериканские игроки приобретают оптимально высокую спортивную форму, играли на их поле, непривычном для нас. В первой встрече мы уступили, и когда я сказал на пресс-конференции, что матч для нас полезен, интересен, однако, как бы ни были интересны и важны эти матчи, они все равно представляют для сборной СССР один из контрольных смотров перед чемпионатом мира, журналисты с иронией восприняли эти рассуждения, усматривая, видимо, в моих оценках форму самооправдания, попытку объяснить неудачу, если не оправдать ее. Во втором же матче верх взяла сборная СССР, и репортеры, иронизируя или стараясь поймать меня на слове, снова спросили, насколько высоко оцениваю я матчи «Кубка Вызова», не готов ли приравнять их к чемпионату мира. И снова я повторил свой ответ. Потом состоялся третий, ре-

шающий матч, выиграли мы более чем убедительно — 6:0, и на заключительной пресс-конференции меня уже не спрашивали о сравнительной ценности двух турниров.

Журналист. Согласен с такой оценкой турниров, проводимых в Северной Америке. А почему, собственно, для канадцев не могут стать «гамбургским счетом» чемпионаты мира? Раньше для хоккеистов Канады и США существовали ограничения — профессионалов на чемпионаты не допускали, но теперь иная ситуация. Теперь никаких исключений нет. Более того, руководство Международной лиги хоккея на льду, идя навстречу хоккеистам клубов НХЛ, перенесло сроки проведения чемпионатов мира с начала или середины марта на вторую половину апреля и даже на май. И канадцы и американцы воспользовались возможностью и стали включать в свои команды профессионалов. Соперниками хоккеистов сборной СССР были в разные годы самые знаменитые игроки от Фила Эспозито до Марселя Дионна и Уэйна Гретцки. И все-таки отношение канадцев к мировым первенствам остается, в общем, неизменным, во всяком случае, не таким, каким хотелось бы его видеть. Почему бы им, в самом деле, не направить в Прагу или Стокгольм, в Москву или Дортмунд всех сильнейших своих игроков, почему бы не пригласить чемпионат мира к себе? Оправдания и объяснения не кажутся мне убедительными.

Тренер. Говорят, нельзя перенести матчи финала «Кубка Стенли».

Журналист. А отчего бы заранее не запланировать их на другие сроки? Ты вспоминал «Кубок Вызова», но ведь тогда нашли они время для этой серии встреч, тогда сумели спланировать свои соревнования так, чтобы была возможность во всеоружии встретить гостей из-за океана, дабы поставить их «на место». Я оптимист. Не сомневаюсь, что в конце концов руководители НХЛ пересмотрят свое отношение к чемпионатам мира и будут направлять на них лучших своих игроков, так организуют финал «Кубка Стенли», чтобы он не мешал чемпионату мира. Кстати, этому решению весьма помогла бы победа нашей или чехословацкой команды в сентябре 1984 года в «Кубке Канады».

Тренер. Этот Кубок выиграть очень трудно.

Журналист. Но возможно. Ведь счет равный. В 1976 году выиграли хозяева. В 1981-м — мы.

Тренер. Счет называешь правильный. Формально правильный. А вот по существу так считать нельзя. На первый турнир (а тогда еще никто, в том числе и его устроители, не знал, что станет он традиционным) наш хоккей делегировал не первую сборную, но команду, которую потом стали называть «экспериментальной». Ее подготовкой к турниру, а потом и матчами руководил не старший тренер национальной команды, а я, «человек со стороны», и в наших рядах не было ведущих, сильнейших хоккеистов — Бориса Михайлова и Владимира Петрова, Александра Якушева и Владимира Шадрина, не было Геннадия Цыганкова, не было и Валерия Харламова, попавшего в госпиталь. После драки кулаками не машут, это я помню и, однако же, жалею и по сию пору, что не дали мне тогда наших лучших хоккеистов,— думаю, что одолели бы мы соперников, если бы собрали все свои силы.

Журналист. Теперь все предположения условны. Истину о соотношении сил, сложившемся в то время, мы теперь не установим. И если твои оппоненты скажут, что мы и с Михайловым и Якушевым проиграли бы, то спор окажется бесконечным и неразрешимым. Потому оставим бесплодные дискуссии и обратимся к турниру 1984 года. Что ждет нас? Так получилось, что спустя восемь месяцев после работы с экспериментальной сборной тебя назначили старшим тренером первой команды, и с тех пор ты, как говорят, «у пульта». Стало быть, все, что связано с игрой, ее эволюцией в последние годы, тебе положено знать по должности.

Чем будет отличаться турнир нынешний от первого, как будет отличаться игра шести ведущих сборных?.. Только не отделывайся общими фразами, расхожими истинами насчет того, что скорости хоккея возросли необычайно, и тому подобными банальностями, которыми ограничиваются порой твои коллеги, беседуя с журналистами.

Тренер. Ну, что же, давай определим отличия двух турниров.

В 1976 году европейский хоккей, хотя и принимался уже всерьез, но все-таки по-прежнему недооценивался канадцами. Наша команда приехала не в лучшем своем составе и потому осталась на третьем месте. Однако хоккеисты Чехословакии заставили канадцев задуматься о правомерности своих утверждений о том, что равных им и близко нет. Второй финальный поединок сборных Канады и Чехословакии завершился вничью — 4:4. Решающую шайбу хозяева льда забросили в дополнительное время, на 72-й минуте.

Тогда команды попробовали играть в четыре звена, но это для всех было экспериментом. Сегодня такое ведение матча — норма. В те годы две школы хоккея были еще бесконечно далеки одна от другой. Сегодня хоккей заокеанский имеет много общего с хоккеем европейским. Думаю, уже можно с достаточным основанием утверждать, что в силу многих причин (выступление многих сильнейших профессионалов в составах сборных Канады и США на чемпионатах мира, увеличивающийся приток европейцев — шведов и финнов в клубы НХЛ) североамериканский хоккей сделал несколько решительных шагов в направлении сближения с хоккеем европейским. Более того, можно утверждать, что постоянные контакты не только ведут, но и привели уже к рождению нового хоккея, несущего на себе приметы игры, характерные для двух школ. Недалеко уже, полагаю, то время, когда соперничество канадских и советских хоккеистов будет заключаться не в сопоставлении достоинств двух систем игры, а в искусстве хоккейной игры как таковой...

Журналист. Прошу прощения, что перебиваю, но не могу не задать немедленно один вопрос. Если учесть кардинальное изменение характера и природы хоккея, хотелось бы знать, не отстают ли от нового поколения такие хоккеисты, как Виктор Жлуктов или Владимир Ковин, игравшие еще на «Кубке Канады» в составе экспериментальной команды? А как относиться к Сергею Капустину, сверстнику Жлуктова, или к чуть более молодому, но уже достаточно поигравшему Николаю Дроздецкому? Они соответствуют требованиям нового хоккея или уже отстали от него? И сколько смогут они еще продержаться наверху в этой меняющейся игре? И почему тот же Капустин не попал в команду, отправлявшуюся на «Кубок Швеции»?

Тренер. Слишком разные имена тут названы, слишком разные проблемы связаны с каждым из них, чтобы ответить лаконично...

Вместе с характером игры меняется и характер хоккеистов. Одному легче осваивать новый хоккей, другому — сложнее. Особенно если хоккеисту уже под тридцать и заставлять себя начинать все заново труднее. Первыми ты назвал Жлуктова и Ковина. Виктор Жлуктов играет за ЦСКА, и я вижу его едва ли не ежедневно. Потому-то и могу сказать, что ни годы, ни звания — а он олимпийский чемпион 1976 года — не отбили у него желания тренироваться так же, как десять лет назад, когда он только пробивался к высотам мастерства. Владимира Ковина, хоккеиста из горьковского «Торпедо», после того, как он стал в Сараево олимпийским чемпионом, твои коллеги начали едва ли не жалеть — дескать, сколько его обижали, забывали.

Но жалеть Володю не надо. Вот это характер! Столько неудач, столько огорчений преодолел, а своего все-таки добился.

Не по злому умыслу не брали его тренеры — я прежде всего — на чемпионаты мира, а потому, что уступал Ковин в тот момент по мастерству или по уровню сегодняшней спортивной подготовки другим хоккеистам. Сейчас же Владимир был сильнее многих, и именно потому я включил его в сборную. А что касается возраста... то вовсе не паспорт определяет решение тренера. На весах учитывается лишь одно — сегодняшний уровень мастерства спортсмена. В сборную включаются те хоккеисты, что играют лучше и надежнее других. А история Ковина показывает, что хоккей хотя строг и взыскателен, но справедлив, и если спортсмен действительно стремится отвечать тем меняющимся требованиям, которые предъявляет игра,

Монреаль. Решающий матч розыгрыша «Кубка Канады» 81-го года. Канадцы Ги Лафлер (10) и Денис Потвин после неудачной попытки пройти оборону советской сборной. Слева — защитник и капитан команды СССР Валерий Васильев.

Телефото ЮПИ — ТАСС

если есть у него талант, то ему не страшны перемены, постоянно происходящие в спорте.

Журналист. Возраст в хоккее — понятие относительное?

Тренер. Конечно. Сейчас же хочу сказать, что я решительно против тех модных, к сожалению, веяний, согласно которым хоккеист на пороге своего тридцатилетия должен уходить из Большой игры. Ты вспомнил Дроздецкого. Сейчас ему 27. Твердо убежден, что Николаю вполне по силам сыграть весь следующий олимпийский цикл и попасть в 1988 году на Игры в Калгари. Мужчина в тридцать — тридцать три года в самом расцвете сил.

О Капустине. Сергей старше Дроздецкого, но я и на него рассчитываю при подготовке олимпийской команды 1988 года.

Мы уже прошли начальную часть дороги к Калгари, и на этом пути будет немало проверок и экзаменов. Напомню об участии сборной СССР в трех чемпионатах мира (1985, 1986 и 1987 годов), в «Кубке Канады» (1984 год), в четырех розыгрышах приза газеты «Руде право» и в четырех турнирах «Известий». А началась эта длинная серия испытаний апрельским турниром в Гетеборге и Карлстаде. На «Кубок Швеции» поехали новые для сборной молодые хоккеисты, в частности нападающие Сергей Немчинов из ЦСКА и Игорь Болдин из «Спартака». Оба они родились в 1964 году.

Журналист. В чем будет главное различие встреч на «Кубок Канады» —1976 и 1984 годов? Какие коренные изменения произошли за это время в мире хоккея?

Тренер. Отношение к делу стало значительно серьезнее. Теперь канадцы значительно больше внимания уделяют тактике. Глубже, основательнее стали и наши знания закономерностей игры. Разнообразнее атакуют хоккеисты соперничающих сторон, надежнее защищаются. В тактике построения обороны, ведения атаки, прохождения средней зоны, в путях и средствах контратаки — во всех фазах игры соперники стремятся найти что-то новое. Серьезнее стали относиться канадцы и к игре в неравных составах. Прежде они легко шли на удаление. Но когда сборные СССР и Чехословакии стали раз за разом наказывать их за нарушение правил голами, они задумались. И, в свою очередь, профессионалы теперь серьезно готовятся к разыгрыванию «лишнего» игрока, к реализации численного большинства — на авось они уже не полагаются.

Журналист. Да и уровень подготовки канадцев к матчам с нами резко возрос. Тем более к сентябрьским матчам. Если при первых контактах с клубами и сборными НХЛ, в частности в первой, ставшей теперь историей серии из 8 матчей, сыгранной в сентябре 1972 года, канадцы в начальных встречах выглядели откровенно неподготовленными и боевую форму обретали в ходе поединков (не случайно вторую часть серии, в Москве, они сыграли сильнее, чем первую), то теперь нельзя не заметить, что канадцы научились готовиться к сентябрьским баталиям.

Тренер. Теперь тренеры профессионалов ведут отбор игроков не только по уровню их мастерства, игрового искусства, но и с учетом характера каждого спортсмена, его умения и готовности выдержать трудное испытание. Да и тренерам европейских сборных, которые и раньше не забывали об этом аспекте подготовки команд, пришлось вдвойне, втройне усилить внимание к душевному состоянию своих подопечных. Посмотри, как изменились шведы и финны. Любопытная деталь — раньше многие скандинавские хоккеисты, отправляясь на работу за океан, надолго там не задерживались: не выдерживали жесткого хоккея. Теперь же игроки из этих стран с успехом выступают в клубах НХЛ. Не потому ли, что научились терпеть, стали бойцами с крепким характером?

Сказались со временем и изменения в правилах, во многом повлиявшие на характер хоккея. В частности, разрешение вести силовую борьбу по всей площадке, новая трактовка проброса шайбы. Игра стала более жесткой, но и более содержательной, насыщенной.

Журналист. Да, конечно, канадский хоккей в какой-то степени повлиял на облик европейского хоккея. Но и европейский хоккей и в первую очередь советский заставил многое пересмотреть канадских хоккеистов.

У меня сохранился апрельский номер журнала «Америка» за 1976 год. В номере опубликована статья Марка Мулвоя о влиянии советского хоккея на американский. Вспоминая первые встречи хоккеистов Национальной хоккейной лиги с их соперниками из Советского Союза, автор утверждает: «Но самым важным результатом выступлений советской команды было то, что тренеры как любительских, так и профессиональных команд поняли, что у заморских гостей есть чему поучиться и в стратегии, и в технике игры, и в методике проведения тренировок... Они противопоставили индивидуальному стилю канадских профессионалов коллективную игру, строго придерживаясь своей «советской системы», прекрасно отработанной Анатолием Тарасовым — «отцом» советского хоккея. Его основной план сводится к тому, что в постоянном движении должны быть не только все пятеро игроков, но и шайба. И действительно, советские игроки редко держат шайбу более двух-трех секунд — они стараются отпасовать ее как можно быстрее своему открывшемуся игроку или игроку, находящемуся в более выгодном положении».

Канадские специалисты обратили внимание на то, что хоккеисты сборной СССР находятся на льду не более 75 секунд, а затем заменяются. Тренеры НХЛ посчитали перспективным такое ведение игры и решили заимствовать опыт советских коллег. Это их решение вызвало недоумение и насмешки игроков. Мулвой рассказывает, в частности, о реакции на эту идею Фила Эспозито: "Как видно, тренер решил засадить меня на скамью,— говорит со смехом Эспозито.— После каждых 75 секунд я должен буду покидать лед».

Тренер. Да, хоккеисты НХЛ действительно раньше находились на льду около четырех минут без замены только потому, что темп игры был невысок. Хоккей был иным.

Одна из главных перемен в хоккее заключается в изменении психологии игрока, находящегося на льду. Раньше он стремился действовать так, чтобы хватило сил как можно дольше оставаться на площадке. Сейчас же он стремится выложиться до конца, отдать игре все силы без остатка в 50—60 секунд, и потому он постоянно в движении, в игре, он не зритель, не статист, но главное действующее лицо.

Журналист. Принято считать, что хоккеисты теперь находятся на льду около минуты, но едва ли не в каждом матче, который я мог посмотреть, ты нарушаешь этот принцип. То ты меняешь игроков через 30—40 секунд, то оставляешь их на льду и полторы минуты и больше.

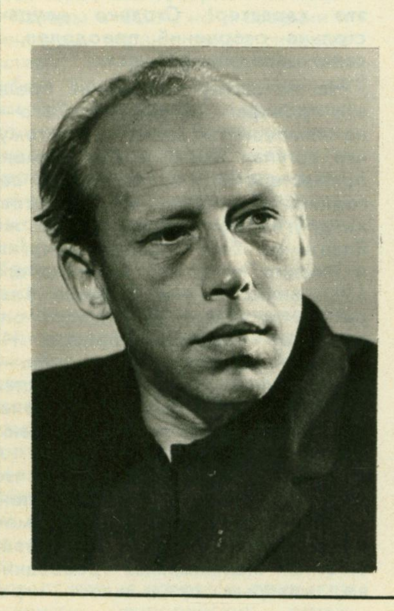
Тренер. Правила устанавливаются для того, чтобы их нарушать. Творчество — это исключение, отступление от правил. И хоккей постоянно напоминает об этом. Да, в среднем игроки проводят на льду по 50—60 секунд, но возможны и необходимы исключения. Ход матча подсказывает мне, задержать ли звено на площадке, или, напротив, отозвать его досрочно. Есть план общий и есть план скользящий, продиктованный действиями соперника, его сильными или слабыми сторонами. И если я обнаружил у соперника какие-то недостатки, то почему бы не воспользоваться ими? Да, хоккейный тренер — участник игры. Это замечательное ощущение. Но мы, тренеры, не всесильны. Иногда все видишь, все понимаешь, а сделать ничего не можешь: не выходить же самому на лед.

Журналист. А ты часто вспоминаешь себя на льду, в игре?

Тренер. Случается.

(Продолжение следует.)

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ТЕНДРЯКОВА

Не стало видного советского писателя Владимира Федоровича Тендрякова. От нас ушел тонкий, проникновенный мастер, каждое произведение которого вызывало неизменный интерес читателей и критики, рождало бурные споры в семьях, школах, вузах, в периодической печати. О такой творческой судьбе мечтает всякий литератор. У Владимира Тендрякова она была оплачена неустанными поисками истины, определившими структуру его последних произведений — повесть-диспут. Ставя своих героев в конфликтные ситуации, знакомя читателей с их нелегкой борьбой за утверждение в себе и окружающих нравственного начала, писатель никогда не стремился к «лобовому столкновению» правды и лжи, но каждой своей строкой убеждал нас в том, что никакие срывы и падения не способны «вытравить в людях человеческое».

Владимир Тендряков работал в советской литературе более тридцати лет и успел создать немало. Четыре его ранние повести: «Ухабы» (1956), «Тройка, семерка, туз» (1960), «Суд» (1961), «Находка» (1965) — раскрыли четыре человеческие драмы. За ними последовали «Апостольская командировка» (1969), «Ночь после выпуска» (1974), «Затмение» (1976), «Расплата» (1979), «Шестьдесят свечей» (1980) и другие. И вновь писатель не сглаживает острые, подчас трагические жизненные конфликты, он смело сталкивает своих героев с животрепещущими философско-социальными проблемами времени, веря в их честь, гражданскую совесть, в их «нерастраченные запасы доброты».

«Мы научимся жить» — этими словами заканчивается повесть «Ночь после выпуска». Сам Владимир Федорович «учился жить» на фронте, куда ушел со школьной скамьи радистом стрелкового батальона. В боях за Харьков был тяжело ранен, демобилизовался, учительствовал в сельской школе, а осенью сорок пятого поступил на художественный факультет ВГИКа. Затем — Литературный институт, семинар К. Г. Паустовского.

В 1951 году В. Тендряков стал корреспондентом «Огонька», где проработал несколько лет. На страницах нашего журнала печатались яркие очерки и статьи Тендрякова.

Надолго сохраним мы благодарную память о Владимире Федоровиче Тендрякове, писателе-коммунисте, отдавшем весь свой талант служению людям.

ОГОНЬКОВЦЫ

ДУША ОБЩЕСТВА

Денчо **ВЛАДИМИРОВ**

Товарищу Вылнарову повезло: в нашем учреждении получили одну туристическую путевку в Португалию.

— Кто у нас знает португальский язык? — спросил директор.

Все молчали.

— Конечно, это необязательно,— сказал директор.— У туристов будет переводчик. Но если бы представитель нашей организации сумел хотя бы в общих чертах объясняться с местными жителями на их родном языке, это было бы для нас престижно.

— У меня дома есть болгаро-португальский разговорник,— сказал Вылнаров,— мой дедушка в молодости ездил в Португалию по служебным делам.

— Вот и прекрасно! — сказал директор.— В разговорниках обычно имеются разделы по различным вопросам. Сколько времени вам понадобится, чтобы освоить главные из них?

— Думаю, что в месяц можно уложиться.

— Отлично. Мы вам создадим условия.

Получив бесплатное место в Доме творчества сантехников, Вылнаров трудился, не покладая разговорника.

Через месяц он уже довольно бегло мог объясняться по-португальски — задавать вопросы, а на некоторые даже отвечать.

Путевка была вручена ему в торжественной обстановке, и он отправился в путешествие с группой туристов.

Вскоре до нас дошли сведения о триумфе Вылнарова. Впервые он отличился в лиссабонском аэропорту. Представитель туристического бюро обратился к гостям по-португальски:

— Как вы себя чувствуете после длительного полета?

Туристы посмотрели на Вылнарова. Он ответил без запинки:

— Прекрасно, хорошо, не совсем хорошо, плохо, устал (устала), нездоров (нездорова).

Встречающие отметили его остроумие. Две прекрасные брюнетки преподнесли Вылнарову розы.

— Это лекарство внутреннее или наружное? — спросил Вылнаров.

Наградой ему был дружный смех. Директора туристической фирмы тут же уведомили, что с болгарской группой прибыл инкогнито какой-то, видимо, известный комик. Директор с супругой поспешили в ресторан, где туристы уже рассаживались к обеду.

Вылнарова посадили на почетное место. Метрдотель склонился к нему.

— Что вы будете есть? — почтительно спросил он.

Этот вопрос был Вылнаровым хорошо проштудирован. Он ответил, не задумываясь:

— Дайте, пожалуйста, одну (две, три, четыре) порции бифштекса (шницеля, ростбифа, печенки, мозгов, баранины, цыплят, сосисок с капустой).

Директор расхохотался и поднял первый бокал за здоровье дорогого гостя.

— Я хочу приветствовать известного болгарского юмориста,— сказал он.

Вылнаров уточнил:

— Я инженер (слесарь, шахтер, агроном, певица, балерина, зубной техник)...

Хохот и аплодисменты покрыли его слова.

Супруга директора, красавица на любой вкус, поменялась местами с мужем и села рядом с Вылнаровым.

Поглядев на ее декольтированное платье, Вылнаров любезно спросил:

— Сколько стоит метр шелка (сатина, шевиота, драпа, ковровой дорожки)?

— О! — воскликнула дама.— Я слышала, что болгары — весельчаки, но не предполагала, что до такой степени! Вы — душа общества!

Эта тема разговорником не была предусмотрена, однако Вылнаров не растерялся. Приятно улыбнувшись даме, он обратился к ее супругу:

— Что сказал (сказала) этот мужчина (женщина), старик (старушка), мальчик (девочка), крошка?

— Они спросили,— весело ответил директор,— не желаете ли вы что-нибудь выпить.

Сообразив, о чем идет речь, Вылнаров повернулся к даме.

— Принесите мне, приятель,— сказал он,— немного коньяка (виски, джина, ликера, шампанского, пива, кипяченой воды).

— Коктейль «Адская смесь»! — догадался метрдотель, и перед Вылнаровым мгновенно появился высокий бокал с пенящейся жидкостью. Вылнаров картинно поднял бокал и, обратившись к даме, сказал:

— Разрешите налить вам еще, приятель!

После чего залпом осушил бокал.

Выпучив глаза, он окаменел. За столом наступила напряженная пауза. Вылнаров долго хватал воздух, наконец прохрипел:

— Где кран экстренного торможения?..

Теперь уже хохотал и аплодировал весь ресторанный зал.

К Вылнарову подбегали какие-то люди, трясли ему руки, просили автографы. Вылнаров прикладывал руку к сердцу и отвечал сумбурно мелькавшими в мозгу фразами из разговорника:

— Как называется этот танец?

— Сколько у вас коров, свиней, телят, овец?

— Приятного аппетита!

— Примите, пожалуйста, пальто и шляпу!

— Воротнички прошу накрахмалить.

— Давайте торговать!..

Все дальнейшее путешествие туристов проходило под знаком возраставшей популярности Вылнарова. Его наперебой приглашали в гости. Его высказывания цитировались в местных газетах как образцы остроумия.

Вот некоторые из них:

«На вопрос о его возрасте господин Вылнаров ответил:

— Мне двадцать (тридцать, сорок, пятьдесят, шестьдесят, семьдесят) лет...»

«На футбольном матче г-н Вылнаров спросил:

— Сколько мужчин (женщин) занято на этом производстве?»

«Посетив пивоваренный завод и попробовав местного пива, г-н Вылнаров захотел узнать:

— Давно ли построен этот нефтепровод?»

«На концерте модного певца г-н Вылнаров спросил:

— Как выключается этот пылесос?»

На обратном пути в лиссабонском аэропорту, после того как таможенники перерыли его чемоданы, г-н Вылнаров сказал:

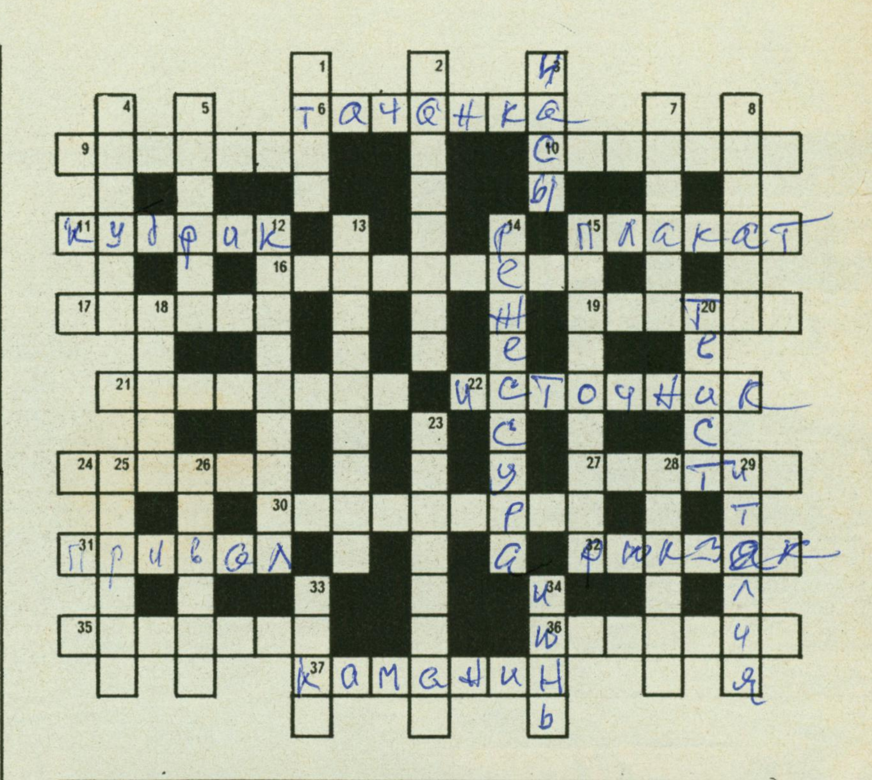
— Заверните, пожалуйста, все вместе. Сдачу оставьте себе.

Вылнаров благополучно возвратился домой. Жизнь его потекла однообразно и плавно. Никто ни дома, ни в учреждении не считал его остроумным, а тем паче душой общества.

Возникает вопрос: как мог скромный, застенчивый и молчаливый Вылнаров на зарубежной почве сойти за острослова?

Хотя, говорят, для этого иногда достаточно спрашивать и отвечать невпопад. Ну, тут уж разговорник — незаменимое подспорье.

Авторизованный перевод с болгарского Н. ЛАБКОВСКОГО.

КРОССВОРД

По горизонтали: 6. Картина М. Б. Грекова. 9. Деталь поршневых машин и механизмов. 10. Дирижер, народный артист СССР. 11. Жилое помещение для команды на морских судах. 15. Вид агитационной графики. 16. Один из основных элементов устройств автоматики, телемеханики, радиотехники. 17. Звезда в созвездии Близнецов. 19. Река в Сибири. 21. Зодиакальное созвездие. 22. Родник, ключ. 24. Пушной зверь, обитающий в лесах Америки. 27. Поэма Т. Г. Шевченко. 30. Стихотворение Н. А. Некрасова. 31. Остановка в походе на отдых. 32. Заплечный мешок для вещей. 35. Река, впадающая в Байкал. 36. Правосудие, судопроизводство. 37. Летчик, один из первых Героев Советского Союза.

По вертикали: 1. Картина Б. М. Кустодиева. 2. Лекарственное растение, дальневосточный кустарник. 3. Прибор для отсчета времени. 4. Птица семейства тетеревиных. 5. Горная порода, строительный материал, декоративный камень. 7. Героиня романа Г. Флобера. 8. Балет Ф. Яруллина. 12. Дикая птица отряда куриных. 13. Город в Татарской АССР. 14. Руководство постановкой спектакля, фильма. 15. Экспериментальное устройство для измерения сжимаемости веществ. 18. Денежная единица Эквадора. 20. Автор романа «Путешествие Гулливера». 23. Дагестанский режиссер и драматург. 25. Советский ученый, изобретатель, один из пионеров ракетной техники. 26. Многолетнее травянистое растение, маралий корень. 28. Древнегреческий математик. 29. Государство на юге Европы. 33. Чешский график и живописец. 34. Летний месяц.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 33

По горизонтали: 5. Решетников. 6. Шлагбаум. 8. Рекемчук. 11. Стаж. 12. Гиперион. 13. Хорватия. 14. Змея. 16. Округ. 18. Фикус. 19. Котляревский. 22. Шпага. 23. Тарле. 25. Азов. 27. Оператор. 28. Методист. 29. Ципа. 31. Каттегат. 32. Аналогия. 33. Биктемиров.

По вертикали: 1. Бенардос. 2. Термос. 3. Витраж. 4. Коркодон. 6. Шарикоподшипник. 7. Аллегро. 9. Чеканка. 10. Комиссаржевская. 14. Зарянка. 15. Яковлев. 17. Гроза. 18. Флинт. 20. Лауреат. 21. Предлог. 24. «Лоэнгрин». 26. Незнамов. 29. Цитата. 30. Апатит.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: А. М. Горький в президиуме Первого Всесоюзного съезда советских писателей.

Фото И. Шагина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: А. Головин. 1863—1930. ДЕВОЧКА И ФАРФОР. 1916. Государственная Третьяковская галерея. (См. в номере статью Игоря Долгополова «Шедевры».)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

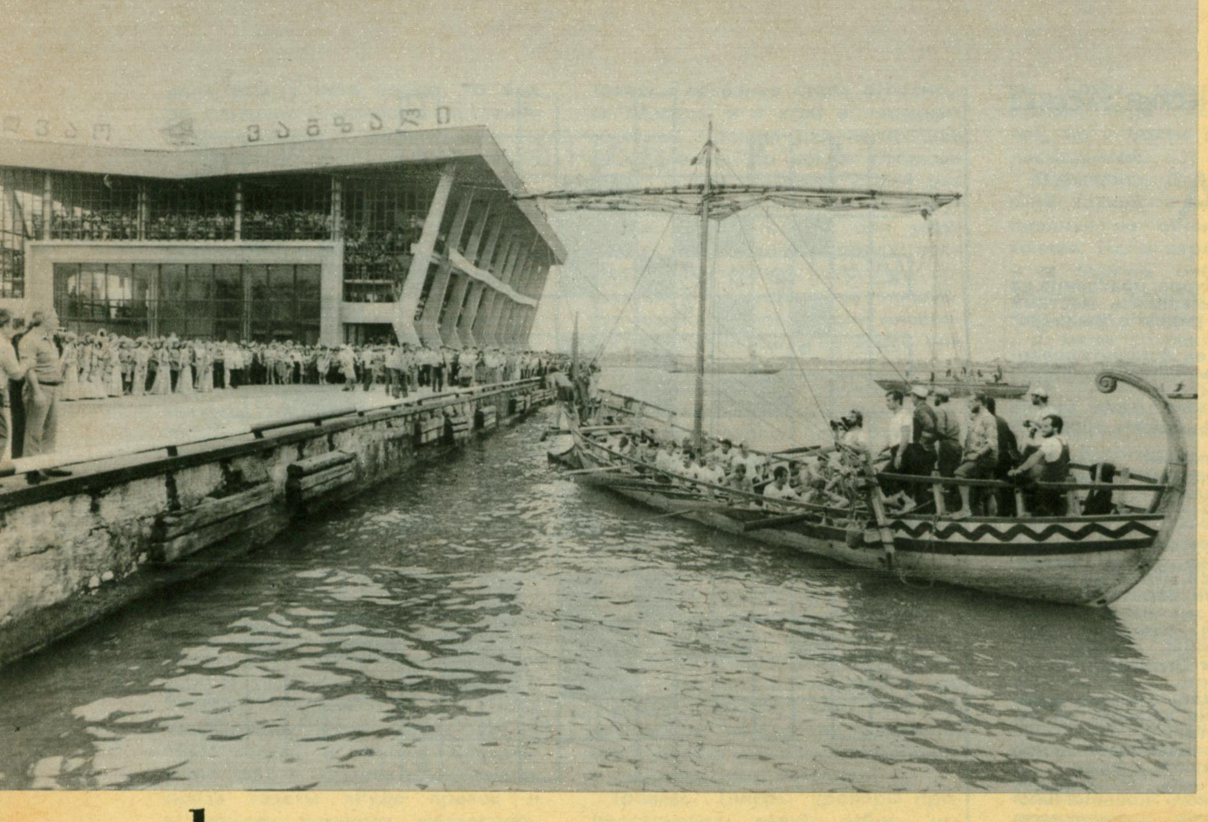
Оформление при участии Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

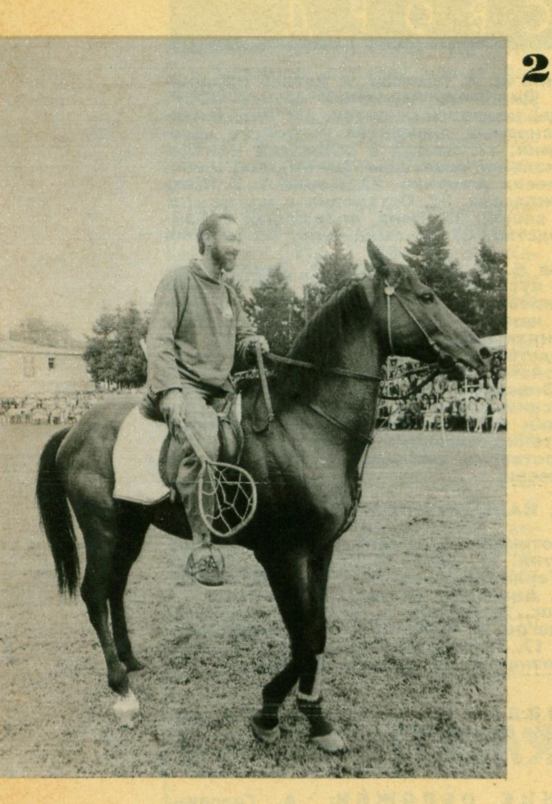
Сдано в набор 30.07.84. Подписано к печати 14.08.84. А 00404. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 10,87. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 719 000 экз. Изд. № 1724. Заказ № 3196.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

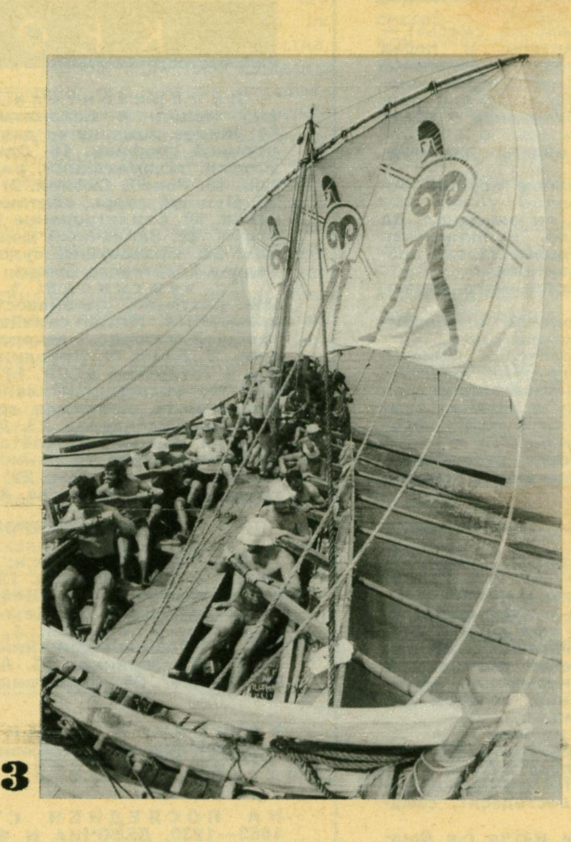
АРГОНАВТЫ

1

2

3

4

Всем памятна легенда о том, как тридцать три столетия назад древнегреческий герой Ясон со своим экипажем отправился на галере за «золотым руном» к берегам Колхиды. Повторить путь легендарных аргонавтов от начала до конца — такую задачу поставил перед собой английский писатель, ученый и путешественник Тим Северин. На счету у Северина это уже третье путешествие. Семь лет назад на кожаной лодке кураке он вместе со своими четырьмя товарищами пересек Атлантику, а спустя три года отправился в длительное путешествие на паруснике — копии арабских судов двенадцативековой давности.

Новым аргонавтам предстоял долгий, трехмесячный поход от берегов Греции, через проливы Босфор и Дарданеллы по Черному морю к грузинскому городу Поти — древней столице Колхиды. При помощи рыбаков греческого острова Спеце была построена из сосны без единого гвоздя по дошедшим до нас чертежам двадцативесельная галера «Арго». Повторяя маршрут Ясона, путешественники не пользовались никакими современными средствами мореплавания.

Экипаж современного «Арго» интернациональный, и через определенные интервалы одних гребцов сменяют спортсмены других стран. Когда в конце июля аргонавты вошли в территориальные воды СССР, навстречу мореходам поспешил трехмачтовый учебный барк «Товарищ». Встречала гостей и надувная лодка телекомпании Би-би-си, которая сопровождала их до конца похода. В нейтральных водах Батуми турецких спортсменов сменили грузинские гребцы во главе с мастером спорта Владимиром Берая, и судно отправилось в Поти, к истокам легенды о «золотом руне».

Казалось, все местное население высыпало на берег приветствовать новых аргонавтов. «Такой праздничной встречи я не ожидал»,— признавался Северин. Гости побывали на раскопках древнего городища, которые ведутся под руководством известного грузинского археолога, профессора Отара Лордкипанидзе и свидетельствуют о высокой культуре Колхиды того времени, подтверждают мифы о ее несметном богатстве. Мореплаватели своими глазами увидели «золотое руно» — технологию древнего способа промывки золота. Жители Сванетии добывали золото, опуская в ручьи промытые бараньи шкуры, в шерсти которых оседал золотоносный ил и крупинки драгоценного металла.

В столице Грузии аргонавты встречались с учеными, посетили музеи, выставки, ознакомились с достопримечательностями города. И везде гостеприимная Грузия оказывала радушный прием экипажу «Арго». Позже на пресс-конференции Тим Северин сказал: «Наше пребывание в Грузии окупило все трудности похода. Мы увозим самые лучшие и теплые впечатления и твердую уверенность в полезности плавания новых аргонавтов к берегам Колхиды».

О. НИКИТИНА

1

«Арго» в порту Поти.

2

Тим Северин принял участие в грузинской национальной конно-спортивной игре.

3

Экспедиция Северина в пути к берегам Колхиды.

4

Отважный мореплаватель знакомится с древним способом промывки золотоносного песка.

5

Так встречали новых аргонавтов в Вани.

6

Сказочный корабль в водах Черного моря.

5

6

Фото А. РУХАДЗЕ (ТАСС)

Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

ISSN 0131—0097